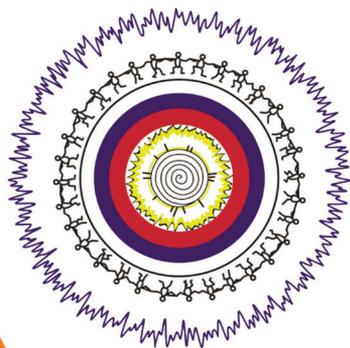

Ассоциация коренных
малочисленных народов Севера,
Сибири и Дальнего Востока
Российской Федерации

The Russian Association
of Indigenous Peoples of the North

ГОЛОС СЕВЕРА

THE VOICE
OF THE NORTH

АССОЦИАЦИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2022-2032 | МЕЖДУНАРОДНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

ГОЛОС СЕВЕРА

*Сборник произведений участников
Третьего литературного конкурса
«Голос Севера»*

ПРИЛОЖЕНИЕ.
ОТРЫВКИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АВТОРОВ-СЕВЕРЯН

Санкт-Петербург
2021

THE RUSSIAN ASSOCIATION
OF INDIGENOUS PEOPLES
OF THE NORTH

2022-2032 | INTERNATIONAL DECADE OF
Indigenous Languages

THE VOICE OF THE NORTH

*Anthology of works by participants
of the Third literary competition
“Voice of the North”*

APPENDIX.
EXCERPTS FROM WORKS BY NORTHERN WRITERS

St. Petersburg
2021

УДК 821
ББК 84(21)я43
Г61

*Сборник издан при поддержке
ООО «Иркутская нефтяная компания»*

Ассоциация КМНСС и ДВ РФ благодарит за содействие
и помощь в издании сборника
и. о. генерального директора ФГБУ «Президентская библиотека
им. Б. Н. Ельцина» *П. Г. Терещенко*,
директора Санкт-Петербургского филиала
ОАО «Издательство „Просвещение“» *С. Ф. Зубова*
Перевод на английский – *Саймон Паттерсон*

Редакторы-составители:

*Вейсалова Нина Глебовна, Чернышова Светлана Леонидовна,
Бельды Екатерина Николаевна, Рачинская Марина Афанасьевна*

Г61 **Голос Севера** : сборник произведений участников Третьего литературного конкурса «Голос Севера». Приложение. Отрывки из произведений авторов-северян. / Общероссийская «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; ред.-сост. Вейсалова Нина Глебовна [и др.]. – СПб., 2021. – 265 с.

Некоторые творческие работы, не вошедшие в шорт-лист, а также отдельные литературные произведения из присланных на конкурс писателями-северянами, подготовлены к публикации в электронном приложении книги «Голос Севера».

УДК 821
ББК 84(21)я43

© АКМНСС и ДВ РФ, 2021
© Н. Г. Вейсалова, С. Л. Чернышова, Е. Н. Бельды,
М. А. Рачинская, составители, 2021
Все права защищены

*The publication was issued with the support
of Irkutsk Oil Company LLC*

The RAIPON would like to thank for assistance
and help in publishing the anthology:

acting general director of the Presidential Library

P. G. Tereshchenko,

director of the St. Petersburg branch of Prosveshchenie Publishers

S. F. Zubov,

English translation – *Simon Patterson*

Editors and compilers:

*Nina Glebovna Veysalova, Svetlana Leonidovna Chernyshova,
Ekaterina Nikolaevna Beldy, Marina Afanasyevna Rachinskaya*

Voice of the North: anthology of works by participants of the Third literary competition “Voice of the North”. Appendix. Excerpts from works by northern writers / The Russian Association of Indigenous Peoples of the North; edited by Veysalova, Nina Glebovna [et al.]. – St. Petersburg, 2021. – 265 p.

The present publication is the result of the Third literary competition “Voice of the North”. The anthology contains works of both well-known and new northern writers, who passed the competition selection in the categories “Children’s literature” and “Prose” and “Poetry” in the languages of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation with a translation into Russian and English. The publication is recommended to school pupils, parents, teachers, and lecturers of the mother tongue, literature, and culture of Indigenous Peoples of the North, Siberia, and the Far East of the Russian Federation, and also readers interested in the contemporary literary works of northern peoples, their national and cultural uniqueness and lexical wealth of language.

All texts in indigenous languages are published in the author’s edition.

© RAIPON, 2021

© N. G. Veysalova, S. L. Chernyshova, E. N. Beldy,

M. A. Rachinskaya, editors and compilers, 2021

All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

Гудан Евгений Павлович (ульчский язык)	
Бэйчимдисэл поктокини («Маңгунча»)	8
Д'эрги идэни гэрхэ.....	18
Карги гасан.....	23
Гудан Евгений Павлович (ульчский язык)	
На охотничьих тропах (Из романа «Люди Амура»).....	29
Агбиндий эндуу – чёрная оспа	45
Энекэ и старик	48
Прощание с Болан	51
Стойбище Карги.....	55
Gudan, Evgeny Pavlovich (Ulchi language)	
On Hunter's paths (From the Novel "The People of the Amur")	62
Agbindii enduu – the black pox	76
Eneke and the old man	79
Farewell to bolon.....	82
Kargi camp	87
Лонгортова Зинаида Викторовна (хантыйский язык шурыйшкарский диалект)	
Ими Хилы па худам Меңк ики	93
Ими Хилы па Меңк ики	98
Ими Хилы яйдал пилн.....	105
Лонгортова Зинаида Викторовна (хантыйский язык шурыйшкарский диалект)	
Ими Хилы и три людоеда Менка	110
Ими Хилы и дядюшка Менк.....	118
Ими Хилы и его братья.....	126
Longortova, Zinaida Viktorovna (Khanty language, Shuryshkar dialect)	
Imi Khily and the three cannibals named Menkv	133
Imi Khily and Uncle Menk	141
Imi Khily and his Brothers.....	150
Пяк Маргарита Откалевна (ненецкий язык)	
Хайвэ	156
Пяк Маргарита Откалевна (ненецкий язык)	
Наследство	172
Рyak, Margarita Otkalevna (Nenets language)	
The Inheritance	188

Трифоев Виктор Павлович (вепсский язык)	
Toine ma (<i>Starin vepsläižes kändizas</i>).....	203
Трифоев Виктор Павлович (вепсский язык)	
Другая земля (<i>Отрывок из повести</i>).....	212
Trifoev, Viktor Pavlovich (<i>Vepsian language</i>)	
Another Land (<i>Excerpt from the story</i>).....	223
Яптунэ Рауса Пехедомовна (ненецкий язык)	
Ийко нюдяко нгацекы илемя.....	234
Ийко вангын еревома.....	236
Вэнеконто мят серта.....	239
Яптунэ Рауса Пехедомовна (ненецкий язык)	
Малышок по имени Ййко	241
Славное угощение. Гнездовье птиц	246
Дом для любимой собаки.....	250
Yartune, Raisa Pekhedomovna (<i>Nenets language</i>)	
A boy called Iyko	253
The glorious treat. The birds' nests	257
The Little Swimmers	261

Гудан Евгений Павлович

Ульчский язык

БЭЙЧИМДИСЭЛ ПОКТОКИНИ

(«Маңгунча»)

Нуңгдувли туэ тимаи сэм бидуни элэкпэл долдуу нэлэчүм сойка муриvéni. Хайду ну сисиктэ долани эркэ яяхани чочку чиндэни, тара хэмэ очухани. Мола дуктэлүхэни пилакта. Хамата-дэ хум сеси уйсини, дуэнтэ д'ярин мэч холдини хурэсэлки, тара хэрэ бипэ эркэ сэси кэвэнини. Ан хайм молчоду сэм очини? Хай хава-си нэнэхэни? Хаваси чиндэсэли, нэпултэсэли нэнүхэти, хаваси сирихэти? Хайм хэмэ очити Дабан улэн тэңкучихэни хай хон тивани молчоду. Укчу, укчу би симата эркэ тукулсэхэни бад'и нан бэйэтини, тара унд'үхэни, хэду хэдуми элэкпэл ходиха. Элеутероккок суктусэлни тунчэсити. Бэйчимди исални гэпэң-гэпэң тунчихэни, ти укчу симатакасали нан исалтини тукувчэни унд'үни, нан дэрэңни чикпахани, тива мэн нэлад'ии хавчихани. Дабан илсуми ичэд'эхэни туэри иргавани, хони нуңгди иргалахамбани. Нан тива инэң-инэң ичэд'эхэни, тахандэ, тэс улэсуми гучи ичэд'эхэни. Мосал хабдатасал ана, суктусэли ойокини укчу-укчу симатасалд'и дасувха, пулта мэч-дэ. Бэйчэмд'исэл поктони нэмдэ нэнини мосал алдаңкини, хурэсэл алдаңкини хайки-дэ хум, ти поктоки Дабан нэнини. Нан дони оркила очини, хайвану пунини, мэдини. Бэйчув эру исихэ. Эй туэ Дабанду д'ату. Д'улу симата тукувэми Дабан вахани малху хулусэлвэ, сэлэсэлвэ,

сиводушкисэ-лвэ, луд'улисэлвэ. Бэйчэмди мэн д'оло муручихэни, байа дуэнтэ усэлтэсэлд'и, мосалд'и, дэксусэлд'и, д'олосалд'и, ба чупал уйю, тисали мэн д'оло урчулундиги. Тива сарин ну бэйчэмди сарин билэ. Сарин билэ, нан дуйси топи кэсивэ гэлинэ, чэучи, мэхурачи тахани дуэнтэ эд'энтини, ба чупал уйю, на ойолани мо хэрэлум сар бичини чиндэ упулт-эсэлни. Симатаки тиду эйду топ-топ сэксэ сабдасални. Мэн дилии уйси эврихэни, ичэхэни мо суктусэлни алдандуни бучи чиндэвэ. Сойка нан дилдуни очини. Бучи чиндэ дилини ладэ-ладэ бичини, исални бур пленкади дасувха мэч бичини. Бэйчэмди сахани хамата вача вачахани ти удэдуни, улэн ичэкэчихэни мо поровани, салат'ухани суктусэли алдандуни сэпэвэ, нан ни д'идивэни долдара, мэн вахамби чиндэвэ нялара, сиркэчихэни. Бэйчэмди мэн доло муручихэни ан хай валэхани минти дидину, эй бэйчэв эрундуни би хайва-дэ хум улэн тахамң-гуни, хон мин амби татучахамбан. Чэучиха, кэси гэлэхэ дуэнтэ эд'энтини, капалисалва түлэхэ, дэңурива нусихэ, гучи сари хони мэпи хоруву. Дабан сахани дуэнтэ дородуни маңга усэлтэ дэптени никчу усэлтэвэ. Дабан сахани инэң-инэң хай-дэ хум осивани дуэнтэду, нан явхаси бичини, татахани. Эйнэңги, ти сойка будэрэ, мо суктудусэлдуни тахани, гэ ти орки валэха осин-дэ билэ? Нан д'онд'ухэни, хони дадаңуни алдачихамбани нучи бичиндуни, бучи чиндэвэ ичэвхэ осини мо суктусэлдуни синду кисяку осини. Нучиду алдачувха тэлуңгүвэ д'онд'ура, элхан ти мова. Мосал докини чалупти нэнэхэни мэн калаңгути, мочовли очи пинаи таку-насуми. Дуэнтэ хэрэлум балдихани Болонь хэвэвэни, ти долони усэлтэ д'эпултэни малху. Сэпэсэли, хулусэли су нэнэми тэс диргами д'экпити болдикта, колдо боктосалвани, бэктэ апидаря нэнити хэдибэни. Кукай-сали, сойкисали мэн доло сорити, карамакачити болд'икта, колдо боктасалвани. Дуэнтэду тосалда малху, тисали гэсэ эмэд'уми д'эптити, камурд'ити песали долани. Дабан д'уэл

аксалчу, тисали-дэ бэйчэмд'исэли. Ила нисэли гэсэ торити дуйси бэйчиндэми, нандути бичини тау йаңдакусали, тау калаңгусали. Чу даи аңни гэлбуни Чурина гугда, бэйэн дикту. Амби нэнэхэн хэмэ-хэмэ кадараку. Эмдэ булти вэмб-учэн нисэли чупал долдити. Нисэли нан гэбувэн таунчити. Гойдума аңни дулидума гэлбуни Канчуга, маса, бэйэн нэктэлэ бичини агд'и, тэс сулу. Нисэли намбани үлэсихэти, мэн тэру долони нан даламд'и бичини. Пуйадума нядяктати гэлбуни Дабан, нан д'апахани д'уэл аксал итисэлвэни хэрэ сулу, хэрэ хэмэ би. Амин, энин намбан гэлбусихэти пуянгу нэвдумэ. Тахандэ нан ларги бэйчэмди, бутамд'и, сэчэ, сапавли бичини. Дабан мэн калаңгаи анд'ухани үлэ бэсуду. Молчо долани мосали балдихати вами, гугда, сургихама хастасали, маси сисисэли налад'и намами мутэвэси, кэт вами мосали, дякпадуни илсити гуд'укудувли песали, маси колдосали, лугбу суктусэлби хайки-дэ хум гүлдэхэти. Ти калаңга д'акпадуни хэйэхэни чауд'уми уни. Уни хэйэм дэрүхэни гороло би хурэсэлд'и Сихотэ-Алин-д'и. Маңга нуңдиду, ти уни пэрэңни сиңудэсини, гэгд'э уни муни ан'ан холум хэйэни. Тау беду, бе элэ маниридуни актунд'а гэсэ капалд'ути даи агду Чурина калаңгудуни. Пэргэлити хайва хон табди, хон бибди. Бе тэд'эвчум манирин бискэ, нан дувэни элэ нангуни мо поросалвани, долбо кэт үлэ ичэу белтаду. Маңга нуңдиду долбо сэм би баду долдуву хон сесиндивэни мосали, дэксус-эли. Дабан илсихэни мэн калаңгуй д'акпадуни, пас-пас часуми макурва, тара мэн иңдаңгуй дэпувэнчини. Нан макурсалва тес бэлихэни тувэ холум д'эбди, боло солод'уй давасалд'и анд'уктахани макурсалва, сиэрисэлвэ, холд'очахани саасалду. Иңдава малху д'эпувэмб-увэси, нан усэлтэвэ бэйчэси осини, д'алум би хэмдэд'и. Дабан эркэ булчихэни мэн иңдаңгуй диливэни, иңдаңгунигдэл эпэрэмсум халачихани д'эпултэвэ, мэн худ'уд'и таваси-эвэси тунчувэнчини. Бэйчэмд'и дони оркила очини, кисякува

мэдэхэни. Мурумбэ гасам бичини. Ан хай осин ну, нгуй хон бин ну, тисэ долбо толчичахани. Толчинду ичэхэни Болонь хэвэвэни гэгд'э мувэни. Ти хэвэ пэрэгвэни-дэ, д'аванивэн-дэ ичэвэси, хайки-дэ хум му, му. Гороло талд'ила ани пурунсивэни ичэву, хайвану гэлэкэчини д'эбди. Анайэ, элэкпэл дэгдэхэти гайсал мандуни, тэс даи дил'дянд'и мурамар, гакимар, мэн сахар хасасалд'и хархумар элэ хукчи мэч тахати ти анибан. Ани чуп му дотини пурунчини, агбунд'юмдэ агбунд'аси му ойотини. Ан, хайхан ти ани, халэ агбунд'уни ти нэлэпсули толчива толчичахани бэйчэмди орки толчи, нан дони бадэ орки очини. Нан исалдуни норум очини бучи сойка дилин ладэ-ладэ лэмбилэхэн уйлэ мо суктусэлдуни. Дайдума аңгни мэн калаңгад'и эмдэ-эмдэ н'эпэчихэни бати. Нан бэгдини тэс хаулхани, бэгдин пуйэн тэс гилчини тунчидуни, калаңгадуни нямавли, бэлихэн мосали эгди, хасулга-дэ йсини. Тахан-дэ мосалва молав гуни дуйси. Чуринага сахани бе элэ манирини, нан нэусэлни д'ид'ит эру эл исихэни, халачум тэсихэни мурум гасами. Ан, хайва хон тахамну, хайми ти очимби бэйчэву эрунду хайва-дэ хум тэң тахам гуни, хон мин амби вэнчимбэни. Кэси гэлэхэ ду-энтэ эд'энтини, хон буйувэ ваву ан'мараду авридуни, хони капалисалва тулэву, хон мэпи хоруву амба дусэ хасасин осини. Чуринага тэсүмдэ д'онд'ухэни, хони валэха очимбэни гуси бедуни. Ти инэң кэт улэ бичини. Тимай бала сиу тыны гарпалудуни, нан йоросуңдами нэнэхэни капалисалва дуэнтэти. Нан куңгултэни симата ойокини нэнэми пэкор-пэкор пэкорд'ихани. Нан нуңдид'и нэлэчисини. Молчоду хай хон тивани чупал сарини, ичини. Сули поктовани, хони гэлэкэчум нэнивэни. Хэрэ нэнэрэ ичин сули поктовани, хон сиңгэрэвэ вахамбани, вара сэңгульчак лун'бэхэмбэни, кэт маңга хагбам бичин билэ. Сиңгэрэвэ лун'бэрэ, хэрэ апид'ара эркэ нэнухэни. Сиргэ хэрэлум дэксусэл балдихати, ти алдаңкини би симата ойокини ичэву туксасалпоктосалвани, симатава

тили, тили тактавчувха, туксасали д'экпители н'авд'а дэксу хурактасалвани, тара тиду пэк чэчи, амчи тахати. Чурина гупал ичини усэлтэсэли поктовани, даңсава тауди мэч таундини. Бэгдин пуйэни гилчилухэни, д'эунти бэгдини тэс хаулхани, пуйэни мухэрэд'ихэни, нан мэн пэруй бэтэхэвэн гудэлэрэ ходихан. Гитул муд'и мэн бэгдии ойотини хулсихэни, полони йэбэлэ обдани, тара нилхэни пуйэвэ буйу тумпад'ини. Калаңгадуни нундувли очини. Чурина илум-дэ мутэсини, тава ивам-дэ мутэсини, тава каниду гупкини. Му пачаду сиңгунчини. Павава дасувха нанта мэиктэнэхэни Чурина нундусум дилитини орки муру ихэни, эси би эйду сиңгучим осини, мин д'есилби мимбэ бакулат ма нэннэ оңдосол тайхамба-ни, тэтувэй гудэ-гудэ гудэхихэмбэти, хад'усалгуиваи хавасидэ хум вэсэкэхихэмбэти. Ти орки мурунд'и муручум, хэчучум нака ойолони тэсихэни. Тамдэ, элэкпэл долдихани гороло бала иңда вачивани. «Ан, мин дилии долани хай уйсулухэн кэн'» – муручихэн Чурина. Саңна мин д'есилби дидит билэ минти мэн доло вэнчи-ни нани. Ичин, иңдаңгуни сени лэлбэрэк очини, хураи эврирэ, пунсихэни. Гэ, тэд'э мин нэусэлби дидит билэ гучи долдихани иңда экулэ вачивани. Нэун Канчуга салад'ухэни агби калаңган кулакини саңня нэрэсимбэни. Мин агби нэнэхэн билэ бэйчиңдэми, йоросиңдахан билэ мэни капалисалңгуи гучи мова молохан билэ? Нэвусэлни исихэти Чурина калаңгаңгувэни, симатава гупихэти утасалд'и, пинаи ачухал тара чау урчулунчители бу эси канива иванди, унуруд'и мэн агби дид'увэни халачи вэнчини Канчуга. «Ан, ичэв улэндэ Чурина поктовани ичэвэси» – вэнд'ухэни Дабан. «Тэд'э, ага поктовани ичэвэси, хай хон, очини» – вэнчини Канчуга хэду уйлэ хэдундуми, тунчивэнчини мо поросалвани, пэд'илэ сэм бичини, дэксусэли суктусэлдуни малху симата, пулта мэч дасувха. Иңдасали калаңга учэвэни хусачумар д'ёмбухати чиңгами, ядара д'эпти, апид'и тичахати. Калаңга долон би

иңда, тива долдара вачулухани. Чурина долдихани д'есилби урчулундивати, барачуми вэмдэ мутэси очини. Тахандэ, мэпи д'япчамачуми мэн иңдаңгуйти вэнчини: «Гэ, си хайва город'и авлачиси-кэ, нэнэв тургэнд'э андахасалва ачалиңдами!» Иңдаңгуни, соңсоп пучухэни, тара худ'уйд'и таваси эвэси тунчувэми, ичэд'эхэни учебэни, чэк очини д'есилби ачалабди.

Канчуга учэвэ нихэни, якчум кэвэ, ихэни, хайва-дэ ичэвэси, пактувли. Хэрэ бирэ исални татахани пактувлти, тиду мук салат'ухани мэн агби, нан бусэсихэни тэбди наканду синэд'уми, синэд'ум мэпи эвричихэни, хондэ тэм мутэм кэвэни.

– Ага, хайми ти очис-кэ? – мурахани Канчуга.

– Ага, хайми онди чором бискэ, хайми пуликтисти-кэ? – пансихани Дабан.

– Маңгалахаиби сум-бэ халачумдэ-дэ, бэгдии байлахамби. Мин бэгдии тэс гилчини, нэнэмдэ мутэсимби! – энсум нан дэрэңкини йэсэңи хэйэлүхэни.

Нэвусэлни хайвадэ эндэ вэндэ, намбани улэң накати нэхэти, тара йоросулухэти нан бэгдивэни. Аңни бэгдини тэс хаулха, пэнэң пуйэн тэс мухэрэд'ихэ, нэксанахани, бэгдин полон тес маңга!

Пуйэвэн улэн октичаха нутэди капсаха, октова бухэти агду полон кэвэ обдани. Дабан тава иванчи, чайва пуювхэ, гад'ухамби хуйсэсэлңгуи дэрэ ойотини нэхэ, д'эми дэрүхэти. Д'улэси агби д'эпувэнчитити, тапэ иңдасалва д'эпувэнчитити, иңдасалвад'эм ходувами бати пуңнэхэти, тара мэнэ д'экпити. Эсигдэл апид'и-дэ айа, нака ойотини агби д'якпадуни тэхэти. Тиду мук аңни алдачулахани, хони вачалахамби буйуд'и.

– Нэнэхэмби д'эңгурасалва йоросиңдами, ила сэпэсэ-лвэ ачу-ха капалисалд'и, кэт д'ату инэң бичини. Нэнэмдэ, элэкпэл мин д'улилэй агбунчини тэс даи сахари буйу.

Мапа посиктэвэни корпихэм ичэм, кэт нэлэпсули, минти тагдам кэтим ичэд'эхэни, хама манад'и илхэ, бэйэн тэс даи, гугда, би нан хэнгитинэ очим-би, нантини ичэд'эхэмби пэд'ид'и уйси. Тэс нэлэхэмби, би хай-д'и-дэ нэлэси бичимби, тидугдэл тэс нэлэхэмби. Налаи, бэгдии силд'ун-чини, дэң-дэң очимби. Кусуи хаваси нэнэхэну, дилии чаус очини. Бийчэвгуни! Муручихэмби би намбан вараси осини нан мимбэ варини. Хаванчину кусуи агбунчини. Муручии кучэнд'и намбан кучэличэм би муручумдэ кэвэ, ти буйувэ, мэн поктодуй ачалабди, нан тувэ мэн аңмарадуй аврини. Байлувха мапа-дэкэ туэ акпандисини, нан мэн бад'уй этэврини вайчам!

Титам намбан этэврэхэни ти мапа, Чуринагдэл тива сам кэвэни, чакчахар ачалхани ти мапава. Индаңгусални чуп тосалва хасам нэнухэти. эмкэ бунюрусихэни. Чуринаг хэмэ очухани, наканду тэсуми, энси бэгдини гилчилухэни, титам хэмэ мэн бэгдии такунасам гулдэхэни. Ти эрунду калаңгаду сэм очини, индасал кан бала сэбурсивэти долдуву. Хэрэ апид'яра Чуринаг алдачум дэрүхэни.

– Минду кучэ кэн бичини, мевтии мапа хукчичидуни чуп хаңси пэтэнчини. Вака, мин индаңгуйсали д'ид'ухэти, тара ти буйути хукчухэти, ум инда анд'и манаңувани иктэмэндичэм бусэсихэ-ни, гой инда д'эунту манавани иктэмэндичэхэни, ти мапа сорум индасалд'и ваалидуни, би мэн даи кучэнд'и хэмдэвэн пуркэлэм кучэлэхэмби, хэмдэн пуркэд'эхэн, буйу моросални набан чупал тукухэн. Буйу мэн моросолңгуй мэн манасалңгуд'и тавчуд'ухани, хамаси мэн хэмдэти гидалад'учахани, ти бусэсидуни би хаңси пучухэмби, тара хаунчак набани тукухэмби. Хонэ симата ойолани авлачихамби-дэ сарасимби, нуктэи чупал сиңунчи, букэнэхэ, дои-дэ тэс нүндиси. Ичии, буйу хэрэ хаңгила бучини, мороңгуни симата ойолани бини, ум индаңгуиваи ваха, ти бучи инда д'акпадуни бичини. Тэң уму вэчэ-кэн очуха. Хон

ти сиңгубувну эй баду ти синэд'ум бусэсихэмби, мэпи ирчуми, мичуми, пуңгэлкэчуми мэн калаңгуйти дюкэ-дюкэ дид'ухэмби. Иңдаңгуй хэрэ д'улэси һэни, ти чиңгам халачи. Кэт, маңга дуэнтэ карпакини һэнэм!

Чуринга хэмэ очухани, Канчуга вэнчини:

– Ага, си тэд'э тэң тахаси, хони ама вэнчибэни чупал дахурсахаси. Си дуэнтэ эд'этини кэсивэ гэлэхэ, буйуд'и вачами си дабд'иха. Эд'и мурувэ гасара, си тэң тахаси. Бара-чуро, уйу очухамби. Буэ, син калаңгутиси лаң оми һэлэхэпу, хайми калаңга кулакини саңня нэрэсимбэни, хайми син поктоваси ичэвэси, хайми иңда-да вачаси эси буэ сарип гуни, хайми си ти очиваси. Син пуйэвэси октичи, айачуваси халачи, тара гэсэ мэнти һэнулэп-мэ. Мумбэ д'угду мун д'е-силпу халачити, – актунд'а акпанчити наканду инэң тэс дими ядахати, д'эптэрэ, хэрэ апид'ара хаунчак акпанчити, хонтиралухати.

Чуринга авумдэ элэкпэл соңсоп тэхэни, тара вэнчини:

– Би сари хайми ти буйу минти хукчухэмбэни д'онд'уксу, тиңи туэ эй баду буэ ичэхэпу элэ буди эктэ буйувэ, бэйэкини малху пуйэсэли бичини ан, ти буйу хура-хан бискэ, булум кэвэни, анайэ, маса буйу! Буэ, эйки пулик-тэми ичэм кэвэпу буйу нантава-ни, гирамсасалвани. Ти буйу хурара ны вайчам атад'яхани нивэ, титам акпаңдад'ум кэвэни мэн аңмарати. Титам этэвхэни мимбэ поктоду, тара минти хукчухэни!

Хасулта инэңи сихэни Канчугад'и, Дабанд'и ти окти-чахати агби пуйэвэни. Бэгдин хаулчани тукуд'ухэ, пэнэдун бичи пуйэн эркэ хоуд'ухани, Чуринга д'эпти очини. Тисалду д'эпултэ малху упу, буда улсэ, макури, сэд'ухусэли, солд'исали. Калаңга дякпадуни уни хэйхэни, уни муни сиңгум-дэ кэвэ, ти гэгд'э мувэни хонэ тихалам мулсидэ айа, амтавли. Дуэнтэ мосални балдахати: песали, хастасали, сисисэли, пулисэли вами, гугда, лугбу. Мэнти һэнубди халачихати туа бевани, ти

беду долбо нундувли, инэңи д'уамд'и осини, ти эрунду симата ойони ченанини. Ти чена ойокини нэнэми кэт улэ, чауд'яваси симатаду, иңда тучин-дэ хумбурули нэнини, ни-дэ иңда-да умуту. Канчуга мэн агд'и дэрэд'эхэни октучубди. Дабангдэл мэн иңдаңгуйд'и токухани дуйси йоросиңдад'ухани мэн йаңдаңгуйи, иңдаңгуни чуп пуктухэни хулусэлвэ вачум, тамдэ эд'эн долдихани иңдаңгуни даи д'илд'яд'и вачулухамбани, анайэ, даи усэлтэвэ ачалихэн билэ? Куңгултэмэ султад'и бунюрусуми нэнэхэни иңда вачин сесинтини. Пэиктэ д'эривани исихэни, ти пэиктэду балдихати вами, гугда, лугбу хастасали, ти долони пактим бичини. Исални пактива татувами Дабан ичэхэни даи това, хуйэвэн ичэм сахани хусэ това, бэйэн тэс даи. Мэн хуйэди, хуйэчум иңдава пуңнэчини, д'улу бэгдин уйлэ эвринэсум басачини – иңдаңгдэл сапавлди, тургэнди хаңси пучунусум иктэмэндичини то бэгдивэни. Дабан това вайчасини, нандути улсэ малху, боло тэс бэливхэ. Титам иңдаңгуй хамас хэрчухэн, иңдаңгуни адысуми дахурсум мэн эдэтии дидюхэни. Тогдэл эркэ кэврэгдэ идюхэн хаси дотини, нэnum пекаривани симата ойокини бэктэ долдув бичини.

Бэйчэмди хэрэ дэксуңки нэнэмдэ чакчахар ичэхэни элеутерококк дэксусэлвэни ансара, хулэхэни элеутерококк дачавани, мэн агби октучубди. Иңдаңгуй д'уни капалисалңгуй ёросира, сэпэсэлвэ тавчира, дидюхэн агби калаңаңгутини. Аңни тургэ айачухани, илум мути, пуликти, бати нэпэчи очини. Нэусэлни барачуми ичэд'эхэти, хони аңни мэпи мэнэ этэхивэни, эси намбан эмкэ дэрэдиовэнди-дэ айа калаңгаду. Ун'урудюм-дэ мути, эл хурадиюхэн бискэ!

Нэусэлни гучи бэйчиңдэми нэнухэти дуэнтэти, йоросиңдами мэн, мэн йаңдакусалңгуи. Аңни эмкэ дэрэдэхэ мэн калаңгаду. Долбо авум-дэ кэвэни, мурум гасам, сиксэ хаванчи ни киңсим исиңдэхэни маңга пукси. Пукси пивсувэн досод'ом, амин исисин, хон десилни бала авундит-ну калаңга ана, поктовэдэ ичэвэс очи, симата тили-тили

дасихани поктосалва, пулта мэч. Дялан инэң Чурина канива иванчи, ун'урудиха чолова, тара чэк халачихани нэвусэлгуй. Инэң токони дид'ала, нэусэлни д'ид'юхэти Чурина калаңгати, мэн вахам нэпултэсэлвэ гадюми. Д'эки, апидюм алдачихати пукси эрундуни балапти мо пэдилэни күрэхихэти.

Пукси хон дэрүхэ, ти тургэ ходиханэ тимай бала тэхэти, ба сэм очухани, поктовада ичэвэси, тахандэ Чурина калаңгувани тисали чур бакухати. Поктова ичэвэс-дэ нати ларги бэйчимдэсэли, тисали чупал сарити. Бэйчүв эрун ходихани, актунд'а мэн хад'усалңгуй эсэлчүхэти, капали-салва, гогд'акусалва, д'энгурисалва ум баду нэхэти, куңгултэмэ султаңгуйсалва тэң-тэң уйрэрэ калаңга д'окондуни илд'амухати, сэктухуй ум баду уйрэрэ нака ойотини нэхэти, гочи ан'ан д'ид'урэ, ти нэхэм хад'усалва такурабди. Туа бени исд'үхэ, симата ойони чупал ченанаха, ти ойокини нэнэм кэт улэ, чауд'аваси. Актунд'а тучисэлгуйти нэхэти тес малху тэвэсэлвэ: улсэвэ, нэпултэ нантасалвани сэпэк-эсэлвэ, хулуксэсэ-лвэ, тугд'эксэсэлвэ, д'эликсэсэлвэ, токсава, сируксэвэ, д'эпув окточув дачасалва, сиси нутэвэни гучи хамата-дэ хум д'акасалвани. Тэвэсэлңгуй тучисэлти тэң-тэң уйхэти суптангид'и. Иңдангуйсалңгуй халихати тучисалти. Д'улэси уйрити маса, дикту иңдава норомд'ива тучибани, ти хамикини уйрити дулумд'вэ иңдава, ти хамикини уйрити соитии иңдава дэкэсэлвэ. Чэк сэптаңгива д'апчамар бэйчэмдисал нэнэлүхэти мэнти, иңдасалңгуйти тургэ пуктулүхэти тучисэлвэ ирчуми, тисали хамикини н'авд'анд'а тутум хасахати, доти барачихати мэнти нэнуй. Бэйчимдисали сараста нат гасантини кисяку дичимбэни. Долбо инэңи д'уэл инэңи нэнэхэти мэнти, иңдасали, нисэли тес ядами исид'үхэти мэн гасангуйти. Ичити, нуй-дэ бала кэвэни, гесали гэу, иңдасалва-дэ ичэвэси. Ан, хаваси нэнэхэткэ нисэли, нуйвэ-дэ ичэвэси? Малху хагдусали гэу, сэм бини гасанду,

нүйдэ д'ил'д'амбани долдуvasи. Тэс пэскэм мэнти ид'ухэти, д'угду нүйдэ кэвэ, пактувли, нундувли, бучини пунд'ини пунчу.

Д'ЭРГИ ИДЭНИ ГЭРХЭ

Голди гасантини дичини хаванчину-дэ кисяку. Д'эрги идэни гэрхэ вакталухани хэвэнду би нисэлвэ, нучивэни, даивани, н'авд'асалвани пиңгум булвэнчини. Тимэч нэлэпсули энувэ сагди нисэли д'онд'ум кэвэти. Гаисали мандуни даи д'ил'д'анд'и гакими дэгдэпэчихэти гаса уйе-кини, досод'ум-дэ нэлэпсули. Уйу дэрэд'эхэ нисэли сахати эл нати идуни элэ исини, ти нэнилэт мэ були батини. Иңдасали бучит д'ил'д'асални гороло уйсини бэсуки, тисали мэдити ни будивэни. Нани долони, гасанду нивэ октичи нисэлдэ кэвэ.

Титам самавакан агдадихати уйу дэрэд'эхэ хэвэнчэ. Инэң-инэң даи сама пуңнэчэхэн д'эрги идэвэн гэрхэвэ. Нисэли сиксэ ум баду камурд'ухати сама самадиван досод'ондам. Даи сама мэн умтухуи пискичихэни кани д'акпадуни. Сисапува геха хаста мод'ини, дилигдэвэ апулаха, янпаи умалаха, толива янпати уйхэ. Д'улэси мэн тэтуи тэтүд'ухэ, ти тэтүн чупал хамата-дэ хум усэлтэчу эсэли, муйсэли, д'абдасали, тисалва анд'уктами даксаванчити сама тэтутини. Пискичувха умтуху нямавли очи, гиспуд'и эркэ наксуми дэрүхэни, сама д'илд'яни эркэ уйсулэхэни. Ихэрэсэлвэ, ласалва чупал гупихэти, нисэли пактулду самава хэрэлүм тэд'ухэти. Сама яам эркэ дэрүлүхэни, мэн гобд'окоңгуй хэрсихэни. Ти гобд'оку сама д'уликини нэнэм хайва-дэ хум ичини, самати вэндини хай хон осивани. Хэрэ бими гиспуд'и маста-маста умтухуи патичулухани,

сама д'илд'янидэ даи, даи очини, мэн месалңгуд'и сорум дэрүхэни, энси нисэл пан'аван д'апад'учам. Ме амбасал хамикин хасам һэнини сама хурэсэл вэлум, тэвэксэсэл уйекини дэгдэм, ти пан'ава д'апаха амбава хаңпад'ура, д'апад'ув эрундуни сама һэлэпсули, сорум сэкпэндини, ахо-ахо! Д'акпадуни тэси нисэли бэлэчум мурити:

– Гэ, тэд'эмэну, тэд'эмэну, хон канндэ д'апад'ув ти пан'аван бусэсув-бусэсув, тэд'эмэну-тэд'эмэну! – Сама мурահани. – Ахо, ахо!

Ти яям мэн кусуи чулал бухэни, тара сама ядам хумэси тукухэни. Амба город'и хаумбуду бичини, эркэ тэд'урэ мувэ умубди гэлэхэни, мувэ умурэ, вэнчини:

– Гэ, су уйу очуха нисэли һэнуксу хаңси, гороти, эй бэсу хынты бан очини, һэлэпсули, сумбэ чупал эвэси дичи д'эрги идэни гэрхэ варини, тургэн һэнуксу, мэпи хориңдаксу, эй, ба бэсу сусу бан обдани.

Нисэли агдам кэвэти самава, тара гой самава хэрсихэти гороло би гасанд'и. Гой сама-дэ бэлэчум мутэм кэвэни, нисэл булум ти бучити. Тиду эйду гэу хагдусал кулакини саңня-дэ н'эрэсини. Һэлэпсули энү нисэлвэ пиңгум вактахани. Уму, уму уйу дэрэд'эхэ ни муручихэни, эси һгүйд'э идун осин кэн? Нати энин пурулби халачумдэ дилин чупал чагд'анаха, бе маниридуни мапаңгуни бучи. Нани мапаңгувани вахан д'эрги идэни гэрхэ. Энит эмкэ очуха, тахандэ мэн пурулби ти халачихани. Тимай бала сиңкэлтэду тэри, таваси-эвэси пуликтихэни, гэу хагдуки. Гэу чамисалва ум баду нэри, сэктухуй эсэлчуй, паваки гурпэчи. Мурум гасам муручи, палдуни д'онд'уй хон н'авд'андуй эдид'уй бакахамби. Хон уда пиктэи балдахамбани, гэлбуни Чурина, ти хамикини балдахани Канчуга, чу пуйа пиктэни гэлбуни Дабан. Ти бимдэ дилин оркила очини, мухэнэва д'апара яи бичини. Нучи д'илд'анд'и яям.

Ти алдаңкини соңги, ти алдаңкини ин'экти тахани. Гэрхэд'и энүлэрэ тисали энини бучини. Голди гасандуни би хагдусали мэн эд'эсэлңгуй вэдэрэ гэу илсихэти, куласалңгид'ити саңня-дэ нэрэсини. Гаса ходихан д'эриндуни илсихэни ум нучи хагду, ти хагду долани бичини ум элэ буди мапачака. Нан асини балана бучи, ум хусэ пиктэни бэйчиңгдэм нэнэрэ чуп вэдэки, гой хусэ пиктэвэни гэрхэ ваха. Ти пиктэн пурулин-дэ чупал бучи. Ти мапака наканду эмкэ тэсуми мэнд'и мэнэ урчулунчини.

– Ан, хайми би уйу кэн, би д'улэси нэни гуни були батини, були д'апасивани хон таву. Эмкэ ти бии, мэн д'есилби чупал хүмэрэ, эмкэ очухамби. Хайд'уй на ойолони ба мимбэ нэвчинкэ, тургэн, хайда бин осини мимбэ д'апаро. Би город'и бим на ойолани ад'асии!

Голди гасандуни буди нисэли ти буди. Ойи ни очухати, тара ти н'авд'анд'а дичити ти мапака хагдунтини пэргэлэңгдэм. Тиду мапака вэнчини:

– Гэ, су уйу очуха нисэли тургэн нэнуксу эвэнчи, нэлэпсули энү сумбэ чупал варила. Мэн балдахам бэсува сусу опувануксу, аяа!

– Бу, эси хаваси нэнипу туэ, нгуй мумбэ хайду халачини? – Вэнд'ухэти бэйчимдэсэли.

– Эйду чупал будилэсу, хон кан-дэ мэпи хорум нэнуксу! – Вэнд'ухэни мапачака, тара тес сиңбисулухэни, эрсумдэ мутэс очини. Хэрэ бипэ нани тэлүңгүвэ алдачум д'омбухани.

– Балана, мун сагди нисэлңгупу туэ, д'уа, хайки-дэ хум пуликтэхэти улэ бэсувэ гэлэкэчум, эси су хайва нэлэчису? Тургэн, нэнуксу, эй хынты очи бад'и, нялаксу!

Болонь сусу бэсу.

Бэйчимдэсэли хавлэ исд'ухэти мэн хагдуи, ид'ухэти, хагдунду нүйдэ кэвэ, нуңгдувли.

– Ан, хайхати, ама, энэ? – Вэнчини Чуринга. – Актунд'а сад'уха-ти хайну очимбани эй гасанду. Бала нүйвэ-дэ

ичэвэси, хагдусали, гесали гээ, хагдусал кулакини саңня-дэ нэрэсини. Гаса ходихан дувэдуни бичини ум нучи балапти хагдука, тиду наканду авлачи-хани ум элэ буди мапачака, эмкэдэ.

– Мапа, гасанча хайхати, хай очини эй гасанду? – Эркэ пансихани Чурина.

– Си, Чурина, эвэси д’ид’у, лаң эд’и оса д’укэ нэри д’ил-д’анд’и, – вэнд’ухэни мапа. – Эй гасанду нгуй-дэ кэвэ, нисэлвэ чупал вахани нэлэпсул энү, гэрхэ. Эси балди пурулвэ, даи нисэлвэ, н’авд’анд’усалва чупал пиңгум манад’ухани ти энү!

– Мин энби хайхан, уйу? – мурахан соңгичам Дабан.

– Д’эрги идэн нуйвэ-дэ су нэнэм кэвэни, малху нисэли бучити, уйу дэрэд’эхэ нисэли чуп нэнухэти хаңси, мэн бал-даха баи ня-лами. Сун энти эйду дэрэд’эхэни! Мапа хэмэ очухани, эрэкпэчилухэни. Абулус-абулус эрпулухэни. Хайва ну вэндичихэни, кусу ана осара, хэмэ очухани. Мапа исадби нупсихэни. Ичэм аври мэч бичини, элэ будичэм очини.

– Су нэнуксу эвэнчи, халдэ эвэси эд’и д’ид’уксу. Эй мун бэсупу хынты бан очини. Би эси буди, эмкэ эй баду очу-хамби! – д’укэ сэвсалам вэнчини мапа.

– Бу эси хайва типу? – паңсихани Канчуга.

– Хэулива анд’уй-дэ, аяа. – Вэнд’ухэни Чурина.

– Тургэн, нэнусу эй гасанд’и, хынты бэсун очини, нэлэпсули! – вэнчини Дабан. Эл долбод’уха, хайдуда авунд’апда, аяа. Мэн хаг-дуйти д’ид’ухэти тисали. Канива иванчи, хагду долони нямавли очин. Актунд’я хайва-дэ эндэ д’эптэ, тэту мэндэ акпанд’ухати нака ойолони. Нэлэпсули алдува дол-дара тисали аминдэ исис очини, мэн доло мурум гасам д’укэ-д’укэ акпанчити. Д’элан инэң, тимай бала сиу эчэл гарпаладуни бэйчэмдисали тэхэти. Тургэн бун’урусуми мэн сумалати нэхэти каласалва, сакписалва, чамисалва, хуйсэ-сэлвэ. Тучисэлти тэвэи уйхэ, индасалңгуй д’эпувэнчи, тара гуроңгид’и уйхэти индасалва тучибэни, септаңгисалва-чэк

нэхэти. Актунд'а нэнуй д'уликини, бучи мапакава хумхэти. Хумум ходиханд'и, тисали сусунд'ухэти гой бати, нялам мэн балдахам, урэхэм гэи. Мурум долон муручум.

– Буэ халдэ эвэси д'ид'улэп мэ мэн тэд'ити! – Ти нэн-элухэти гой бати, улэ бэсувэ гэлэкэчиндэм. Кэт хэн'умулд'и нэнэхэти чена ойокини. Ти нэнэм, ти нэнэм, эмдэ-эмдэ кавд'арад'уми апид'убди, иңдасалңгуй д'эпувэмди, мэнэ-дэ д'эпти, апид'и, тара нэнэм дэрирухэти. Ти нэнэм-дэ ум гасава исихэти, тиду бакухати мэн паи. Тисали барачуми ачалхати мэн д'есилии. Дэрэ ойотини нэхэти унуруд'увхэ улсэвэ, холтова, пым д'увхэ макурсалва, солива, касинава, бадува, чайва. Пасални сахати нэлэпсул энувэ гэрхэвэ самасала, хон ти энү манад'ухамбани нисэлвэ нат гасандуни, титами хэмэ бичити. Хасултану актунд'а авунд'ачахати мэн пасалңудуи, тара нэнучам бэлирухэти. Маңгува ны исичэм атад'яхати. Бэйчимдисэли сихэти Харпи, Сими унисэлвэни, исихэти Сий унивэни, ти уники нэнэм хавлэ Маңгува исихэти. Маңгуки нэнэм долбод'увчан авунд'ачахат силэу моңгокто пэд'илэни. Майкадэ ана, тавава иванди, ти д'акпадуни аври, палдуни унуруд'и, чайва пуюри, иңдаңгуй д'эпувэнди, мэнэдэ д'эпти, хэрэ апид'ара, нэнэлухэти. Чуринга мэн энси бэгдид'и тургэн нэнэм мутэсини, тахандэ ти бусэсихэни нэнэм мэн нэусэлңуд'и гэсэ. Дабанд'и, Канчугад'и сахати агби энсивэни, титам эмдэ-эмдэ тучибэни гэвэңдихэти, апид'убдани.

Канчуга вэнчини:

– Ага, апид'ису д'уэл, ила инэңи энси бэгдиси йэбэлэ обдани.

– Кэвэ, хон нэни ти нэнису, элэ симата унд'уни, дала хайки-дэ хум осини. – Эй, ба кэт мочовли ба, д'увэ элэ хэйэлун Маңгуду.

– Хон эйду биву? Угдада ана, хуйсэпу элэ манири. Адулидэ кэвэ, сугдатава хон ваву? Хон кандэ бусэсису, ти нэнису. – Дабан вэнчини. – Гэ, ага нэнису!

Канчуга вэнд'ухэни:

– Тэд'э, би хон таву, нэнэв осини ти нэнису!

Тисали бун'урусуми н'алахати мэн балдахам нэлэпсули баи, тучад'ухати ти нэлэпсули энуд'и гэрхэд'и. Нэнэмдэ, хавлэ исихэти Джоңмэ гасавани. Эй гасава актунд'а эмдэ-эмдэ исипэчихэти, тиду би нисэлвэ сахати. Д'уэл, ила инэңи апи-д'ахати, тиду бэйчимдисали. Гасанча тэс улэ ачалмачихати тисалва, хамата-дэ хум д'эпултэвэ туюхати андахасалнгуи. Иңдасали бэгдит пуйэсэлни хоуд'уха, апид'ахати. Нуй-ну бэйчимдэсэлду сэңнахани пиктэмэ адулива. Актунд'я чэк очити нэнучэм, ан хаванчину гасанти дичин байа манд'у хайва-дэ хум худасиңдам. Бэйчимдэсэли д'увэчихэти нэпултэ нантасалвани хамата-дэ хум гэлэв д'акасалд'и. Ти худаси ман'д'у аргалам мутэм кэвэни актунд'ува, тисали сахати хай хон тамавани. Байа ман'д'у хайва-ну нурчихани мэн блок-нотнугуду д'аксэ-д'аксэ ин'эктэми.

КАРГИ ГАСАН

Д'увэчумэчумэри ходиха, актунд'уа маңгува хэи нэнэлухэти. Инэң нямалд'уха, иңдасали нэнэм унд'уй симата ойокини маңгасихати, титам нэнэхэти тимай бала, сиксэд'увчанэ-да. Ти чена ойокини нэнэми д'увэмэ китасалд'и иңдасали мэн бэгдисэлби байлхати. Нат эд'эсэлни бэгдисэл пуйэсэлвэни октичи, капсачи тахати, иңдасали-дэ мэн бэгдии пуйэсэлвэни илэчихэти, хоуд'убдани. Нэнэмэр-дэ хавлэ исихэти Карги гасавани. Карги мучахан голди навани нани над'ини. Симата маңга унчини, укчу-укчу очини, нэнэм тимай, сиксэ мутэвэси. Исуасали, пичусали инэң тэс маюл таваси эвэси

дэгдэпэчити. Ти чиндэсэли агбунчити осини эл нэжн'э-д'ухэ. Мэн д'эбдэи гэлэкэчум дэгдэпэчити, д'увэ унд'уми уласалва опувандини ти алдаңкини, тики сугдатасали агбундивани, тива чокучимари д'эптити. Маңгуду олдо-салдэ очи. Маңгуки нэжнэм мутэвэси, чупал унд'уни хайки-дэ хум му. Актунд'уа пэргэлэрэ дэрэд'эхэти Каргиду, д'увэ хэйэлувэни халачум.

Дабан вэнчини:

– Эйду, тес ларги ба Маңгу дарамы, хайкидэ хум хэрэлум хурэсэли, тес гугда хайки-дэ хум дуэнтэ!

Чуринга вэнд'ухэни:

– Тэд'э, ларги ба эйду дэрэд'ичисдэ билэ си, Дабан?

Дабан вэнд'ухэн:

– Дэрэд'и-дэ, аяа. Хайми бай-бай?

Канчуга пансихани:

– Хон гой бава, ичичихэс? Эйду дэрэд'эхэс осини ти энилэси? Кэт тургэ нэжнэд'ухэни, ху бени н'амавли. Сиу город'и ид'усини, инэңи волми очини, сиу мэн гэрэнд'и симатава тургэн унд'увэндини, сэручихэни хамата-дэ хум баду би уйу д'акасалва, туэ авхасалва. Гаса ходин дуэдуни бичини эмкэ мапа мэн нучи хагдунду. Ти мапа тихалахани актунд'уа нандуни бибдэти. Дарамы накандуни тикихэти актунд'уа гучи ти мапа-дэ. Ти мапа н'улд'нчу бичин-дэ билэ, хайми эмкэ очухан ну, тисали сарасты. Мапа мэнэ алдачи-лама хэрэ бипэ-дэ.

– Су н'авд'анд'а, эйду дэрэд'исну, гучи нэжнэсну гой бати, хайва муручискэ? – пансихани мапа.

Чуринга вэнд'ухэни:

– Муручипу, хэд'илэ би Маңгути нэжничипу, тиду-дэ нанисали бити. Ичичипу, хон нисэли тиду бивэти, тара улэ бава бакара, тиду бийчипу.

Мэн балдахам бай н'алара, бичим гасаи-дэ, сусу бэсун очини, хынты бани, нэлэпсули. Титав осини, даи угдава

анд'уксу, су ила нисэли, хад'усалчу, тэвэчу, иңдасалчу. Иңдасалңгуи д'апад'ус гуни, су?

Дабан мурахан:

– Ти, гуни!

Чуриंगा аякталам ичэхэни нэубэни, хайва-дэ эңдэ вэндэ. Канчуга-дэ хэмэ бичини. Дабан сад'ухан мэн корхидалахамби мапава, тара аяа д'ил'дянд'и вэнд'ухэни:

– Гэ, мапа, мэн иңдасалңгуи мэнд'и д'япад'упгу ни. Хон тисалана. Тисали хайки-дэ хум мунд'и пуликтити дуэнтэки, аудаки, хурэсэлки, бу хаваси һэни тисали таваси һэни.

– Мапа, вэну, буэ угдава анд'учипу, хайла холдоксосалва бакаву? – пансихани Чуриंगा: – Дуэнтэду, гэлэкэчуксу колдо мовани. Д'уэл, ила мосалва хора, тид'и холдоксасалва анд'ув-гуни. Тид'и исиңгуни даи угдава анд'убди. Гарасалва, геул-салва су сарис гуни, хай мод'ини анд'уво, би сумбэ татучуво?

Канчуга вэнчини:

– Гарасалва сиси мод'ини анд'уво. Гэлэкэчуп тэн аяа маси гарасалчу сиси мовани, тид'и гарасалва анд'уво. Геу-лива анд'уво хаста мод'ини, колдо мон-дэ аяа. Хаста мод'ини анд'увха геули маси осини.

– Гэ, тэд'э су вэндису, нявд'янд'я. Нэнэксу, анд'уңдам. Хай-ва халачису, су. Би вэндилэм сунти, хайду мова хову. Гороти эд'и нэнэксу. Бакаксу колдо мосалвани балдиват сапси керан д'акпадуни. Барачумари актунд'уа сакписалва д'апара дуйси тохати. Хэрэ нэнэрэ бакахати колдо мосалвани. Тэс гугда, вами, лугбу суктусэлчу илсихэти колдо мосални, кал-д'ями мэч-дэ, кэт гуд'укудувли!

Чуриंगा-чу даи аңни, мова хори д'уликини кэсива гэлэхэни, мэхуранди, чэучи, сэвэнчи тахани, вэми:

– Эд'и орки муручирэ, гуд'элэсуру, бу сун мод'иси угдава анд'учипу хэйи нэнэбди, мэн кэсид'уй гэлэкэчиңдипу!

Тара хомар мосалва дэрүхэти. Ила колдо мосалвани тугбүхэ, ти мосал хурактасалвани син'эхэ, гарасалвани гаралдусуха, тара молдусухати. Ти мосалд'и холдоксасалва анд'ум д'омбүхати. Д'уэл инэңи ти хунэлихэти холдоксасалва анд'уми. Чуринага илий инэңи хэрсихэни мапава ичэбдэни хамата холдоксасалва анд'ухамбати. Мапа д'үкэ-д'үкэ тохани тисали молд'итини, тара улэн йоросихани тау холдоксасалва.

– Гэ, йэбэ-йэбэ, улэ анд'ухасу! Эсигдэл эвүксу ти холдоксасалва сапси кератини, – вэнчини мапа.

Дабан вэнчини:

– Хайд'уй сапси кератини ти холдоксасалва эвуу, эйду угдава анд'ум хайрини?

– Су эйду угдава анд'ус осини, хони эвусу тес даи худ'эвли угдава вайси, пиналара-дэ?

Чуринага вэнд'үхэни:

– Кэвэ, мапа мин нэуи бай сулидэхэни. Бу ти холдоксасалва эси чупал вайси эвупу, тара тиду угдава анд'улап ма. Мапа тагдам ичэхэни Дабанти, дилии таваси эвэси тунчувэнчини, хайвадэ эңдэ вэндэ. Актунд'уа холдоксасалва чупал эвүхэти сапси кератини. Мапа д'үкэ-д'үкэ ниңд'учуми нэнэхэни тисали хамикини. Актунд'уа эмдэдэ анд'ум кэвэти угдава. Мапа татучихани н'авд'анд'усалва хони угдава анд'уву.

– Тиду халдуксу, эйду мурумбүксу, йэбэлэ-йэбэлэ ти татучихани мапа.

– Гэ, су чупал таха, кокоринысалва оңбохо. Су хони холдок-сасалва д'ип даксавандису кокоринысал ана. Тива пе мод'ини анд'уву, маси калтад'асини, сиси, хаста мосал мыч бисини. Дуйси тора гэлэкэчүксу мокчу пе мовани, ти мокчу пе мод'ини угда сони осини.

– Су, утилэхэсу? – пансихани мапа.

Канчуга вэнд'үхэни:

– Мапа, син бэлэчид’иси буэ ларги угдава анд’ухапу хумбурули, чолмо ватаки копто-копто, хэнюмули.

Мапа хурам кэтим опуванчини, тахан-дэ ти ичэд’эхэни, хон н’авд’анд’а угдава анд’увати. Каргинча чупал вайси эвпэчихэти, бэлэчихэти угдава анд’увати. Угда холдоксасал алдаңкини даңнамбухати, эн’дэ мусу табдани. Хавлэ, угдава анд’ум ходиха. Чурина, Канчуга, Дабан нучи пурул мэч бара-чихати. Банхава бухэти каргинчасалти, Дабан наманчини мапава, банха, кэси вэми. Угдати даи, дарами, гуд’укудувли очини. Тургэ нэңнэд’ухэни, олдосалидэ агбунчи. Мангу мунидаланчини, амбухани сапси керавани, д’увэ уйлэ очини. Хэйэ маңга хэйэлүхэни. Олдосали, уласали мунэхэти тиду эйду сумнэсихати сугдатасали уйасали, хаңгусали, корусали. Ти эрунду гасанчасали барачуми д’авд’ад’ахати нучи алулисал-д’и. Нисэли корува вапи, ти турсэвэни дигдигити, дигдава кору турсэни кэт амтавли. Ан, гасасалдэ атад’ахати пани эмкэ, пани манд’усалва опувандара дэгдэпэчихэти олодо, ула уйекини тики агбунчи сугдатасалва чокид’и д’апара, д’экпити, нэлэчисти нисэлвэ, иңдасалва-дэ. Ху бе токондуни д’увэ буктад’анусухани, де д’еи ойотини томи, ансуми букта-над’усуми пас-пас тукулсүхэти д’увэ буктасални мубэни. Д’увэ гуаривани хайки-дэ долдуву, д’увэ поринахани.

Тива нисэли ичэд’эхэти. Сиксэд’увэми маңгуду сэм очини, д’увэ хэйэлуй д’уликини апид’ини. Д’элан инэңи инэң токовани исувами д’увамд’унахани, д’увэ хэйэлүхэни. Д’улэси эркэ тунчүлүхэни, тамдэ даи сесинд’и гоарами хэйэлүхэни, чаухаду ни чауха лин мэч-дэ. Тива досод’уми нисэли дони токтосихани, барачихани. Д’элан инэңи маңгу гэунэмлэ очини, тиду-эйду д’увэ саута-саута хэйэхэни, нучи д’увэ пасисални буктад’унасуми д’увэмэ китасал оми мубэн тукулсэхэти, тара тиду унд’ухати. Чурина вэнчини:

– Гэ, нэусэли, уму, д’уэл инэңи туулэрэ эркэд’ини д’увэ хамакини хэйэсу. Маңгуки хэйи нэнэм Больба таелан бити

нисэли, мэпи наним гэлбусити. Урчулундити мун мэч-дэ,
пан хэсэсэлвэ-дэкэ хаңси вэндити.

– Тахан-дэ урчулуwэндивати чупал саву.

Дабан вэнчини:

– Си, ага чу даи, син хайва вэнчивэси буэ чупал дахурсип
гуни. – Гэ, улэнгуни эси мунду гурэй эру би, мова бэливум
тэн, аяа мападу. Холд’охо мосали дуэнтэ д’эриндуни малху,
тива хора голонкодуни умурису. Хайдэ бис дин мосалва
хорипгуни.

Канчуга вэнчини:

– Ти гуни, ага.

Дабан д’аралд’ухани:

– Хай-дэ бисд’ин тилап-мэ.

Актуд’уа хасуну инэңи мова молсахати дуйси, мапа
голоңкоңговани д’алум мосалва умухэти. Мапа барачуми
сеңнахани ин’акава тисалду.

Д’апаксу, эй ин’акава сумбэ бэлэчилэ-мэ, даи опи. Кэси,
банха. Су эйки су нэнэw осини, мимбэ хэчуксу, эд’и мимбэ
оңбоксу!

Перевод на ульчский язык С. П. Дечули

Гудан Евгений Павлович

Ульчский язык

НА ОХОТНИЧЬИХ ТРОПАХ

(из романа «Люди Амура»)

Морозную тишину нарушил тревожный крик сойки. Где-то в тёмной гуще хвойного леса робко тренькнула синица и тут же замолкла. По сухостою забарабанил дятел. Дробная трель отозвалась эхом в соседних сопках – и покатилась, покатилась, постепенно затухая. И всё – лес разом как бы замолк. И куда всё исчезло? Где птички, где зверушки, куда подевались-попрытались, почему примолкли?

Дабан внимательно наблюдал за всем, что происходило в лесу. Пушистый снег, медленно падавший с неба, приятно охлаждал горячее тело. Будто внезапно стих ветерок, шевеливший голые ветки элеутерококка и ещё каких-то растений. Охотник каждый раз моргал, когда снежинка попадала ему в глаз, и ладонью вытирал лицо, как бы освобождаясь от усталости и тревожных мыслей, которые изредка навещали молодого промысловика.

Дабан стоял и наслаждался зимней картиной, которую нарисовала природа. Хотя всё, что сейчас находилось перед ним, было не ново, и он видел здешнюю природу десятки и сотни раз, и всё было знакомо. Те же голые деревья с колючими сучьями, те же кустарники с растопыренными во все стороны ветками, та же узкая охотничья тропа, которая петляла по сопкам, распадкам на десятки километров его ежедневного пути. Но всё же что-то перед ним было такое, на

что, быть может, он раньше не обращал внимание. И это тревожило его.

Охотничий сезон был в самом разгаре. И в эту зиму Дабану везло. Ещё до первого снега, по чернотропу, он добыл множество белок, несколько десятков отборных соболей, около десятка сиводушек, не считая изумительной красоты чернобурки. «Да, – подумал охотник, – богата тайга на пушнину! Много в ней живности, аж душа радуется!». Дабан действительно радовался, но не количеству добытой пушнины, а общению с первозданной природой, где даже камни, деревья, кусты, казалось, умели говорить на своём языке. И понимал ли её охотник? Наверное понимал, потому что он, как и все его сородичи-нанайцы, считал, что природа – живое существо. И если её обидеть, то оскорбишь и обидишь самого Эндури.

Охотник, пройдя небольшое расстояние, заметил дерево, и на снегу вокруг – клочья птичьих перьев. Снег был окрашен каплями крови. Подняв кверху глаза, он увидел висевшую между сучьями мёртвую птицу. «Сойка», – мелькнуло в голове Дабана. Её голова безжизненно свисала вниз, глаза затуманились серой плёнкой. Ни одна деталь разыгравшейся накануне таёжной трагедии не ускользнула от внимания наблюдательного следопыта. На самой верхушке дерева он заметил зверька, неподвижно застывшего на сучке. Охотник узнал в нём соболя, который успел придавить сойку и собирался перекусить, но его трапезу прервал некстати подошедший человек.

Подобных случаев, которые ежедневно происходили в таёжной глуши, было немало. Сильные поедают слабых – уж таков суровый закон тайги. Но Дабан не всегда обращал внимание на подобные явления. Он давно привык к ним. Однако сегодняшний случай с сойкой имел для него особое значение. Ещё его бабушка, когда Дабан был маленьким

и непоседливой мальчишкой, говорила, что надо остерегаться, когда увидишь мёртвую птичку, висящую между сучьями дерева. «Это, – говорила она, – дурной знак. Никогда, – предупреждала она, – нельзя брать в руки мёртвую, или же ещё живую птицу, которая висит между сучками какого-либо дерева».

Детские воспоминания глубоко врезались в его память. И сейчас предостережения бабушки всплыли откуда-то из глубины его сознания. И Дабан, как человек суеверный, сойдя с тропы, обошёл стороной это место. Его путь лежал к землянке, он шёл привычным шагом, петляя между деревьями, то и дело поправляя заплечный мешок, чтобы ляжки не давили на плечи.

Тайга, плотно опоясавшая озеро Болонь, давала разному зверью сытный корм. Проходные белка и соболь, объедаясь питательными кедровыми зёрнами, задержались в этих краях перед дальним кочевьем на суровый и снежный север. Даже после опустошительных набегов драчливых соек да кукш, затевавших нешуточную ссору из-за каждого орешка, на стланиковых и кедровых деревьях оставался корм.

Водились в таёжных угодьях и такие обитатели, как сохатые. Их было так много, что, сбиваясь в стада по несколько десятков голов, они занимали обширные территории, и благо, что корма этим лесным великанам всегда хватало в течение всего года.

У Дабана было два старших брата. Тоже охотники. Они вместе уходили в тайгу на весь сезон, на несколько месяцев покидая родное стойбище.

Старший, по имени Чурина, был довольно высокого роста, крепкого телосложения. Характером в отца – молчаливый, но упрямый. Зато если скажет что-либо, то как будто отрежет. Справедливый и уважительный к людям.

Средний брат – Канчунга, тоже крепыш, и силёнкой бог его не обидел. Но, в отличие от Чуринги, – весельчак и балагур. Жаловали его сородичи, уважали за нрав его покладистый и неугомонный. В стойбище таких парней было немало, но Канчунга среди ровесников был негласным вожаком.

Дабан в семье младший, что-то было в его характере и от старшего, и от среднего братьев. В меру серьёзный, в меру весельчак. Старшие родичи звали его поянго. Значит, младшенький, и спрос с него, мол, небольшой. Однако, какой же Дабан маменькин сыночек? И охотник он, и рыбак, и в семье помощник.

Землянка Дабана находилась в удобном месте. Кругом лес, деревья высотой в несколько десятков метров. Вечнозелёные вековые ели, крепкая лиственница – руками не обхватишь, красавицы берёзы, могучий кедр с раскидистой кроной. Почти рядом у землянки протекает говорливый ключ, берущий своё начало с дальних отрогов седого Сихотэ-Алиня. Даже в самые сильные морозы ключ этот никогда не промерзает до дна, и вода продолжает своё вечное движение к чистым водам Болони.

Раз в месяц, когда луна идёт на ущерб, братья на день-другой собираются у Чуринги, чтобы пообщаться, обменяться новостями, а при необходимости, и помочь ему в чём-нибудь.

Луна была на ущербе. Её острые концы, цепляясь за ветви деревьев, словно распарывали ночное небо, подсвечивая Вселенной тусклым светом. Лишь крепчавший к ночи шаловливый мороз бродил между голыми ветвями деревьев, постреливая хлёткими ударами по их тугим стволам.

Дабан стоял у землянки, бросая своему псу кусочки юколы, заготовленной впрок на зиму из осенней кеты. Она тянется вверх по реке всю осень, и даже в конце октября идёт на нерест, правда, уже разукрашенная в брачный наряд,

к Болони, вернее, к тем горным ключам, которые питают озеро чистойшей, словно хрусталь, студёной водой.

Он был молчалив, в задумчивости поглаживал загривок кобеля. Тот, облизываясь после кормёжки, преданно смотрел на хозяина, помахивая хвостом, ожидая ещё что-нибудь вкусенького. Но перекармливать лайку нельзя – на сытый желудок охотничья собака по зверю не работает.

На душе у охотника почему-то было тревожно. Даже удачная охота не радовала. Может быть, что-то случилось? Но что и где? С кем? Вопросы крутились в его голове, не давая сосредоточиться, потому что ответа на них не находил.

Накануне Дабан видел сон. Ему приснилась водная гладь Болони. Озеру не видать конца и края. И повсюду вода, прозрачная-прозрачная. Вдали ныряет гагара. Что-то ловит в чистых водах Болони. Вдруг налетает стая ворон. Раздаются карканье, хлопанье чёрными крыльями. Шум-гам. А гагара внезапно исчезает в воде. И больше не появляется на поверхности озера. Где же она, эта беспокойная гагара? Должна же она вынырнуть вскоре, но нет её.

Ох, страшный сон приснился охотнику! Нехороший сон, от которого так тревожно на душе. А тут ещё и свежая картина с сойкой. Так и стоит перед глазами безжизненное тело птицы между сучками дерева.

Старший брат в последнее время редко выходил из зимовья. У него распухла нога, ужасная боль приносила страдания при каждом движении тела. Поэтому Чурина экономил силы, и только при крайней необходимости покидал жилище. В землянке было тепло – заготовленных дров хватало. Однако их запас не был бесконечным. Рано или поздно надо будет идти на заготовку топлива для прожорливой печки.

Чуринга знал, что, если месяц на ущербе, то скоро придут его братья, и что все они сообща что-нибудь придумают, как можно будет выйти из того положения, в каком он оказался из-за несчастного случая на охоте.

Охотник рассуждал – почему на него навалилась напасть, да ещё в самый разгар охотничьего сезона? Ведь делал на охоте он всё правильно. Так учил его отец – как скрадывать зверя, как взять медведя из берлоги, как ставить ловушки на соболя, как спастись от любого хищника в случае необходимости.

Чуринга с неприятной дрожью в теле вспоминал, как случилось несчастье в один из февральских дней. Погода в тот злополучный день была как на заказ. Рано-рано утром, едва первые лучи солнца вспороли чёрный горизонт своими огненными стрелами, он засобирался на проверку ловушек. Снег под ногами скрипел, лёгкий морозец после оттепели приятно пощипывал смуглые щёки охотника. Но он не чувствовал холода.

Охотник подмечал всё, что происходило в лесу. След лисы говорил ему о том, что она не так давно мышковала в этих местах. Действительно, вскоре Чуринга увидел разрытый снег. Посмотрев внимательно, он определил, что лиса поймала на завтрак полёвку. Вокруг норки валялась серая шёрстка, а небольшие капли крови, застывшие на снегу, говорили о том, что мышья была съедена разом – лиса была голодна. На месте трапезы рыжая хищница немного посидела и, отдохнув после завтрака, отправилась дальше по своим делам.

Вокруг небольшого пригорка, заросшего красноталом, виднелись заячьи следы. Снег был истоптан, кругом лежали коричневые кругляшки. Зайцы, поев питательной для них коры молодых деревьев, тут же устраивали туалет.

Чурина по следам читал всё, что происходило в зимнем лесу. Для него не было никаких секретов – тайну природы он познавал смолоду. Как любой истинный нани, он прекрасно ориентировался и в лесу, и на широких амурских лугах, и в бесконечных виляющих протоках, сплошь заросших по песчаным берегам тальником.

Рана всё больше и больше тревожила охотника. Левое колено распухло настолько, что он был вынужден распороть штанину. Больную ногу он постоянно то смачивал холодной ключевой водой, чтобы сбить температуру, то мазал растопленным медвежьим жиром, но это помогало мало.

В землянке было холодно. Однако у Чурины не оставалось сил, чтобы встать и подложить дрова в затухающую печь. Вода в посуде постепенно замерзала. Окна, покрытые выделанной шкурой животного, выскобленной до тончайшей плёнки, служившей вместо стекла, покрылись инеем.

Чурину навещали невесёлые мысли. Ему казалось, что братья придут нескоро, и ему придётся в одиночку замерзнуть в холодной землянке. Он подумал, что весной братья найдут его тело, разодранное прожорливыми росомохами.

Неожиданно где-то вдалеке раздался лай собак. Или показалось? Может быть, подумал Чурина, ему уже начинает мерещиться приближение братьев? Но нет! Его собака насторожилась, приподняла мордочку, и стала что-то вынюхивать. Значит, не показалось! Лай собак повторился. И уже ближе зазвучали хриплые голоса лаек.

Средний брат, Канчунга, обратил внимание, что над трубой землянки не видно дыма. Значит, подумал он, старший брат где-то на охоте. Может, ловушки проверяет, или дрова готовит для печки...

Подойдя к зимовью, братья стали отряхивать с обуви снег, скинули котомки с плеч, о чём-то громко разговаривая.

– Сейчас натопим печь, сварим обед, а то вскоре подойдёт ага пу, – произнёс Канчунга.

– Постой, брат, – произнёс наблюдательный Дабан, – что-то следов Чуринги не видно.

– Да, правду говоришь, – ответил Канчунга, – нет следов. Что-то произошло?

По верхам деревьев проносился ветер, раскачивая их кроны. С мохнатых елей падал снег. Но внизу было совершенно тихо, ветер нисколько не тревожил кусты колючего шиповника, целебного элеутерококка и других кустарников, растопыривших свои голые ветки в небо. Собаки подбежали к двери зимовья и стали её царапать, негромко повизгивая. В ответ послышался хриплый лай собаки, которая находилась внутри помещения.

Чуринга, услышав голос братьев, обрадовался, и от волнения даже потерял дар речи. Но всё же справился с собой и, причёсывая пятернёй взлохмаченные волосы, почему-то прикрикнул на свою собаку: «Вставай, лежебока, хватит лежать, встречай гостей!».

Та разом подскочила, виляя хвостом, всем своим видом показывая хозяину, что не допустила оплошность и не прокараулила подошедших к землянке людей.

Канчунга толкнул дверь. Она была не заперта. Войдя в землянку со света, он в темноте ничего не увидел. Не сразу он заметил брата, лежавшего на нарах. Но постепенно глаза привыкли к сумраку, и он увидел Чурингу, пытавшегося присесть поудобнее на своём ложе.

– Ага! – тревожно воскликнул Канчунга, – что с тобой?

– Ага, что ты разлѣгся на нарах, почему не на охоте? – спросил Дабан, хотя видел, что у старшего брата что-то произошло.

– Рад бы, братья, встретить вас, да не могу – ноги не ходят. – От острой боли он стиснул зубы, испарина покрыла его лицо.

Без лишних вопросов пришедшие стали осторожно ворочать брата, чтобы ему удобнее было расположиться на нарах, и осмотреть ногу. Им открылась неприглядная картина – нога распухла, возле колена кровоточила загноившаяся рваная рана.

Стараниями Дабана в землянке весело загудела печка, а вскоре и чайник закипел. Собаки в предвкушении еды виляли хвостами, преданно глядя на людей.

Выложив на стол припасы, братья подкрепились, в первую очередь, конечно, накормив старшего брата. Досталось и собакам, они довольные сытным обедом, попытались пристроиться на отдых у ног хозяев, но были выпровожены за порог со словами: «Нечего вам тут разлёживаться!».

Наконец у Чуринги появилась возможность поговорить с братьями. И он решил рассказать им, что же произошло с ним на охоте, тем более, что те уже настроились слушать старшего брата.

– Пошёл я проверять самолёвы, – начал Чуринга, – всё было нормально, снял три соболя, уже направился по путику дальше. Но вдруг, откуда ни возьмись, появился передо мной медведь. Большой, чёрный, я даже глаза его успел разглядеть: маленькие, злые! Как встал он на дыбы – ростом выше меня. Я снизу вверх на него гляжу. Страшно мне стало! В жизни не испытывал страха, а тут испугался! Ноги, руки затряслись, коленки подкосились. Сила куда-то исчезла, от страха голову потерял. Но жить-то хочется! Подумал: если не я его, то он меня задерёт. И злость такая откуда-то взялась. Думаю – ножом буду резать его! Я же даже не предполагал, что встречу зверя на своей тропе. Да ещё зимой, когда он должен спать в берлоге! И поэтому к такой встрече готов

не был. Я не думал, что медведь меня специально поджидает. Как назло, собаки мои убежали куда-то по следу сохатого. Всё произошло внезапно и быстро.

Чуринга замолчал. Какое-то время он молча сидел на нарах, кривя лицо от боли и от пережитых воспоминаний. Канчунга и Дабан тоже молчали, сопереживая брату. В землянке было тихо, только слышна была за дверью возня собак.

Ага продолжил: «Что было делать – пришлось орудовать ножом, ведь ружьё припадении медведя отлетело в сторону. Хорошо, что собаки прибежали и стали то с одной, то с другой стороны нападать на медведя, отвлекая его от меня. Здорово выручили собачки! Медведь, отбиваясь от собак, пытался обхватить меня лапами и уронить на снег, но я каким-то чудом вырвался из его смертельных объятий и успел пропороть ножом ему брюхо. Зверь зарычал на всю тайгу от боли. Кишки его начали вываливаться, и он давай сгребать их в кучу. Но всё-таки он хорошо задел меня. Не помню, сколько я пролежал на снегу, но, видимо, немало, потому что волосы начали примерзать к утопанному снегу. Голова болит, руки и ноги тоже, смотрю, а нога в крови и в коленке не сгибается. А медведь рядом лежит. Смотреть жутко на эту картину. Собаку жалко, кобеля задрал медведь. Одна у меня теперь сучка осталась.

А я еле-еле до землянки добрался. Где-то даже полз – не мог ногами идти. Особенно тяжело было осилить буреломы или заросли кустарника. Ну а что делать? Не замерзнуть же посреди дороги! Собачка бежит впереди меня, останавливается, ждёт и так жалобно смотрит на меня. Даже, по-моему, видел слёзы на её глазах. А говорят, что животные не плачут! Они такие же, как люди, также переживают, думают, только говорить не умеют.

Когда Чуринга замолк, в разговор вступил средний брат: «Ничего, ага, ты сделал всё правильно, всё сделал так, как нас

учил отец. Во-первых, ты не растерялся, а вступил в схватку с шатуном. Не растерялся, поэтому и победил. Не огорчайся! Радуйся, что всё закончилось благополучно! Могло бы быть и хуже! А то мы смотрим, когда подошли к зимовью, что стоит оно как необжитое. Аж страшно стало! Но ничего, теперь, думаю, всё будет хорошо. Поживём у тебя, пока не поправишься. А заживёт рана, и домой на своих ногах дойдёшь. Наверное, заждались нас родные. А мы прибудем целые и невредимые».

– Да, да, невредимые, – промолвил Чуринга, – нога-то долго заживать будет. А домой придём, сразу же к шаману надо идти. Пусть покамлает и скажет медведю, что не хотел я его убивать. Что мы его так же любим, как своего, как человека, как брата. Он такой же, как и мы, только лесной человек.

Канчунга продолжил: «Да, придём домой, да ещё с кучей дорогих соболей. То-то радости будет дома! Если и дальше так же будем охотиться, то хорошо завершим охотничий сезон. А шкурки продадим – глядишь, и разбогатеем! И сможем тогда выбрать себе жён! А что, Чуринга, жениться будем?!».

– Ладно, ладно, что-то ты размечтался, брат. Сначала позволь на ноги встать!

Однако, видно было, что старший брат был всё-таки доволен благополучным исходом дела. Чуринга даже забыл о больной ноге – ему было в удовольствие общаться с Канчунгой и Дабаном.

– Где же ты, ага, оставил шкуру медведя? – задал неуместный вопрос Дабан.

– Да какая же шкура, Дабан, ты о чём говоришь? Даже если я был бы здоров, всё равно ничего брать не стал. И шкура медведя, и всё остальное осталось там, где у нас была схватка. Да и нельзя было брать ничего. Амба вселился в шатуна.

Чурина укоризненно покачал головой, но больше ничего говорить не стал. А Дабан, поняв свою оплошность, решил сгладить свою вину – он не спеша приготовил кое-какую еду, и всё это выложил на стол. Лепёшка из черёмухи, юкола, мелкие кусочки сушёного мяса сохатого – их вид придал аппетит охотникам, и уже через полчаса от этих припасов не осталось и следа.

Незаметно подкрался вечер. Печка потрескивала от сухих дров, огоньки весело плясали и создавали уют в тесной землянке.

Было тепло. И постепенно сон стал одолевать братьев.

– Я уже засыпаю, – промолвил Чурина, пристраиваясь на нарах.

– Спи, брат, – ответил Канчунга, – мы тоже с Дабаном приляжем.

Послышалось сопение засыпавших братьев, кто-то из них захрапел, нарушая тишину.

Неожиданно Чурина привстал с постели, и возбужденно произнёс: «Я знаю, почему на меня набросился медведь! Помните, в прошлую зиму в наших краях мы нашли издыхающую медведицу? Но она выжила, как видно, она не погибла! Медведица была сильно изранена, но всё-таки выжила! Да, она выжила! Мы ведь не видели её останков, не видели разодранной шкуры. Всё доказывает, что это был тот самый зверь. Вот и ходила медведица, бродила, в берлогу уже не залегала. А всё хотела отомстить своему обидчику, растерзать его, уничтожить. Вот тут-то я и попался на её пути, поэтому и пострадал. А шатуну всё равно, кто ему причинил боль. Раз человек попался на пути, значит – виновен».

Прошло несколько дней, как Канчунга и Дабан оказывали помощь старшему брату. Он, благодаря их стараниям, пошёл на поправку. Рана на ноге стала заживать. Опухоль спадала. У Чурина появился отменный аппетит. Благо, что

продовольствия было вдоволь. Ещё в конце ноября он забил на мясо крупного сохатого. Хватало и крупы. Была и юкола. С водой проблем не было – вот он, ключ, который почти не замерзал никогда. А дрова – вот они, рядом, какие хочешь. Здесь и лиственник, и берёза, и ель. Но надо было дожидаться марта, и тогда по твёрдому насту можно будет без особых проблем добраться от дальних таёжных урочищ до родного дома.

Канчунга и Дабан решили, что не следует оставлять брата одного, и поэтому один из них останется здесь, а другой уйдёт на какое-то время к своим угожьям, чтобы проверить ловушки. Остался Канчунга. А Дабан с утра пошёл к себе на угожья. Собака бойко бежала впереди, временами останавливалась, чтобы обляять непуганых белок. Увлёкшись погоней за дичью, лайка убежала от хозяина на значительное расстояние. Её лай слышался уже вдалеке.

«Гав, гав, ав, ав», – слышался лай собаки. Но вдруг она замолчала. «Ну, – думает Дабан, – возвращается лайка, молчит, потому что надоело ей лаять впустую. Хозяина нет рядом, так зачем лаять задаром?». Однако лай повторился, но уже как-то злобно. «Так, – решил Дабан, – облаивают крупного зверя». И он заспешил, быстрее передвигая лыжами, чтобы ускорить встречу со зверем. Охотник почувствовал азарт – он уже не думал о том, что сохатый ему и не нужен – мяса с осени было припасено достаточно. Временами лай то смолкал, то с новой силой повторялся. Похоже, собака держала сохатого. Снега было много, поэтому зверь не мог так просто уйти от преследователей.

Дабан, вытирая пот с лица, подбежал к кромке поляны, где начинался густой ельник. Здесь были видны следы сохатого. Они вели в чащу леса, где было намного темнее, чем на открытом месте.

Вот лай послышался рядом, и охотник увидел крупного зверя. Судя по рогам, это был самец. Он крепко стоял на длинных ногах и агрессивно реагировал на своего преследователя. Сохатый тряс головой, стараясь то ли запугать собаку, то ли поддеть её на рога, резко поднимал передние ноги, пытаясь достать ими надоедливового врага. Но лайка была намного проворнее и стремительно отбегала от таёжного великана.

Дабану сохатый был не нужен – ещё загодя мяса было заготовлено впрок, и поэтому, постояв и налюбовавшись на таёжного исполина, он громко дал команду собаке оставить сохача. Пёс, недовольно полаивая и повизгивая, прекратил бесполезную борьбу с возможной добычей, и нехотя подчинился воле хозяина. Сохатый, недоверчиво поглядывая на собаку, крупной рысью ушёл от преследователей. Ещё некоторое время слышался скрип снега, и вскоре всё затихло.

Отойдя метров двести, охотник наткнулся на заросли кустарника. Это был элеутерококк. Дабан, очистив от снега корневище куста, стал ножом долбить мёрзлую землю, чтобы выкорчевать целебные корни растения. Ему удалось добыть несколько корешков. Их Дабан заготовил для старшего брата, чтобы он быстрее пошёл на поправку.

Братья, заметив хорошие перемены и в здоровье, и в настроении Чуринги, были полны надежд на удачное продолжение охоты. Канчунга, как и Дабан, тоже зачастил на промысел, уже без боязни оставляя старшего брата одного. Охотникам хотелось завершить сезон охоты полными котомками отборных шкурок.

Старший брат и сам уже думал о дальнейшем промысле на своих угодьях, мечтая о первой тропе после встречи со страшным зверем, который едва не лишил его жизни.

Чуринга уже выходил из землянки самостоятельно, разминая ноги.

Однажды, выйдя за порог землянки, Чуринга обратил внимание на погоду. «Пурга будет, – подумал он, – пора бы братьям возвращаться с охоты, пока не замело тропы». Конечно, он беспокоился о братьях, но знал, что они не пропадут в тайге.

Ночь прошла в тревожном сне. Все мысли были о братьях – как они там, в ночи, без тепла, возможно, даже без костра, да на голом снегу? Но к утру пурга притихла, разве что снегу подвалило некстати. Как раз со дня на день братья заканчивали охотничий сезон и приняли решение возвращаться домой. Однако снег ломал все планы – нельзя идти по колено в снегу – надо подождать, пока он не осядет и не превратится в твёрдый наст.

Братья подошли к землянке Чуринги почти одновременно. Канчунга со своего участка, Дабан со своего. И оба пережидали пургу под выворотнями старых деревьев, предварительно наготовив дров на ночь.

Воображение Дабана рисовало картину встречи с братом: охотников ждёт тёплое помещение, где весело потрескивает печь, а в котле варится мясо сохатого.

Воочию было на самом деле так, как фантазировал Дабан. Их действительно ждал выздоровевший старший брат, тёплая землянка и большими кусками сваренное мясо сохатого. Ох и проголодался молодой охотник! А тут всего вдоволь – и мясо, и наструганная печень с черемшой! Обеденье!

Сезон охоты закончился – спрятаны ловушки и камусные лыжи в надёжном месте, там же, в хранилище из сруба на столбах, аккуратно уложена постель из шкур оленя и сохатого, подушки и прочая мелочь – до следующей зимы.

Пора собираться домой. Мартовский наст выдерживает вес человека и нарт, нагруженных вещами охотников. Собачки тянут нарты, как будто даже без особых усилий, привычные тянуть уложенный на них груз.

Изредка, когда уставала ещё не совсем зажившая нога и нудная боль пронзала тело, Чуринга садился в нарты, чтобы немного передохнуть. Тогда на помощь собакам приходили Канчунга и Дабан. Такой тягой собакам намного легче тянуть груз, но при спусках с пригорков постромки ослабевали, и каюрам то и дело приходилось приводить упряжки в порядок.

Два дня продолжалось возвращение охотников домой, к родному стойбищу. И хорошо, что по твёрдому насту передвигаться было намного легче, чем по рыхлому снегу. Но всё же дальняя дорога утомила и людей, и собачек. Однако, несмотря на усталость, путники продолжали преодолевать километр за километром, всё ближе приближаясь к родному стойбищу.

Наконец вдали показалось стойбище. Собачки, узнав родные места, прибавили в беге. Нарты, подпрыгивая на снежных ухабах, скрипели и издавали какие-то звуки, больше похожие на стон больного человека.

А вот и родное стойбище! Но что это – никого из людей не видать? Ни собак, ни сородичей – никого нет на пустынных улочках нанайского селения, как будто всё здесь вымерло. Эх, если бы знали братья, что ожидает их в родном доме...

АГБИНДИЙ ЭНУУ – ЧЁРНАЯ ОСПА

В начале зимы большая беда пришла в нанайское стойбище. Чёрная болезнь агбиндий энуу, пришедшая к озёрным жителям то ли с верховий Амура, то ли неизвестно ещё откуда, косила людей из народа нани, причём всех подряд, не разбирая, стар или млад встречался на её пути. Словно чёрная туча надолго нависла над стойбищем. Такой беды не помнили даже старики.

Воронье стаями кружило над поселением хэдзэни, вызывая ужас у немногих оставшихся в живых. И они понимали, что скоро и их постигнет та же участь, что и сородичей, отправившихся раньше времени в вечное царство Буни по причине смертельной болезни.

Голодные собаки, оставшиеся без попечения хозяев, как бездомные животные, бродили по нешироким улочкам стойбища. Часто то в одном, то в другом конце поселения можно было услышать их жуткий вой.

К этим леденящим душу звукам присоединялись сразу несколько других голосов, и далеко-далеко по окрестности разносилась ужасающая песня одичавших собак.

У нани есть такой обычай, что в радости или в горе обязательно принимает участие шаман. Ни один из обрядов не обходится без него. Заболеет ли человек, рождается ли младенец – шаман всегда рядом – он готов служить людям. А сейчас, когда началась эпидемия, шаман камлал ежедневно. Он, конечно, не знал и не предвидел исхода камлания, но очень надеялся с помощью духов отвести беду от своего народа.

Собрались все живые. Расселись кто где. Вот выходит с бубном шаман, осматривает в сумерках людей, вот он покачал головой и стукнул колотушкой по бубну. Сперва

осторожно, звук от прикосновения колотушки к бубну звучит тихо, как бы робко. Шаман стучит сильнее, ещё сильнее. Гулко звучит в ночи бубен старого шамана – он зовёт духов, долго общается с ними, просит оказать помощь его сородичам и всем, кто оказался в беде. Он делает необычные движения, то почти склоняясь до самой земли, то резко вскидывая руки вверх. И при этом говорит-говорит. Его речь звучит то плавно и спокойно, словно воды Амура плещут о берег, то вдруг неожиданно громко, гортанные звуки вырываются из его горла, словно мелодия буйного ветра в штормовую погоду.

Когда шаман камлает, ему всегда нужны помощники из мужчин. Нет, они ничего не делают – не бьют в бубен, не кружатся в пляске, как шаман. Их задача заключается в другом. Шаман выполняет свою миссию, он общается с духами, а мужики выкрикивают подбадривающие слова и подтверждающие верность контактов шамана с потусторонним миром.

– Гэ, гэ, тэде, тэде, тэде, тэдему! – кричат помощники в часы камланий шамана. И эта его неистовая пляска, и резкие крики просящих у духов милости – обязательный ритуал при проведении шаманских камланий. Но этот обряд, который происходил в ночной тиши Болони, был посвящён тому, чтобы агбиндий энуу перестала забирать жизни людей в царство Буни, а также надеждам на новую жизнь – без горя и эпидемий.

Однако, настолько была сильной агбиндий энуу, настолько она была могущественной, что не мог с ней справиться старый шаман. Он старался, он очень старался – и духи ему помогали, и пытались изгнать агбиндий энуу, но силы были неравны. И сдались в этой неравной борьбе духи, которые сказали шаману, что не могут победить страшную болезнь.

Устал шаман. Тут же, обессиленный, в кругу своих соплеменников, он упал навзничь. Упал и не шевелится. Нет у него сил. Долго лежал недвижимо. Сородичи молча смотрели на шамана, ожидая, пока он не придёт в себя. Они знали, что шаман проделал долгий путь, общался со многими духами, и нужно время для его возвращения обратно. Наконец шаман зашевелился, тихим голосом попросил пить. Руки его тряслись, а глаза смотрели, словно в пустоту...

– Уходите отсюда, – сказал шаман, – собирайтесь и уходите. Вам уже никто не поможет. Чёрт поселился здесь. И никогда сюда не возвращайтесь – сусу. Ослушаетесь – все здесь умрёт.

Не послушались люди старого шамана. Позвали из соседнего стойбища другого. Пусть, говорили они, он покамлает. Может быть, думали они, что их шаман стал слишком старым и потерял свои способности общаться с потусторонними силами?

Но не помогли озёрским людям и приезжавшие шаманы из соседних и дальних стойбищ огромного мангунского края. Люди, заболевшие чёрной болезнью, умирали один за другим. И редко-редко дымоход чьего-то очага пускал из закопчённого отверстия чёрный дым, извещавший немногих его сородичей, что в этом жилище ещё как-то теплится жизнь. Хэдзэни не успевали хоронить родных и близких, взрослых и детей, ставших раньше времени жертвами агбиндий энуну. Злая болезнь свирепствовала. Без древних погребальных обрядов, без скорбных песнопений, ослабшие люди молча хоронили в кэрэнах покойников. И каждый из живых думал – чья следующая очередь?

ЭНЕКЭ И СТАРИК

Поседевшая раньше времени ещё нестарая мать, в начале весны ожидавшая своих сыновей с охотничьего промысла, в конце луны потеряла мужа. Его, как и многих сородичей, забрала в царство Буни чёрная болезнь. И теперь она одна в большом доме смиренно ждала своей участи, не надеясь на чудо.

По привычке она вставала рано, задолго до восхода солнца. Что-то делала при тусклом свете жирника, кое-как коптившего неживым огоньком. Перекладывала попусту посуду с одного места на другое. И думала о разном. Мысли её путались. То вспоминает себя девчонкой, то вспоминает сватовство покойного мужа, то рождение первенца. Как же его зовут? Да, его зовут Чурина, или Канчунга? Не помнит бедная женщина имени своего первого сына. Не может вспомнить. А как же зовут младшенького? Дабан? Да, его зовут Дабан.

В беспамятстве женщина берёт в руки дученку, и её руки, с молодости привычные к музыкальному инструменту, начинают выводить смычком какую-то странную мелодию. Она говорит какие-то непонятные слова. Её песня вызывает у людей страх. Но мать этого не понимает.

– А-а-а-о-о-у-у, – долго и надрывно звучит её горький плач в одиноком доме.

– О-о-о-о-а-а-о, – жутким эхом отзывается плач, переходящий в истеричные вопли другой женщины где-то в противоположном конце стойбища.

И ещё долго звучит в ночи какофония жутких звуков. Далеко в горах Сихотэ-Алиня слышится перекличка одичавших собак и обезумевших от горя женщин.

Постепенно затухали огни родовых очагов то в одном доме, то в другом. Это означало, что их хозяйева покинули свои жилища.

Немощный старик давно остался один. Свою жену он похоронил ещё лет двадцать назад. Один сын сгинул на охоте, другого унесла из жизни эта проклятая болезнь, заодно прихватившая в царство мёртвых его внуков и правнуков. Он сидел в пустом доме и разговаривал с духами: «Почему вы не забрали меня в царство Буни? Я достаточно пожил на этом свете, и теперь, в старости, остался совершенно один. Мне не хочется жить – это несправедливо – я, старик, жив, а моих детей нет. Нет и внуков с правнуками, нет продолжателей рода. Кому нужна моя жизнь? Кому, если некому мне помочь? Скажите, добрые духи, когда отступит эта страшная болезнь, и вновь загорит огонь в наших родовых очагах?».

Над стойбищем поднималось мартовское солнце. Его огненные стрелы пронзали края сопок, и улетали дальше – за горизонт. Было холодновато. Во всём стойбище не оставалось и половины жителей стойбища, кроме дряхлого старика. Он решил дождаться тех, если доживёт, кто по весеннему насту должен был вернуться в стойбище из охотничьего промысла.

В стойбище умирали люди. Старики, дети, женщины, молодёжь уходили в мир иной раньше времени. Проходил день-другой – улучшений не было. Мор в стойбище продолжался. Осталось совсем немного здоровых людей. Однажды они собрались в доме старика, чтобы решить, что же им делать дальше?

Старец, которого ещё не затронула страшная болезнь, начал первым: «Я достаточно пожил на этом свете. И не хочу, чтобы наш народ вымер. Все здоровые люди, способные передвигаться, должны покинуть родные места. Только так можно спастись от чёрной болезни».

Старик надрывно закашлял, в перерывах между приступами он тяжело дышал. Наконец, опять смог говорить:

«Видно, наши духи по какой-то причине разгневались на нас. Иначе бы беды не произошло. Если кто думает иначе – говорите».

– Правильно, даи ама, мы тоже так думаем, – вразнобой заговорили люди.

– Только куда же нам идти среди зимы? Где нас ждут? Кто ждёт? – с горечью произнёс другой старик.

– Сейчас не тот случай, чтобы спорить, – сказал старец, – идите, собирайте в дорогу всё необходимое.

Мороз, несмотря на мартовскую оттепель, по ночам ещё крепчал. В домах, брошенных хозяевами, было холодно и неуютно. Да что там говорить, ведь некому было растопить родовые очаги. В пустых домах не звучали детские голоса, не ворчали старухи, не было слышно шагов людей. Всё вымерло. Лишь жуткий вой собак проникал в души оставшихся в живых. Но радости в их сердцах уже давно не было. Люди собирали в неизвестную дорогу только необходимые вещи и продукты.

Старые люди говорили молодым, что их далёкие предки когда-то были кочевыми людьми, как и другие тунгусо-маньчжурские народы. Но многие сотни и сотни лет назад их предки обрели настоящую родину на Амуре. И уже с тех давних пор стал народ хэдзэни осёдлым и не помышлял ни о каком кочевье. Летом пользовались лодками, оморочками, зимой передвигались на собачьих упряжках. Вот и теперь, когда эпидемия вынуждала оседлых жителей Болони покинуть места постоянного проживания, они использовали собак, запряжённых в нарты.

ПРОЩАНИЕ С БОЛАН

Подъехав к своему жилищу, Чуринга, предчувствуя неладное, поспешил в дом. Но в холодном помещении не было ни матери, ни отца, ни кого-либо из живых людей, кто бы мог встретить охотников и объяснить, что же произошло в стойбище?

Братья, поняв, что случилось что-то ужасное, по очереди входили в каждый дом. Но повсюду было одно и то же – погасшие очаги, пустые нары. Наконец-то повстречался дом, где кто-то был из живых. Зайдя в помещение, братья увидели лежавшего на нарах старика. Больше в доме никого не было.

– Даи ама, – негромко произнёс Чуринга, обращаясь к старику, – где все люди? Что случилось в стойбище?

– Это ты, Чуринга? – вопросом на вопрос еле слышно ответил старик, – подойди ко мне, но не приближайся. В стойбище нет никого из живых. Всех забрала какая-то страшная болезнь. Она никого не пощадила.

– А мать наша, отец наш, они где, они живые? – срывающимся на крик голосом спросил Дабан.

– Болезнь никого не пощадила. А те, кто остался в живых, ушли отсюда. Ваши мать и отец остались здесь.

И старик замолчал, тяжело дыша. Было видно, что ему не хватало воздуха. Он пытался ещё что-то сказать, но ослабший организм уже давал сбой – он умирал.

Старик закрыл глаза. Со стороны казалось, что он просто засыпает. Его лицо было спокойным, лишь заострившийся нос и впалые глаза выдавали в нём очень больного человека, находящегося при смерти.

– Вы уходите отсюда, и сюда больше не возвращайтесь. Это место, где стоит наше стойбище, сейчас проклятое

место – сусу. А я умираю. И я, наверное, последний из живых, – прошептал старик.

– Что будем делать? – спросил Канчунга.

– Кэрэн надо делать, – ответил Чуринга.

– И как можно быстрее уходить из стойбища, где поселилась нечистая сила, – сказал Дабан.

Приближалась ночь. Надо было где-то устраиваться на ночлег. Решили переночевать в родительском доме. Затопили печь, и вскоре тепло заполнило всё жилище. Никто из братьев не притронулся к еде, все молча расположились на нарах, и как есть, в одежде, легли и постарались уснуть. Но страшные известия не давали покоя, и эта ночь показалась братьям очень и очень длинной, как будто время тянулось вечно. Солнце ещё не поднялось из-за горизонта, как братья были уже на ногах. Они собрали в котомки необходимые вещи, не забыв котелки, топоры, кое-какую посуду и продукты. Весь домашний скarb уложили в нары и, пристроив собак в упряжках, засобирались в последний путь из родного стойбища. Но прежде надо было похоронить старца, и они задержались в стойбище, чтобы исполнить долг и проводить в последний путь уважаемого человека.

После недолгих проводов старейшины в царство Буни братья двинулись в неизвестность, покидая родные края, где они родились, выросли, возмужали и стали охотниками и рыболовами. Здесь, на этой благодатной земле малой родины, они попрощались с ушедшими в мир иной родителями, сородичами, но с мыслями и надеждами, что когда-нибудь они вернутся сюда, в своё родное стойбище.

Вдали, за поворотом заснеженного мыса, где они частенько ставили сети и ловили жирных сазанов и увесистых карасей, исчезло их стойбище. Их родное стойбище! У каждого из братьев было такое чувство, что они потеряли не только малую родину, но и частицу самого себя.

Под ногами скрипел снег, и по насту было легко передвигаться. Братья лишь изредка останавливались на короткий привал, чтобы дать возможность отдохнуть собачкам, и посмотреть, нет ли у них порезов на лапах, ведь наст мог легко поранить их ноги, и тогда возникнет проблема с передвижением. Да они и сами должны были перекусить. Вот так, километр за километром, были братья в пути, пока не оказались в соседнем стойбище, где на какое-то время нашли приют у сородичей. Те приняли их, как желанных гостей. На стол выложили и мясо, и рыбу, чаем потчевали, сколько душе угодно. Лишних вопросов не задавали, так как печальные вести узнали от местного шамана.

Однако злоупотреблять гостеприимством братья не стали, а решили через день-другой отправиться в путь. Куда? Они и сами ещё не знали, куда их приведёт судьба. Но почему-то их манил Мангбо, где они и хотели обосноваться.

Путники прошли по протокам Харпи, Симми, а уже по протоке Сия наконец-то вышли на Мангбо. В дороге ночевали в местах, где было много сухого тальника. Без палаток, под открытым небом коротали ночи при ярком костре. Варили редко, в основном нажимая на чай. Горячий напиток поддерживал путников, но сил не придавал. Им хотелось поесть чего-нибудь вкусного, например, мясо сохатого, или же отварную или запечённую на костре рыбу, но походные условия не позволяли им осуществить их желание.

Видя, что Чуринге из-за больной ноги нелегко даётся передвижение, Канчунга и Дабан соперничали ему – они не позволяли старшему брату не то что нести, но даже и поднимать тяжести. Сначала Чуринга сопротивлялся и пробовал пользоваться правами старшего брата, чтобы его слово было последним и решающим, но всё же сдался и позволил

братьям делать так, как это бы сделал он сам, будь один из братьев ранен или же болен.

Канчунга, видя, как морщится от боли Чуринга, как-то спросил его: «Может быть, ага, устроим привал здесь на день-два, чтобы ты немного отдохнул?». Вопрос был вполне осознанным, а не спонтанным, и он знал, что они сделают так, как решит старший брат.

– Нет, мы пойдём дальше, неужели вы не понимаете, что скоро начнёт таять снег, и вода будет только прибывать? Вот тогда точно нам придётся делать привал где-нибудь в неудобном месте, может быть, до конца ледохода на реке. И что тогда? У нас нет лодки. И припасы скоро закончатся. Сетки или невода у нас тоже нет, так что рыбу мы не поймаем, и выход у нас один – идти. Поэтому мы и должны двигаться, останавливаясь только на короткие привалы, чтобы отдохнуть и перекусить, и чтобы где-нибудь заночевать.

– Да, ага, – сказал Дабан, – надо идти!

– Да я что? Я ничего! Надо, значит, надо, – негромко произнёс Канчунга.

Он и не ожидал другого ответа, а спросил просто так, для порядка, чтобы точно знать, что же им нужно делать, чтобы не только уйти подальше от опасного места, каким стало их родное стойбище, но и, наконец, где-то определиться на место, где они будут жить дальше. Канчунга одобрил решение старшего брата и про себя подумал, что он всегда оказывается прав.

А вот и стойбище Джонгмэ. Это было последнее знакомое для братьев селение, где им иногда приходилось бывать. Здесь у них были знакомые, которые могли их приютить на какое-то короткое время. Может быть, на день-два, но никак не больше. Хорошо приняли переселенцев соплеменники, сочувствовали, кормили блюдами, которыми потчуют дорогих гостей. Братья решили, что пора отправляться в дорогу.

Лапки у собачек зажили, сородичи дали провизию, кое-какие тёплые вещи, а кто-то из жителей Джонгмэ подарил братьям сеть из крапивы. Попрощались они с сородичами и двинулись в путь. Но неожиданно им пришлось задержаться: в Джонгмэ приехал маньчжурский купец, а у братьев было полно пушнины. Они показали купцу часть своего товара, а купец предложил свой. И пошёл торг. Купец гнёт цену, а братья не уступают – они хорошо знали стоимость своего товара. Не первый раз торговались с купцами. Маньчжур, почувствовав, что перед ним не новички, стал заявлять реальную цену. Это удовлетворило братьев, и они выгодно обменяли на нужный им товар часть своей отборной пушнины. Похоже, что и купец был доволен качеством пушнины и итогом торгов. Правда, он кривил губы, и всем своим видом показывал, что этот обмен был ему невыгоден. Купец тут же вытащил какой-то блокнотик и стал иероглифами что-то писать. Иногда, забываясь, он хитро улыбался и даже потирал руки, видимо, подсчитывая прибыль. Братьям было уже всё равно, что там делает купец, главное, что они обменяли часть своей пушнины на нужный им товар. И это было своевременно.

СТОЙБИЩЕ КАРГИ

Путешествие продолжалось. Так, день за днём шли братья по реке в сторону Нижнего Амура. Днём заметно теплело, и собачкам было нелегко тянуть нарты, поэтому шли рано утром и вечером, когда подмерзло. Но здесь таилась опасность – лайки об лёд или наст, покрывавшийся местами ледяными иголками, ранили свои лапки. Хозяева бережно относились к ним, то и дело обрабатывая даже

самые незначительные ранки, хотя с этой задачей собачки и сами неплохо справлялись. Они без труда зализывали свои раны.

Постепенно братья подошли к стойбищу Карги, почти граничащему с землями, где живут ульчи, говорящие на языке, очень схожем с нанайским. Снег давно стал рыхлым, и передвигаться, даже ранним утром, и поздним вечером, было очень затруднительно. Днём видели орланов и коршунов. И эти птицы – предвестники ранней весны. Казалось бы, корм для них в эту пору – большая проблема. Но нет, появились первые пропарины, где хищные птицы могли подкараулить какую-нибудь рыбу. Образовались и забереги вдоль Амура.

Спускаться вниз по Амуру хоть пешком, хоть на лыжах, было уже невозможно, да и не было острой необходимости ради неизвестного будущего рисковать жизнью. Братья решили в стойбище Карги переждать ледоход, а дальше... Дальше видно будет!

– А места здесь красивые! Река какая широкая, а сопки-то, сопки! Смотрите, какие высокие! И кругом тайга! – в восхищении говорил Дабан.

– Да, места здесь и вправду красивые! – сдержанно произнёс Чуринга, – уж не думаешь ли ты, Дабан, остаться здесь?

– А я не против! Почему бы и нет?

– А как же наша мечта посмотреть новые места? – спросил Канчунга, – если останемся здесь, то уже навсегда.

Между тем, весна наступала. Апрель выдался тёплым. Солнце уже не спешило, как зимой, за горизонт, и весна не стала задерживаться в пути, а поспешила занять свои владения, чтобы яркими и тёплыми лучами солнца растопить снега и пробудить природу после долгой зимней спячки.

Пристроились братья неплохо – на краю стойбища жил одинокий дед. Правда, тесновато было в жилище, но, если

потесниться, можно было даже неплохо переночевать на широких нарах. Видимо, когда-то была семья у старика, но куда-то они подевались, не принято спрашивать у нанайцев про это. Захочет хозяин рассказать, сам, без лишних разговоров, откроет своё сердце незнакомым людям. И то хорошо, что приютил мужиков старый каргинец.

– А что, ребята, – поинтересовался он у братьев, – обосновываться здесь будете, или же дальше пойдёте? Что вы думаете?

– Думаем, – отвечал Чурина, – в низовья Амура спуститься, говорят, там тоже нанисэл живут. Посмотрим, может, где-нибудь там и обоснуемся. Домой на озеро, в наше стойбище, возврата нет – сусу.

– Тогда делать надо огда, да побольше размером – вас трое, вещи, собак же с собой заберёте?

– Конечно! – громко и несдержанно воскликнул Дабан.

Чурина укоризненно посмотрел на младшего брата, но ничего не сказал. Промолчал и Канчунга. Поняв, что допустил бестактность в адрес старика, Дабан виновато пояснил: «Да, мапа, собачек с собой заберём. Куда мы без них? Они с нами и в тайгу, и на луга, куда хочешь!».

– А скажи, даи ама, вот мы хотим огда делать, а где доски можно заготовить? – спросил Чурина.

– В тайге, где же ещё, ищите кедр. Два-три дерева срубите, вот вам материал на доски. Вполне хватит даже на самую большую. Уключины, вёсла вы знаете из чего делать надо. Не мне вас учить.

– Уключины, – сказал Канчунга, – конечно же, из лиственницы. Надо найти с крепкими сучьями. Вот и уключины. А вёсла можно сделать или из ели, или же из кедра. Из ели, однако, вёсла крепче будут.

– Да, парень, правильно говоришь! Так идите и делайте! Что же вы ждёте? Я подскажу, где можно заготовить деревья.

Далеко в лес не ходите. А найдите поближе к берегу – таскать ближе.

Воодушевлённые советами старца, братья, вытащив топоры, ушли в лес. Вскоре нашли подходящий кедр. Рядом росли другие красавцы. Огромной высоты, с раскидистой кроной, стояли великаны, упираясь верхушками в небо. Ну и красавцы! Однако Чуринга на правах старшего, перед рубкой деревьев, сделал целый обряд.

– Я причиняю вам боль, но это нам очень надо, мы с братьями должны сделать лодку, чтобы найти своё счастье в других краях. Простите нас!

Зазвенели топоры, и вскоре было свалено три кедра с ровными стволами, которые прекрасно подойдут для лодок. И братья, аккуратно обрубив сучья, приступили к очищению деревьев от коры. День-два ушли на подготовительные работы, а дальше было уже интереснее, правда, и ответственнее – срубить дерево так, чтобы из него получились доски, да ещё ровные чтобы. Ох, и тяжёлая это была работа! Но нужная и интересная, потому что махать топором может каждый, но не всякий способен на такой труд, как изготовление досок из только что вырубленного дерева.

Когда заготовка досок была закончена, Чуринга пригласил дедушку в лес, чтобы он посмотрел и оценил их работу. Конечно, старцу было тяжело ходить, но он, кряхтя и отдыхая после каждого десятка метров пройденного расстояния, всё же добрался до деляны. Он просмотрел каждую доску и в целом одобрил труд мастеров.

– Неплохо, неплохо! Вот теперь задача все эти доски перенести к берегу!

– А зачем к берегу-то? – поинтересовался Дабан.

– А что же вы, ребята, хотите лодку делать здесь, вдали от берега? А потом тащить её на своем горбу?

– Да нет, даи мапа, – встрял в разговор Чуринга, – это бра-тишка пошутил. Конечно, мы перетаскаем доски поближе к воде. Там и будем делать лодку.

Старик бросил взгляд на Дабана и покивал головой, но ничего не сказал более. Примерились братья к доскам и, взвалив их на плечи, понесли к реке. За ними еле-еле поспе-вал старик, всё так же кряхтя и время от времени отдыхая от усталости.

Братья ни разу не делали ранее плоскодонные лодки, а тут приходилось всё делать самим. Помогал старец, конечно же, советами. А они, ох, как нужны были братьям!

– Там подчешите, здесь немного загните, осторожнее, осторожнее! – То и дело слышались советы старика.

– Вот вы, ребята, всё предусмотрели, а про кокорины-то и забыли. Как вы будете крепить доски, к чему? А делать их надо из берёзы. Она прочнее, и не трескается, как листвен-ка или ель. Сходите в лес, найдите берёзки не ровные, а искри-влённые, с изгибом, вот они и пойдут для каркаса лодки. Вы всё поняли? – спрашивал старец.

– Мапа, с тобой мы сделаем такую лодку, что сама будет бежать по волнам! – воскликнул Канчунга.

Старик, не привыкший к подобного рода комплиментам, поморщился как от зубной боли, но ничего не сказал в ответ. Так, за разговорами, и шло строительство крепко слажен-ной огда. Подходили и старались чем-то помочь болонцам жители стойбища Карги. Подсказывали, как надо подогнать доски, как и под каким углом подчешать кокорины, чтобы лодка в итоге вышла лёгкой на ходу и, главное, была проч-ной и надёжной, и не давала течи.

Наконец наступил торжественный день – лодка была готова! Для Чуринги, Канчунги и Дабана это было собы-тие. Они радовались как малые дети, благодарили жителей стойбища за помощь. Дабан в порыве радости даже обнял

старика, у которого остановились, и были приняты как родственники и желанные гости. Братья смотрели на своё детище и не могли налюбоваться. Длинная, широкая, лодка была ну просто красавицей!

Забереги на Амуре с каждым днём становились всё больше и больше. Лёд от прибывшей воды заметно приподняло, и в широких берегах плескался амурский частик. Течение становилось сильнее. Как долго ждали люди этого момента! Истосковавшиеся по свежей рыбе, мужики ставили сети в берегах и ловили карасей, сазанов, сомов, щук. Хватало и другой белорыбицы. Особенно ценилась щука. В это время года она готовится метать икру. Малосольная, свежая икра очень вкусный продукт! Пальчики оближешь!

Прилетевшие утки и в одиночку, и шумными стаями летали над просторами Амура, нисколько не боясь людей, садились на воду у самого стойбища, дразня вездесущую ребятню и охотничьих собак.

В середине апреля на Амуре начало толкать лёд. Он дыбился и, наползая льдиной на льдину, охал, стонал и рассыпался на мелкие куски. Река шумела, утки носились туда-сюда, а люди стояли на берегу и наблюдали за весенним ледоходом. Они смотрели на очаровывающую картину обновления природы. К вечеру лёд встал, всё затихло, река как будто успокоилась в ожидании сплошного ледохода.

На следующий день к обеду заметно потеплело, и лёд тронулся. Сперва робко, но постепенно ледоход проявил себя в полной мере. С такой мощью, с такой неукротимой энергией не могла справиться ни одна сила в мире! Лёд сплошным фронтом шёл по Амуру, ломаясь и кроша сам себя на мелкие осколки. Шум стоял по всей окрестности, не смолкая целые сутки.

На следующий день Амур полностью освободился ото льда. Но редкие льдины ещё долго носило по реке, которые всё же рассыпались на острые хрупкие хрусталики и растворялись в холодных водах Амура.

– Ну что же, братья, – сказал Чуринга, – подождём ещё день-другой и потихоньку поплывём вслед за льдом. Пойдём вниз по Амуру, и там, за Больбой, тоже живут нанисэл. Они себя, как и мы, зовут нани. Говорим мы с ними на одном языке, только говор разный. Но понимаем друг друга хорошо.

– Ты, ага, у нас старший, как скажешь, так и будет. За тобой пойдём!

– Вот и договорились! А теперь, пока есть свободное время, давайте старику поможем. Дрова можно заготовить, вон, у кромки леса много сухостойного леса. Что нам стоит нарубить его?

– Это так, ага, – поддержал брата Канчунга.

– Конечно, что нам стоит! – отозвался Дабан.

Пару дней посвятили братья заготовке дров для старца. Он был растроган до глубины души и отблагодарил братьев щенком амурской лайки.

– Берите щенка, хорошим помощником будет! И спасибо вам! Будете проездом когда-нибудь, не забывайте старика!

Gudan, Evgeny Pavlovich

Ulchi language

ON HUNTER'S PATHS

(from the novel "The People of the Amur")

The frozen silence was broken by the alarmed cry of a jay. Somewhere in the darkness of the coniferous forest, a titmouse warbled timidly, then fell silent. A woodpecker hammered on a dry tree trunk. The trill echoed in the nearby hills – it reverberated around, gradually dying out. And suddenly the forest fell completely silent. Where did everything go? Where were the birds and the beasts, where did they all disappear to, why were they silent?

Daban paid close attention to everything that happened in the forest. The fluffy snow slowly falling from the sky pleasantly cooled his hot body. The wind suddenly seemed to die down, rustling the bare branches of the eleutherococcus and some other plants. The hunter blinked every time snowflakes fell in his eyes, and rubbed his face with his hand, as if freeing himself from tiredness and alarmed thoughts, which visited the young hunter from time to time.

Daban stood and admired the winter picture that nature painted. Although everything that was now around him was not new, and he had seen the landscape here dozens and hundreds of times, and everything was familiar. The same bare trees with the prickly branches, the same bushes with the branches pointing out in all directions, the same narrow hunting path which wound

past the hills and valleys for the dozens of kilometers of his daily route. But still, there was something before him that he perhaps had not noticed before. And this alarmed him.

It was the middle of the hunting season. This winter, Daban had been lucky. Before the first snow, on the black path, he had caught many squirrels, several dozen fine sables, and around 10 cross foxes, not counting the beautiful silver fox. Yes, the hunter thought, the taiga is rich in furry creatures! There is so much life in it that it delights the heart! Daban really was happy, not because of the number of animals that he had caught, but because he was communing with primeval nature, where even the rocks, the trees and the bushes seemed to speak his language. And did the hunter understand it? He probably did, because like all the Nanai, he believed that nature was a living creature. If you offended it, you would offend Enduri* himself.

After walking for a short distance, the hunter noticed a tree, and on the snow around it there were clumps of bird's feather. The snow was flecked with drops of blood. He looked up and saw a dead bird hanging between the branches. A jay, Daban thought. Its head hung lifelessly down, and its eyes were covered with a grey film. Not one detail of the taiga tragedy that had taken place escaped the attention of the attentive pathfinder. At the very top of the tree, he noticed an animal that was motionless on the branch. The hunter recognized it as a sable which had caught the jay and was about to eat it, but its meal was interrupted by a human who had come along at the wrong time.

There were many such incidents which took place daily in the taiga. The strong eat the weak – such is the severe law of the taiga. But Daban did not always pay attention to such things. He had long grown used to them. But today's incident with the jay had special significance for him. His grandmother, when Daban had been a small and restless boy, said that you should be wary when you see a dead bird hanging between tree branches. This was a bad omen, she said. Never take a dead or still living bird in your hands which is hanging between the branches of a tree.

Childhood memories were deeply engrained in his memory. And now grandma's warnings arose from out of the depths of his mind. Daban, being a superstitious man, gave this place a wide berth, leaving the path. His route was to the dugout, and he walked at his customary pace, weaving between the trees, and adjusting his backpack so that the straps didn't press his shoulders.

The taiga, which formed a thick belt around Lake Bolon, contained plenty of food for all kinds of animals. The squirrels and sable fed on nourishing cedar nuts, and stayed in these regions before their long journey to the bleak and snowy north. Even after the devastating raids by plucky jays and cuckoos, which had terrible quarrels over each nut, food remained on the ground and on the cedar trees.

There were also moose in the taiga. There were so many of them that they occupied enormous territories, diving into herds of several dozen, and fortunately there was enough food for these forest giants throughout the year.

Daban had two elder brothers, who were also hunters. They went into the taiga together all season, leaving their native camp for several months.

The eldest brother, named Churinga, was quite tall and sturdy. He took after his father – he was silent but stubborn. But if he said anything, it was quite definitive. He was fair and respectful of people.

The middle brother, Kanchunga, was also well-built, and a very strong man. But unlike Churinga, he was cheerful and merry. People were fond of him, and respected him for his obliging and easy-going nature. There were many men like this in the camp, but Kanchunga was the undeclared leader among his peers.

Daban was the youngest in the family, and shared the traits of both his brothers. He was both moderately serious and

cheerful. His elder brothers called him poyango*, which meant the youngest, and so not much was asked of him. But Daban was certainly no mamma's boy. He was a hunter, a fisherman, and a helper in the family.

Daban's dug-out was in a convenient place. It was surrounded by forest, with trees several tens of meters high. The evergreen century-old firs, and the strong larches that you couldn't even wrap your arms around, the beautiful birches and the mighty cedar with the wide-branching crown. There was a bubbling spring almost right next to the dugout, which had its source in the distant ridges of grey Sikhote-Alin. Even in the coldest weather, this spring never froze to the bottom, and the water continued its eternal movement to the pure waters of Bolon.

Once a month, when the moon was waning, the brothers visited Churinga for a day or two to meet, exchange news, and if necessary to help him out.

The moon was waning. Its sharp tips, pointing into the tree branches, seemed to tear open the night sky, illuminating the Universe with a dim light. Only the mischievous frost that had grown stronger overnight roamed between the bare tree branches, dealing sharp blows to their trunks.

Daban stood by the dugout, throwing his dog pieces of dry-cured fish that he had prepared for the winter from chum salmon in the autumn. The fish swims upstream all autumn, and even spawns at the end of October, though it no longer wears its mating colors, towards Bolon, or rather to the mountain springs that feed the lake with pure, crystal-like icy water,

Daban was silent as he thoughtfully stroked the dog's mane. The dog, licking its lips after eating, looked in devotion at its master, and flicked its tail as it waited for more delicious food. But you must not overfeed a husky – on a full stomach a hunting dog will not chase animals properly.

For some reason, the hunter felt alarm. Even the successful hunt did not cheer him up. Perhaps something had happened.

But what, and where? And to whom? Questions revolved in his head, not letting him concentrate, because he could find no answer to them.

The previous night, Daban had dreamed of the water of Bolon. The lake seemed endless, and everywhere there was water, quite transparent. A loon was diving in the distance, trying to catch something in the clear waters of Bolon. Suddenly a flock of crows flew by. They cawed and flapped their black wings, making a lot of noise. And the loon suddenly disappeared in the water. It did not come to the surface. Where was it, this restless loon? It had to come up again soon, but it didn't.

It was a terrible dream that he had had! It made him feel uneasy. And there was also the fresh picture of the jay. He could see the lifeless body of the bird between the tree branches. His eldest brother had rarely come out of his winter house recently. One of his legs had swollen up, and every movement of his body caused him terrible pain. So Churinga spared his energy, and only left his hut if it was absolutely necessary. It was warm in the dugout – there were plenty of logs prepared. But the supply was not endless. Sooner or later he would have to go to get fuel for the greedy stove.

Churinga knew that if the moon was waning, then his brothers would soon come to visit, and that together they would think of how to get out of the situation he had found himself in because of a hunting accident.

The hunter wondered why disaster had struck, and at the height of the hunting season? He had done everything correctly at the hunt. The way his father had taught him – how to sneak up on an animal, how to take a bear out of a den, how to lay traps for sable, how to escape from any predator if necessary.

Churinga remembered with an unpleasant shudder how the accident had taken place on one day in February. The weather on this unfortunate day was perfect. Early in the morning, as soon as the first rays of sun had cut the black horizons with their fiery arrows, he went to check the traps. The snow crunched under

foot, the mild frost after a thaw pleasantly pinched the hunter's swarthy cheeks. But he did not feel the cold.

The hunter noticed everything that was happening in the forest. The fox tracks told him that it had been here quite recently. Indeed, soon Churinga saw the dug-up snow. When he looked attentively, he saw that the fox had caught a vole for breakfast. Grey fur was scattered around the burrow, and small drops of blood frozen in the snow showed that the rodent had been devoured immediately – the fox had been hungry. The predator had sat for a little while in the place where he had his meal, and once he had rested after his breakfast, he went off on his business.

Around the small hill overgrown with bog willow, he could see the tracks of a hare. The snow was trampled, and little brown lumps lay around. The hares had eaten the nourishing bark of young trees and then gone to the toilet.

By the tracks, Churinga could read everything that had taken place in the winter forest. There were no secrets for him – he had learnt the secrets of nature from an early age. Like any true Nani, he was quite at home in the forest, in the broad Amur meadows, and in the endless winding streams with the osier growing abundantly on their sandy banks.

The wound increasingly worried the hunter. His left knee was so swollen that he was forced to tear open the trouser leg. He constantly wet his sore leg with cold spring water, to lower his temperature, or rubbed it with heated bear oil, but this was little help.

It was cold in the dugout. But Churinga did not have the energy to get up and put logs on the dying stove. The water in the container constantly froze. The windows, covered with animal hides scraped to a thin film as a substitute for glass, were covered in frost.

Churinga was plagued by gloomy thoughts. He was worried that his brothers would not visit him for a long time, and that he would freeze in the cold dugout by himself. He thought that in spring his brothers would find his body, ravaged by greedy wolverine.

Suddenly, he heard dogs barking somewhere in the distance. Or did he just imagine it? Perhaps, thought Churinga, he was already beginning to imagine that the brothers were approaching? But no! His dog raised its snout in alarm, and began sniffing. So he hadn't imagined it! The dogs barked again. But he could now hear them much closer.

The middle brother, Kanchunga, noticed that there was no smoke coming out of the dugout chimney. This meant that his elder brother must be hunting. Perhaps he was checking traps, or preparing logs for the stove...

Approaching the dugout, the brothers began to beat the snow off their boots and took their bags off their backs, talking loudly.

"Today we'll heat the stove and make dinner, soon aga pu* will come," said Kanchunga.

"Wait, brother," said the observant Daban. "I can't see any signs of Churinga."

"Yes, you're right," Kanchunga replied. "There are no signs of him. Has something happened?"

The wind blew through the treetops, swaying their crowns. Snow fell from the fir trees. But below it was completely quiet, the wind did not at all disturb the bushes of the prickly briar, the healing eleutherococcus and other bushes pointing their bare branches at the sky. The dogs ran to the door of the dugout and began scratching at it, yelping softly. The hoarse bark of a dog came as a reply from inside.

Churinga was delighted to hear his brothers' voices, and in his excitement he was at a loss for words. But he got a grip

on himself, and running his hands through his disheveled hair, he shouted at his dog: “Get up, lazy-bones, go and meet the guests!”

The dog jumped up, wagging its tail, showing its master that it had not made a mistake, and forgotten to guard the dugout against people approaching it.

Kanchunga pushed the door. It wasn’t locked. Going into the dugout from the light, he couldn’t see anything in the darkness. He didn’t immediately see his brother lying on a bunk. But gradually his eyes grew accustomed to the dim light, and he saw Churinga trying to sit up on his bed.

“Aga*!” Kanchunga cried in alarm. “What’s wrong with you? What’s happened?”

“Aga, why are you lying on the bunk, why aren’t you hunting?” Daban asked, although he could see that something had happened to his brother.

“I’d be glad to get up, brothers, but I can’t – my legs won’t move.” He clenched his teeth in severe pain, and sweat covered his face.

Without any unnecessary questions, the brothers began to sit their brother up carefully, so he could be more comfortable on his bed, and they could examine his leg. They saw an unpleasant sight – one of his legs was swollen up, and there was a ragged, festering wound by the knee.

Daban lit the fire in the stove, and soon the kettle boiled. The dogs wagged their tails in expectation of food, looking at the men in devotion.

Placing their supplies on the table, the brothers ate, making sure their eldest brother was well fed. The dogs also got plenty of food, and they tried to rest by the brothers’ feet, but they were shoed outside with the words: “Don’t lie about here!”

Finally, Churinga was able to talk to his brothers. He decided to tell them what had happened to him while he was hunting,

especially as they were already disposed to listen to their eldest brothers. “I went to check the traps,” Churinga began. “Everything was fine, I had collected three sables, and was about to continue on my way. But suddenly, out of nowhere, a bear appeared in front of me. It was large and black, I even noticed its eyes: they were small and nasty! He got up on his hindlegs – he was taller than me. I looked up at him. I was terrified! I had never felt fear in my life before, but now I was afraid! My arms and legs shook, and my knees trembled. My strength disappeared, out of fear I lost my head. But I wanted to survive! I thought: if I don’t attack him, he’ll attack me. And from somewhere angry appeared in me. I thought – I’ll stab him with a knife! I didn’t even imagine that I’d encounter a beast on my path. And in winter, when he should be sleeping in his den! And so I wasn’t prepared for this encounter. I didn’t think that the bear had been waiting for me specially. As fate would have it, my dogs had run off somewhere, following the tracks of a moose. It all happened suddenly and swiftly.”

Churinga fell silent. For a while he sat silently on his bed, his face grimacing in pain and from the unpleasant memories. Kanchunga and Daban also kept silent, sympathizing with their brother. It was quite in the dugout, all that could be heard was the dogs running around outside.

Aga continued: “All I could do was to take my knife as a weapon, for my rifle had gone flying when I ran into the bear. Fortunately, the dogs came along, and they began attacking the bear from one side, then another, distracting him from me. The dogs really saved me! The bear, fighting off the dogs, tried to crush me in his arms and throw me on to the snow, but somehow I miraculously broke free from his deathly embrace, and I stabbed him in the belly with the knife. The beast roared with pain so the whole taiga could hear. His guts started spilling out, and he clutched them in a heap. But he still wounded me. I don’t remember how

long I lay in the snow, but it must have been for a long time, because my hair started freezing to the trampled snow. My head was sore, my arms and legs as well, and I saw my leg was bleeding, and my knee couldn't bend. And the bear was lying nearby. It was horrible to look at this picture. One of the dogs was savaged by the bear. Only one dog survived.

"I barely made it back to the dugout. I even crawled – I couldn't walk. It was particularly difficult to get past the fallen trees and the bushes. But what could I do? I couldn't freeze to death in the middle of the path! The dog ran ahead of me, stopped and waited, and looked at me with pity. I even thought I could see tears in its eyes. And they say animals don't cry! They're just like people, they also feel pity and think, they just can't speak." When Churinga stopped, the middle brother spoke up: "That's all right, aga, you did everything right, just like our father taught us. You didn't lose your head, but you fought against the bear. You kept your head, and so you won. Don't be upset! Be happy that it all ended well! It could have been worse! When we were approaching the dugout, it looked like no one was living there. We were quite worried! But I think now everything will be fine. We'll stay with you until you get better. Your wound will heal, and you'll go home on your own legs. Our relatives will probably wonder where we've got to. But we'll turn up healthy and unharmed."

"Yes, yes, unharmed," said Churinga. "The leg will take a long time to heal. And when we get home, we need to go straight to the shaman. He can cast a spell and tell the bear that I didn't want to kill him. We love him as our own, like a person, like a brother. He's just like us, only a person of the forest."

Kanchunga continued: "Yes, we'll come home, and we'll have a pile of valuable sables. They'll be happy at home! If we keep hunting like this, we'll finish the hunting season well. And we'll sell the hides – you'll see, we'll get rich! And we can choose

wives! How about you, Churinga, are you going to get married?!”

“That’s enough dreaming, brother. First help me to get back on my feet!”

But it was still clear that the eldest brother was happy with the way things had turned out. Churinga even forgot about his sore leg – he enjoyed talking to Kanchunga and Daban. “Where did you leave the bear hide, aga?” Daban asked, inappropriately.

“What hide are you talking about, Daban? Even if I were healthy, I still wouldn’t have taken it. The bear hide and everything else remained in the place where we had the fight. And there was nothing to take. An amba* got the bear.”

Churinga shook his head disapprovingly, but didn’t say anything more. But Daban, realizing his mistake, decided to atone for his guilt – he prepared some food, and set the table. Bread of bird cherry, dry-cured fish, small piece of dried moose meat – seeing them gave the hunters an appetite, and half an hour later there was nothing left of the food.

Before they knew it, it was evening. The stove crackled from the dry logs, and the flame merrily danced and made the small dugout cozy.

It was warm. Gradually the brothers began to fall asleep.

“I’m about to go to sleep,” said Churinga, stretching out on the bunk.

“Sleep, brother,” Kanchunga replied. “Daban and I will lie down too.”

Soon the brothers were sound asleep, with only the sounds of their snoring breaking the silence.

Suddenly Churinga sat up in bed, and said in excitement: “I know why the bear attacked me! Do you remember, last winter we found a dying mother bear? But she survived, as you can see, she didn’t die! The mother bear was badly wounded, but she survived! Yes, she survived! We didn’t see her remains, we didn’t see a torn hide. It all proves that this was the same animal.

So the bear wandered around, she didn't sleep in her burrow. She wanted to take revenge on her attacker, to kill him. And I crossed her path, so I suffered. The bear doesn't care who caused it pain. If a person crossed her path, that means he's guilty."

A few days passed while Kanchunga and Daban helped their elder brother. Thanks to their efforts, he began to recover. The wound in his leg began to heal. The swelling went down. Churinga developed a wonderful appetite. There was fortunately plenty of food. At the end of November he had slaughtered a large moose for meat. There was also enough grain, and dry-cured fish. There was no shortage of water – there was a spring which almost never froze. As for logs, they were all around, as many as you wanted. There was larch, birch and fir. But they had to wait for March, and then they could travel over the firm ice easily from the distant taiga to their home.

Kanchunga and Daban decided that they shouldn't leave their brother alone, and so one of them would stay there, and the other would go away for a while to check his traps for a while. Kanchunga stayed behind. And Daban went to his own pastures. The dog ran ahead, stopping from time to time to bark at squirrels that weren't afraid. Running after the animals, the dog ran quite a long way from his master. Its bark could be heard in the distance.

"Woof, woof," the dog's bark could be heard. But suddenly it fell silent. Well then, Daban thought, the dog will come back, it's silent because it's tired of barking for no reason. It's not with its master, so why bark for nothing? But then the bark repeated, this time with an angry sound. It's barking at a large animal, Daban thought. He hurried, quickly moving his skis to race to the animal. The hunter felt excitement – he didn't think that he didn't need a moose – there was enough food stored up from the autumn. For a while, the bark stopped, and then repeated with new force. It seemed that the dog was keeping a moose at bay.

There was a lot of snow, so the animal could not escape from its pursuers so easily.

Daban, wiping the sweat from his face, ran to the edge of the meadow, where the thick firs began. He could see the tracks of the moose here. They led into the forest grove, where it was much darker than in the open.

He heard the bark nearby, and saw the large animal. Judging from the antlers, it was a male. It stood strongly on long legs, and aggressively reacted to its pursuer. The moose shook its head, trying to frighten the dog, or to hit it with its antlers, raising its front legs to hit this tiresome enemy. But the dog was much nimbler, and ran away from the giant of the taiga.

Daban had no need for this moose – he had plenty of supplies of meat, and so after standing and admiring the huge animal, he loudly ordered his dog to leave the moose alone. The dog, barking and yelping in anger, stopped the useless fight with the possible prey, and unwillingly submitted to his master's will. The moose, looking at the dog in distrust, swiftly bounded away from its pursuers. For a while, the crunch of snow could be heard, and soon there was silence.

After going on for about 200 meters, the hunter found a bush. It was an eleutherococcus. Daban, removing the snow from the root of the bush, began to hack at the frozen ground with a knife, to root up the healing roots of the plant. He managed to take a few roots. Daban took them for his eldest brother, to speed up his recovery.

The brothers, noticing changes for the better in Churinga's health and mood, were hopeful that the hunting could continue successfully. Kanchunga and Daban both went hunting, no longer afraid to leave their eldest brother alone. The hunters managed to finish the hunting season with full bags of fine hides.

The eldest brother also thought about hunting in his grounds, dreaming of the first path after the encounter with the terrifying

beast that almost took his life. Churinga now left the dugout by himself, stretching his legs.

One day, as he went out of the hut, Churinga noticed the weather. There was going to be a snowstorm, he thought, it was time for his brothers to return from the hunt, before the path was covered with snow. Of course, he was concerned for his brothers, but he knew that they would not get lost in the taiga.

He spent the night in troubled dreams. All his thoughts were about his brothers – how were they, in the night, without warmth, perhaps even without a fire, in the snow? But by the morning the snowstorm died down, there was just the occasional snowfall. The hunting season was about to end, and they had decided to return home. But the snow upset all their plans – you couldn't ski with snow up to your knees, they would have to wait until it settled, and turned into packed snow.

The brothers came back to Churinga's hut at almost the same time. Kanchunga from his grounds, Daban from his. Both of them had sat out the snowstorm under uprooted old trees, and had cut logs for the night.

In his mind, Daban pictured meeting his brother: a warm hut awaited the brothers where the stove crackled merrily and moose meat boiled in the pot.

In fact, it was the way that Daban had imagined. They really were met by their brother, who had now recovered, a warm hut, and large pieces of boiled moose meat. The young hunter was very hungry! But here there was everything he could wish for – meat and slices of liver with bird cherry! A feast!

The hunting season ended – they hid the traps and the hide skins in a safe place, in a wooden hut on stilts, they carefully folded away the bedding of the reindeer and moose hides, the pillows and other things – until next winter.

It was time to go home. The March frost can hold the weight of a person and sleds loaded with hunters' gear. The dogs pull

the sleds, even without special effort, as they are used to pulling the cargo loaded on them.

Occasionally, when his leg became tired, and his body felt a dull pain, Churinga sat in the sled to rest for a while. Then Kanchunga and Daban helped the dogs. It was easier for the dogs to pull the load, but when they went down the hills the reins slackened, and the sled drivers had to put the harnesses in order.

For two days the hunters' return home continued, to their native camp. Fortunately, travelling over the hard frost was much easier than on loose snow. But the long road still exhausted both the men and the dogs. Despite their fatigue, the travelers continued to pass kilometer after kilometer, getting ever close to their home.

Finally, they saw the camp in the distance. The dogs, recognizing their home, began to run faster. The sleds, jumping on the snow mounds, squeaked, and made noises that were more like the groans of a sick person.

And here was their home camp! But what was this? There was no one to be seen. No dogs or people – there was no one in the empty lanes of the Nanai settlement, as if everything had come to a standstill. If the brothers had only known what awaited them at home...

AGBINDII ENDUU – THE BLACK POX

In early winter disaster came to the Nanai camp. The black disease agbindii enuu*, which spread to the people of Bolon either from the upper reaches of the Amur or elsewhere, struck down the Nani people indiscriminately, both young and old. It was as if a black cloud had hovered above the camp. Not even the elders could recall such a catastrophe.

Flocks of crows circled above the settlement of the Khedzeni*, striking terror into those few who remained alive. They realized that soon they would meet the same fate as the rest, who the fatal disease had taken before their time into the eternal kingdom of Buni*.

The hungry dogs, with no one to look after them, roamed the narrow lanes of the camp, like strays. Their awful howling could be heard from one end of the settlement to the other.

Several other voices joined these blood-curdling sounds, and far in the distance the terrible song of dogs that had gone wild was heard.

The Nani have a custom that a shaman must take part in joy or sorrow. No ritual can do without a shaman. Whether a person falls ill or a baby is born, the shaman is always there, prepared to serve people. Now, when the epidemic began, the shaman cast spells every day. Of course, he did not know and could not foresee the result of his spells, but he hoped that the spirits would help him to avert disaster from his people.

Everyone who was left alive gathered together, and the shaman came out with his tambourine, looked at the people in the dusk, shook his head and banged a stick on the tambourine. The sound of the stick on the tambourine sounds cautious at first, almost timid. The shaman began to hit harder and harder. The tambourine of the old shaman sounds out at night – he calls the spirit, communes with them, asks them to help his fellow villagers, and everyone who is in trouble. He makes unusual movements, almost bending down to the ground, or suddenly lifting up his arms. And he talks and talks. His speech sounds smooth and calm, like the waters of the Amur lapping at the shore, or suddenly unexpectedly loud, guttural noises burst from his throat, like the melody of a fierce wind in a storm.

When the shaman is casting spells, he always needs helpers from among the men. They don't do anything – they don't

beat the tambourine, they don't dance around like the shaman. Their task is different. The shaman carries out his mission, he communes with the spirits, and the men shout out encouraging words, and assert that the shaman is making the right contacts with the other world.

“Ge, ge, tede, tede, tede, tedemu!” the helpers shout while the shaman is at work. And his furious dance, and the harsh cries asking the spirits for mercy are an essential ritual in the shaman's magic. But this ritual, which took place in the still night of Bolon, was intended to stop agbindii ennu from taking people away into the kingdom of Buni, and also to give hope for a new life – without misery and epidemics.

But the agbindii ennu was so strong, so powerful, that the old shaman could not deal with it. He tried, he tried very hard – the spirits helped him, and tried to drive out the agbindii ennu, but the forces were not equal. And the spirits gave in this unequal battle, and told the shaman that he could not conquer the terrible disease.

The shaman was tired. Exhausted, among his fellow villagers, he fell to the ground. He didn't move. He had no energy left. For a long time, he lay motionless. The villagers looked silently at the shaman, waiting for him to recover. They knew that the shaman had travelled a long path, had communed with many spirits, and that he needed time to return. Finally the shaman twitched, and in a quiet voice asked for water. His hands shook, and his eyes seemed to look into emptiness...

“Go away from here,” said the shaman. “Pack your things and leave. No one will help you anymore. A devil has made his home here. And never come back – susu. If you disobey, you'll all die here.”

The people did not listen to the old shaman. They called another from a neighboring camp. Let him cast spells, they said.

Perhaps, they thought, their shaman was too old, and had lost his abilities to commune with otherworldly forces?

But the people of the lake were not helped by other shamans who came from nearby and distant camps of the enormous Mangun* region. The people died one by one from the black disease. And rarely the chimney of a tent released black smoke, informing the few people that in this dwelling life still went on somehow. The Khedzeni did not manage to bury all the friends and relatives, adults and children, who became victims of the agbindii enduu before their time. The evil disease was rife. Without the ancient burial rite, without songs of mourning, the weakened people silently buried the dead in kerens*. And everyone from among the living thought – who is next?

ENEKE AND THE OLD MAN

A mother not yet old, grey before her time, lost her husband at the end of the moon as she waited for her sons to return from the hunt in early spring. Like many of his fellow villagers, the man was taken away into the kingdom of Buni by the black disease. And now she humbly waited for her fate in the large home, not expecting a miracle.

As usual she got up early, long before sunrise. She fussed about in the dim light of the fat candle, which flickered with a lifeless flame. She moved dishes from one place to another, and thought about various things. Her thoughts were confused. He remembered herself as a young girl, or the wedding with her late husband, or the birth of their first child. What was his name? Yes, he was called Churinga, or was in Kanchunga? The poor woman couldn't remember the name of her first son. She simply

couldn't. And what was the youngest called? Daban? Yes, he was called Daban.

In her confusion, the woman took a duchenka* into her hands, and her hands, familiar with the musical instrument since childhood, began to draw out a strange melody with the bow. She spoke meaningless words. Her song makes people afraid. But the mother doesn't understand this.

"A-a-a-o-o-u-u," her bitter sobbing in the lonely house resounds long and harshly.

"O-o-o-o-a-a-o," the sobbing makes a terrible echo, turning into the hysterical cries of another woman somewhere at the other end of the camp.

And the cacophony of the terrible noises continues long into the night. Far away in the Sikhote-Alin mountains, the reply of wild dogs and women mad with grief can be heard.

Gradually the fires of the native hearths go out in one house after another. This meant that the owners had left their dwellings.

The weak old man stayed alone for a long time. He had buried his wife 20 years ago. One son had died while hunting, another was taken away by the accursed illness, which had long since taken his grandsons and great-grandsons into the kingdom of the dead. He sat in the empty house and talked to the spirits: "Why didn't you take me into the kingdom of Buni? I have lived enough on this earth, and now, in my old age, I am completely alone. I don't want to live – it is unjust that I, an old man, am alive, but my children are not. I have no grandson or great-grandsons, no one to continue the line. Who needs my life? Who, if there is no one to help me? Tell me, kind spirits, when will this terrible disease go away, and the fires will burn once more in our home hearths?"

The March sun rose above the camp. Its fiery arrows shot through the edges of the hills, and flew further – beyond the horizon. It was quite cold. Not even half of the inhabitants of

the camp remained, apart from the weak old man. He decided to wait, if he survived, for those who were supposed to come back to the camp from hunting in the spring frosts.

People were dying in the camp. Old men, children, women, young people departed for the other world before their time. One day after another passed, and things did not better. The plague continued in the camp. Very few healthy people were left. They gathered in the old man's house to decide what they should do.

The old man, who had not been touched by the terrible disease, was the first to begin: "I have lived enough on this earth. And I don't want our people today. All healthy people capable of moving should leave the native land. Only in this way can we escape the black disease."

The old man coughed terribly, and in the breaks between his attacks he breathed heavily. Finally, he managed to say: "Evidently, for some reason our spirits are angry with us. Otherwise, the disaster would not have happened. If someone thinks otherwise, then speak."

"That's right, dai ama, that's what we think too," the people said.

"But where can we go in the winter? Where are people waiting for us? Who's waiting?" another old man asked bitterly.

"This is not the time to argue," the old man said. "Go, take everything you need with you."

The frost, despite the March thaw, got even stronger at night. The houses abandoned by their owners were cold and uncomfortable. And there was no one to keep the fires burning. In the empty houses, there was no sound of children's voices, old people grumbling, or people's steps. Everything had come to a standstill. Only the terrible howl of dogs froze the blood of the people left alive. The joy had long departed from their hearts. People only took the most essential possessions and food with them on their journey.

The old people told the young that their distant ancestors had once been nomads, like other Tungus-Manchurian peoples. But many hundreds and hundreds of years ago, their ancestors had gained a true homeland on the Amur. And since that long-distant time, the Khedzeni people had become settled, and had not wandered from place to place. In summer, they used boats and dugouts, in winter they used dog sleds as transportation. And now that the epidemic had forced the settled inhabitants of Bolon to leave their place of permanent residence, they also used dogs harnessed to sleds.

FAREWELL TO BOLON

As he approached his home, Churinga hurried, feeling that something was wrong. But in the cold house he did not find his mother, father or anyone living, who could have met the hunters and explain what had happened in the camp?

The brothers, realizing that something terrible that happened, went into every house in turn. But everywhere they saw the same thing – fireplaces that had gone out and empty bunks. Finally they found a house with someone living in it. As they entered the house, the brothers saw an old man lying on a bunk. There was no one else in the house.

“Dai ama,” Churinga said quietly, addressing the old man. “Where are the people? What happened in the camp?”

“Is that you, Churinga?” the old man answered the question with a question, barely audibly. “Come to me, but don’t get close. There is no one left alive in the camp. They’ve all been taken away by a terribly disease. It didn’t spare anyone.”

“What about our mother and father, where are they, are they alive?” Daban asked, his voice becoming a shout.

“The disease spared no one. Those who survived left this place. Your mother and father stayed here.”

The old man fell silent, breathing heavily. He evidently lacked air. He tried he say something more, but his weakened body would not let him – he was dying.

The old man closed his eyes. It looked as though he were simply falling asleep. His face was calm, only his pointed nose and sunken eyes betrayed that he was a very sick man close to death.

“Leave here and don’t ever come back. This place where our camp stands is now a cursed place – susu*. And I’m dying. I’m probably the last of the living,” the old man whispered.

“What will we do?” Kanchunga asked. “We need to do keren,” Churinga replied.

“And as quickly as we can, we must leave the camp that is inhabited by an evil power,” said Daban.

Night was approaching. They had to find somewhere to sleep. They decided to sleep in their parents’ home. They lit the stove, and soon warmth filled the house. None of the brothers touched any food, they all silently lay on their bunks as they were, fully dressed, and tried to fall asleep. But the terrible news would not give them peace, and this night seemed very long to the brothers, as if time had stretched on eternally. The sun had not yet appeared on the horizon, and the brothers were already on their feet. They packed their belonging in their bags, not forgetting pots, axes, some dishes and food. They put all the home utensils on a stretched, and harnessing the dogs, set off on their last journey from their native camp. But first they had to bury the old man, and they stayed in the camp to fulfill the duty, and see a respected man off on his last journey.

After seeing off the old man into the kingdom of Buni, the brothers set off into the unknown, leaving their native region, where they were born, grew up, and became hunters and

fishermen. Here, in this fertile land of their little homeland, they said goodbye to their parents and fellow villagers who had left for another world, but with the thoughts and hopes that one day they would return here, to their home camp.

In the distance, behind the snowy cape where they had often laid nets, and caught fat carp and weighty crucians, their camp vanished. Their native camp! Each brother felt that he had not just lost his little homeland, but a part of himself.

The snow crunched underfoot, and it was easy to ski. The brothers only stopped occasionally for a brief break, to let the dogs rest, and see if they had any cuts on their paws, for the frozen ground could easily injure their feet, and then they would have problems with transport. And they had to eat themselves. Kilometer after kilometer the brothers travelled until they reached the neighboring camp where they found shelter for a time. They were received as welcome guests. They were served meat, fish and tea, as much as their hearts desired. They were not asked any awkward questions, as the villagers had learnt the sad news from the local shaman.

But the brothers did not abuse the hospitality, and decided to set off again after a day or two. But where? They didn't know themselves, where fate would take them. But for some reason, they were lured by Mangbo*, where they wanted to settle down.

The travelers passed along the tributaries of Kharpi, Simmi, and along the Siya tributary they finally reached Mangbo. On the way, they stayed the night in places where there was a lot of dry osier. Without tents, under the open sky they whiled away the nights by the blazing fire. They cooked rarely, mainly drinking tea. The hot drink kept up the travelers' spirits, but did not give them strength. They wanted to eat something delicious, for example moose meat, or fish boiled or baked on the fire, but the camping conditions did not allow them to fulfill their desire.

Seeing that Churinga found movement difficult because of his sore leg, Kanchunga and Daban took care of him – they didn't let their eldest brother carry anything, or even pick up anything heavy. Initially, Churinga resisted, and tried to exercise his rights as the eldest brother, so that his words were the last and deciding ones, but he gave in, and let his brothers do what he would have done himself if one of his brothers had been injured or ill.

Kanchunga, seeing Churinga frown in pain, asked him: "Perhaps, aga, we should stop for a day or two, so you can rest a little?" The question was quite well-considered and not spontaneous, and he knew that they would do what his eldest brother decided.

"No, we'll keep going, don't you understand that soon the snow will start to melt, and the water will only rise? Then we'll certainly have to make a stop in an awkward spot, perhaps until the ice flow on the river ends. And then what? We don't have a boat. And our supplies will run out soon. We don't have nets either, so we won't catch fish, and there's only one option – to keep going. So we have to move, only stopping for brief rests, to recover and eat, and spend the night somewhere."

"Yes, aga," said Daban. "We have to keep going!"

"Never mind about me! If we have to, then we have to," Kanchunga said quietly. He didn't expect any other answer, and only asked the question as a formality, to know for certain what they had to do, not only to get far away from the dangerous place that their native camp had become, but also to find a new place to live. Kanchunga approved of his brother's decision, and thought to himself that his brother was always right.

Now they came to the Jongme camp. It was the last settlement that the brothers knew, and they had visited it occasionally. They had acquaintances here who could give them shelter

for a short time. Perhaps for a day or two, but not more than that. The fellow tribespeople received the migrants warmly, sympathized with them and gave them dishes to honor the dear guests. The brothers decided that it was time to get moving. The dogs' paws had healed, and the villagers gave them provisions and some warm clothes, and one of the inhabitants of Jongme gave the brothers a net made of nettles. They said goodbye, and prepared to set off. But they were unexpectedly delayed: a Manchurian trader had arrived in Jongme, and the brothers had plenty of furs. They showed the trader some of their goods, and the trader showed them what he had. They began bargaining. The trader haggled over the price, but the brothers refused to back down – they knew what their goods cost. This wasn't the first time they had bargained with traders. The Manchurian, realizing that he wasn't dealing with novices, offered a realistic price. This satisfied the brothers, and they exchanged their fine furs for the goods they needed at an advantageous rate. The trader also seemed satisfied with the quality of the furs and the outcome of the bargaining. Although he pursed his lips and tried to look as though the exchange had been disadvantageous for him. He got out a notebook and began writing something in Chinese characters. Sometimes, forgetting himself, he smiled cunningly, and even rubbed his hands, evidently calculating his profit. The brothers no longer cared about the trader, the most important thing was that they had exchanged some of their furs for the goods they needed. And this had come at the right moment.

KARGI CAMP

The journey continued. Day after day the brother travelled along the river towards the Lower Amur. The weather was getting noticeably warmer, and the dogs found it difficult to pull the sleds, so they travelled in the early morning and in the evening, when there was a frost. But there were dangers here – the dogs could injure their paws on the ice or the frost covered with icy needles. Their owners took care of them, treating even their mildest injuries, although the dogs coped with this quite well themselves. They licked their wounds.

Gradually, the brothers approached the Kargi camp, almost on the border with the lands where the Ulchi live, who speak a language very similar to Nanai. The snow was loose, and it was very difficult to travel, even in the early morning and late evening. During the day they saw eagles and hawks, birds that herald an early spring. It would seem that food for them at this time would be a problem. But no, the first openings in the ice appeared, where the birds could catch fish. The banks of the Amur were becoming free of ice.

It was no longer possible to travel down the Amur, either on foot or on skies, and there was no great need to risk their lives for the sake of the unknown. The brothers decided to wait for the ice to break in the camp of Kargi, and then... Then they'd see!

“How beautiful it is here! The river is so wide, and the hills! Look at how high they are! And the taiga is all around us!” Daban said in wonderment.

“Yes, this really is a beautiful place!” Churinga said reservedly. “Are you thinking about staying here, Daban?”

“I wouldn't mind! Why not?”

“What about our dream of seeing new places?” Kanchunga asked. “If we stay here, it will be for good.”

Meanwhile, spring had come. April was warm. The sun no longer hurried behind the horizon as it did in winter, and spring did not delay, but swiftly occupied its domains, melting the snow with bright and warm rays of sun and awakening nature after the long winter sleep.

The brothers found a good place to stay – a lonely old man lived at the edge of the camp. It was rather cramped in his hut, but they could all find a place to sleep on the wide bunks. The old man evidently used to have a family, but it is not the custom for the Nanai to ask where they were. If the man wanted to tell them, he would reveal his secret to stranger without being asked. It was good that the old Kargi man had given the men shelter.

“Well then, guys,” he said to the brothers. “Are you going to settle here, or will you go further? What do you think?”

“We think we’ll go down to the lower reaches of the Amur, they say that the Nanisel also live there. We’ll see, perhaps we’ll settle somewhere there. There’s no returning to our home by the lake, to our camp – it’s susu.”

“Then you need to make an ogda* boat, and a large one – for the three of you and your belongings – will you take your dogs with you?”

“Of course!” Daban exclaimed loudly. Churinga looked at his brother in rebuke, but did not say anything. Kanchunga was also silent. Realizing that he had been tactless to the old man, Daban explained sheepishly: “Yes, mapa*, we’ll take our dogs with us. Where could we go without them? They’ll go with us to the taiga, and to the meadows, everywhere!”

“Tell us, dai ama, we want to make an ogda, where can we find logs?”

“In the taiga, where else, look for cedar trees. Cut down two or three of them, that will give you plenty of logs. It will

be enough even for the largest boat. You know what to make oars and oarlocks from. It's not for me to teach you." "Of course, we'll make the oarlocks from larch," said Kanchunga. "We need to find one with strong branches. And so we'll have oarlocks. And we can make oars from fir, or from cedar. But oars made of fir will be stronger."

"That's right, my boy! So go and do it! What are you waiting for? I'll tell you where you can find the trees. Don't go far into the forest. Find trees closer to the shore – you won't have to drag them so far."

Inspired by the old man's advice, the brothers took their axes and went into the forest. Soon they found a suitable cedar. Other fine trees were growing next to it. With branched crowns, the gigantic trees stretched up into the sky. They were quite splendid! But as the eldest, Churinga performed a ritual before cutting down the tree.

"I will cause you pain, but this is something we must do, my brothers and I have to make a boat to find happiness in other places. Forgive us!"

The axes started chopping, and soon the brothers had felled three cedars with even trunks, which would be wonderfully suitable for boats. The brothers, carefully cutting off the branches, began to skin the bark off the trees. The preparatory work took a couple of days, and then came the interesting part, which also required great skill – to cut the tree so that they had even boards. The work was very difficult! But it was necessary and interesting, because anyone can swing an axe, but not everyone is capable of making boards out of a newly felled tree.

When they had finished preparing the boards, Churinga invited the old man into the forest to examine and assess their work. The old man walked with difficulty, but puffing and resting after every 10 meters he walked, he eventually reached the

clearing. He examined each board, and gave his approval of the brothers' work.

“Not bad at all! Now you'll have to carry all these boards to the shore!”

“Why to the shore?” Daban asked.

“Do you want to make the boat here, far from the shore? And then drag it on your backs?”

“Of course not, dai mapa,” said Churinga. “My brother was joking. Of course we'll carry the boards closer to the water. We'll make the boat there.”

The old man glanced at Daban and shook his head, but didn't say anything more. The brothers sized up the boards, and putting them on their shoulders, carried them to the river. The old man barely kept up with them, still puffing and resting from time to time from weariness.

The brothers had never made a flat-bottomed boat before, and here they had to do everything themselves. The old man helped them with his advice, of course. They really needed it!

“Carve that, bend this, careful, careful!” they constantly heard the old man saying.

“You've thought of everything, guys, but you forgot about the knee timber. How are you going to strengthen the boards? You need to make them from birch. It's more solid, it doesn't crack like larch or fir. Go into the forest and find some birches, not straight but crooked, with a bend, they'll be suitable for the boat frame. Is that all clear?” the old man asked.

“Mapa, with you we'll make a boat that will race across the waves all by itself!” Kanchunga exclaimed.

The old man, not used to compliments like this, frowned as if he had a toothache, but didn't say anything in reply. And so, as they talked, construction of the sturdy ogda continued. Other people from the Kargi camp also came up and tried to help the brothers. They told them how to bend the boards, how to

carve the knee timber so that the boat would glide along the water, and most importantly was firm and reliable, and wouldn't leak.

Finally the big day arrived – the boat was ready! For Churinga, Kanchunga and Daban, it was an event. They were happy as children, and thanked the people of the camp for their help. Daban even hugged the old man in his enthusiasm, who had taken them in and treated them like relatives and welcome guests. The brothers looked at their creation and couldn't get enough of it. The boat was long and wide, it was a real beauty!

The ice was receding from the Amur every day, and the banks were getting wider. The ice rose considerably from the water, and on the wide banks, Amur fish splashed about. The current became stronger. How long they had waited for this moment! They really missed fresh fish, and the men set nets by the banks, and caught crucians, carp, catfish and pike. There were also plenty of other white fish. Pike was especially valued. At this time of year it was getting ready to spawn roe. Salted, fresh roe was a real delicacy!

Ducks, alone and in large flocks, flew over the expanses of the Amur, not afraid of people at all, and landed on the water right by the camp, teasing the kids and the hunting dogs.

In mid-April, the ice on the Amur began to shift. It rose up, and with one piece of ice crawling on top of another, sighed, groaned, and broke into small pieces. The river roared, the ducks flew about, and people stood on the bank, watching the spring ice floe. They were watching an enchanting picture of natural renewal. By the evening the ice had stopped, everything fell silent, and the river seemed to have calmed down in expectation of the ice drift.

It was significantly warmer the next day, and the ice began to move. First it was timid, but gradually the ice drift began in full

force. No power in the world could compete with this untamed energy! The ice drifted down the Amur in a huge mass, slowly breaking up into small pieces. There was noise all around, which did not stop for days.

The next day, the Amur was completely freed from ice. But occasional pieces of ice still flowed down the river for a long time, which broke up into sharp, fragile crystals and dissolved in the cold waters of the Amur.

“Well then, brothers,” said Churinga. “We’ll wait for another day or two, and then we’ll take to the water and follow the ice. We’ll go down the Amur, and there, beyond Bolba, the Nanisel also live. They call themselves the Nani, like we do. We speak the same language as them, just a different dialect. But we understand each other perfectly well.

“You’re the eldest, aga, it will be the way you say. We’ll follow you!”

“We’re agreed then! Now, while we have some spare time, let’s help the old man. We can chop some logs for him, by the edge of the forest there’s lots of dead trees. It won’t be much trouble for us to chop them down?”

“That’s right, aga,” Kanchunga said.

“Of course, it won’t be any trouble!” said Daban.

The brothers spent a few days chopping logs for the old man. He was deeply moved, and thanked the brothers by giving them the puppy of an Amur husky.

“Look after the puppy, it will be a good helper! And thank you! If you pass by these parts again, don’t forget the old man!”

Лонгортова Зинаида Викторовна

Хантыйский язык
(шурышкарский диалект)

ИМИ ХИДЫ ПА ХУДАМ МЕҢК ИКИ

Ими Хиды лэңки ул. Имел ими пидн удлатан. Ий молты хатда йил, имел ими педа ястал:

– Наң утлап юх уямдан эдты манэм нёл вера, юхал вера.
– Вердэм ки вердэм, похие! Ёшен нёр, курэн нёр, хот шанш пелка, унтэң пелка ад мана. Ов едпенан хухатдыя.

Ими Хиды вой ведты яңхал, кашаң хатл вой тул. Ий молты хатадан нумасыял: «Амуя па хот шанш пелак унта ант эсалдаям?». Имел ими ёдан ронтал кумн хот шанш унта хухадал.

Ими Хиды лэңки хот шанш унта хухадал, щиңанща. Манас, манас, щёл хота этас. Щёл хота ёхтас, ёхи доңас. Меңк ими лыпиян омасал.

– Хидые, – аматман ястал, – похлэңкиен ёхатсаям. – Мет ям, – ястал, – юх туты, йиңк туты пох щи манэм мосал, – ястал. – Шахашак, акен ики ёхатал па наң ёхи щи лэдаян, па ма наңен холта ид ханятлэм?

– Я, щи, яна щи, таңха, лэдаям. Па лэдаям ки, щи лэдаям, холта мандам.

Имел ими осам хир шанша щи доңемас. Еша ус, меңк акел ики щи ёхтас.

– Хэй, ими, хотэн сэматал-палатал, – ястал, – щи похлэңкиен манэм мийдыи, – ястал, – ма лувел ёхи лавемалэм.

– Ийлап-аслап, – имед ястал, – похлэнқиём наңен муй щирн малэм? Ма пирщамасаям, манэм юх алэматы мосал, йиңк туты мосал, ант малэм, – ястал.

– Я, антом ки, таи, таи.

Я, олдат. Халэвта йис, нох килдат.

– Ими, – ястал, – унтыты мандам, похлэнқен манэм мийдыи, ма лувел унта тутдылэм, вой велты яңхламан.

– Наң, – имед ястал, – сора-сора дэты ураңан унта вохлэн, наң, – ястал, – кашаң хоят моцатдан па унта тулдан, ёхи дэлдан. Ант малэм.

– Ант дэлэм, ант дэлэм, наңен ки шеңк такан мосал, ант дэлэм.

– Я, малэм ки малэм, похлэнқем манэм мосал, ёхи ал дэви похлэнқем. Манэм юх алты мосал, йиңк туты мосал.

Я, ин отңан дэщатыстан, дэлтассатан, пут муйн вустан, мандатан. Лапат сурң ун патар ох пут ай ухда омассалдан, дэтот кавартты. Мантан сахат, (лув, ванты, ий охпи меңк ики), ий юш ёхар элты па кат охпи меңк ики этас. Кат ху инщасдалды:

– Холта мандатан?

– Унтыты мандаман.

– Унтыты мандатан кат хуйн, манэм па вуядн. Худам ху яха мандув.

– Па наң яңха.

Худам ху яха мандат, яха шушлат. Я, мандат, мандат, ий юш ёхар элты худам охпи меңк ики этас.

– Худам ху, холта манлаты?

– Муң, – ястадат, – унтыты яңхлув.

– Унтыты манлаты, я, манэм ищи вуядан. Яха яңхты каш.

Щиты щи яха мандат, унтыты яха шушлат.

Унта ёхатдат, щещ хот вердат. Ястадат:

– Я, хилдые, муй наң унта мандан, вой холща вудан? Я, хашилдыя. Муң ёхаттэв унты, дэпас хот вера, юх сэвра, йиңк долта там путэнан. Муң щаха, унтан шушидыты ёх, нядамлув сордаят, йиңк йиншты ланхалаюв.

Ими Хилы щи хащал. Юх сэврас, сэврас, тутл щи алдылды. Ин лапат сурң палаң ун путл донщан понтсалды, нох тахар-тсалды. Тутл век ант вуциял. Нумасыял: «Меңк икилам мутра, таңха». Нохлы аңкартал, пут дойты аңкадан нёхас навратлыял. Кары сох посңалад яха нэраплады, ин нёхас ил раканал, войл хира пондалды. Холт ил ханятдалды, донща понтсалды. Тутл вущилал, донщи путл нох тахардалды. Ий охпи меңк ики тата йил. Йиңки пут кат палад элты катлапсалды па ход сухтасды, ёхи йинщемасды.

– Хэй! Еша йиншсам, тармас. Ин, – ястал, – хилдые, сохдаң сот хот нумпия, кураң сот хот нумпия ай шукиен хашас, волды юраңа ювмен. Хонэм морт щи уятмен, йиңкен додамал.

Войдал, нёхасдал хорлат. Тумеңалад па ёхатсатан. Войдал хорлат, ун путэд тэдые нёхийн молдэл, нёхас войн. Пут каварал, етшал, няд ан хонлат.

– Я, хилдые, – ясталад, – каслув, маты ёхлув анал одна ходал. Хой па ёхи хащал, щи хуев ёхи дэлэв, ёхи йиншдэв.

Нёхи анан хонда. Холта тулды щи доват ун нёхи ан? Акидал сэм ронты кумн тыел-тохел донща тэвалдалды, ёвалдалды.

– Акем икет, ма етшасам, анэм холас, нёхилам холыена дэслам.

– Хэй, юраңа щи ювмен, – ясталад.

Ил олдат.

Алансахата йил. Кимет хатла йил. Ясталад:

– Наң па хашилдыя, муң щи вой тэдые велдув. Куш кепа юх сэвра, йиңк муйн долта.

Па манлат. Лув па юх сэварал, сэварал. Тутл алдалды, век ант вуциял: «Идампа, кутап меңк акем ики мутра».

Нох аңкармал, нумн пут дойты аңкадан, юх тайн, нёхас вой навратдыял. Кары сох поснадал яха нэрдалды, ин нёхас вой дарыман ил раканал. Хира пондалды. Ин кутлап акаял, кат охпи меңк икел ешавул тэрмадаман тата щи йил. Путл катлапдалды па ёхи сухталды, хол йинщемалды.

– Хонэм морт, хилые, щи уятмен, сохдаң шош сох нумпия, кураң шош сох нумпия щи ювмен.

Ешавул холдыена щи ёхатлат, антапдал нёхас войн катхулам пуш керытмел. Нёхасдал, войдал хорлат, па ун пут каварлат. Па няд ан хондат.

– Хилые, каслув. Маты ёхлув ёхи хащлат, ёхи дэлэв-йинщдэв.

Акидал сэм ронты кумн, нёхи пулдал донща тэвалдалды, донща ёвалдалды.

– Акем икет, я, ма анэм ходас.

– Юраңа щи ювмен.

Па ил олдат.

Халэвта йил. Худмет хатда йис. Акайдал па унта мандат.

– Наң па хащилдыя, – ястатат, – хилые, ёдан. Муң щи, – ястатат, – вой тэдые велдув. Тут юх сэвра, донщ долта. Шушидытэв элты нядамлув сорлат, йиңк йинщты такан даңхалаюв.

Щалта па юх сэварал, путл лощн тэдые пондалды. Тут адал. Алдалды, алдалды, анты вущилал. Нохлы аңкармал, нумн па нёхас навратдыял, худмет акел ики мутра. Кары сох посдал па яха нэрдалды, нёсэмалды, нёхас войл ил раканал. Хира пондалды, ил ханятдалды. Тутл алдалды, йиңкал додал. Хулам охпи акел ики тата щи йил. Додам донщи путл машьяйн катлапдалды, алэмалды па йинщал-йинщал, иса ёхи йинщемалды, хонл тарамла. Ястал:

– Хонэм морт, волды юраңа ювмен, сохдаң шош сох нумпи, кураң шош сох нумпи щи питдан-там питдан.

Нёхасдал, войдал хорлат, пут кавартлат. Па няд ана хондат.

– Я, лэлув, каслув, – худам охпи меңк ики ястал, – касман лэлув, маты ёх ёхи хащад – ёхи лэлэв.

Акед икет сэм ронты кумн хилые нёхилад тыед-тохел донща тэвалдалды, ёвалдалды. Нёхилад холасат.

– Акем икет, анэм ходас.

– Волды, – ясталат, – юраңа ши ювмен.

Андад тэрмадман тарапталдад па ид олдат.

Алансахат ясталат:

– Я, мета, тарамал, ёхи мандув. Мета ши велпасдасув.

Ай ухалдад нёхас вой сохн тэд тэвалдалдад. Лув нёхилад донщ элты нох вусды па ухда лэйтсалды.

Худам охпи меңк ики лув юш ёхарала ёхтас. Ястал:

– Хилые, ма хащдам. Акидан хоща яңхам муен ёдн потартыдан, ма нёхасдам, войдам мойлапсая ёхи тувалан ин имен ими хоща. Акидан хоща яңхсан, ёхи ёхатдан, муен потартдан. Сот нёхас миймаң соха ат ётдайн, сот нёхас миймаң хура ат ётдайн. Тухалдад щаха хота эңхам мила ат ётдайн, санк хот охаң худа ат ётдайн.

Яна ши, ин икен хащад. Па елды шушдат.

Кутлап юшн кат охпи меңк ики юш ёхартта ёхатдат, ин икен па хащас.

– Хилые, – ястал, – елды тувалан нёхилан, войдан, нёхасдан. (Лэты куш тутдысэд похлэңкие, ант лэсэд). Шаха имаен ими хоща ёхатдан, сот нёхас миймаң педа ат ётдайн, сот нёхас миймаң хура ат ётдайн. Кимет отлад эңхам охан мила ат вердайн, келаш хотан охан хура ат ётдайн. Акидан хоща яңхмен, щитат элты куш кепа потартыдан.

Щиңанща, па мандатан. Ий охпи меңк ики акед хота ёхатдатан.

– Хилые, – ястал, – антом ки, ай ухлэн талана туви, акидан хоща яңхам муен потартыдан. Ин имен лавдасад. Ай ухлэн нёхасдан, войдан тувалан. – Па ястал, – сот нёхас миймаң хура ат ётдайн, сот нёхас миймаң соха ат ётдайн.

Манас, манас, ай ухдал ил тахармас, век ант шитал: «Там монщем ант лутгалэм ки, елды тулэм ки, ин акидам, идампа, сот мутра. Ай ухлэм ант ки шитлэм, тата ши дэдаям. Ай ухлэм пудн торн кинща кена ат йил, варс кинща кена ат йил. Акидам мутрайт». Ин ай ухал нэхталды, торн кинща кена йил. Хухалман манал. Ши манал, ши манал, па ши ил ханамтас. Век ант шитлалды ай ухдал. Акидал сот мутра па ши ёхтас: «Монщем патэл унты ки тулэм, ухлэм торн кинща кена ат йил, варс кинща кена ат йил». Я, шалта ай ухал нох сохнамтал. Елды хухалман манал. Манал, манал, ай ухдал хулмет па тахрамтас. Ин ай ухдал век ант шитал, ант нэхал. Ин меңк акидал мутра па ши ёхтас: «Монщем ки патэл унты тулэм, ай ухлэм торн кинща кена ат йил, ай ухлэм варс кинща кена ат йил». Ай ухдал ел сохнамтас, ел хатэмас. Ин Ими Хилы па ел хухалал. Ёхи ёхатал, имел имийн ёдан век уштам. Холдатад элты сэмлы хащ ант хащас.

– Холта яңхсан-я, похие?

– Ма меңк акидам хоща яңхсам, тэдые мойлапсайн масаям, – ай ухал имаяла айдыял.

– Похлэңкие! Ма нанен тохи ант ши эслысэм, муя тохи мантсан? Ши меңк икетан наң ащилан-яйдан ши дэсаят, – ястал.

Ши. Ин там унты, таңха, Ими Хилы имел ими пилн ул.

ИМИ ХИЛЫ ПА МЕҢК ИКИ

Ими Хилы ул, имел ими пилан. Имел ими ястыйл: «Похие, хот шанша ал яңха, ов елпийн шушилдыя». Нумасыйл: «Амуя ант эсалдаям имем имийн хот шанша?» Ов елпийн манас, шанша, хот шанш педа дарэмас. Еша манас – унт хор калтам сэма питас. Кашаласды, ёлта нюхалдалды.

Хув-ван тусды, тусды. Ньюрам манас, кал манас, элты ёхат-салды. Нёдал юватсалды – унт хор ракнас. Туп унт хорада тохи ши ёхтас, хорты ши вутчисды, шанш пелакан... акел ики:

– Хилдые, хоты йисан, ма велты вутчийм воем...

– Вой муй ши? – ястал. – Мосал-ки, вуи!

– Муй-муй, хилдые, ликашдан, ал няхилдысам, – ястыйл, – тута ши ун наңк, воеман тохи тулэман, тута хорлэман. Катра йиен-акен порыдыты хар тайсув, ши тулэман, щита хорлэман.

– Вантсэм хун, – ястыйл.

– Хорэн алты, – акел икийн партла.

– Йиен-акен хор алтам ху, наң алты, ма холща алтлэм.

Акел икийн хорал лаңкра ши вошкаса. Тохи ёхатсатан.

– Я, хилдые, хорэн хоры.

– Йиен-акен хор хорты ху, наң хоры.

Акел ики ши, щиканща, хорсащты лойс. Хорал хорас.

– Хилдые, тутэн алы.

– Вантсэм хун, муй щиран алтыя, наң алы, йиен-акен тут алдыйм ху, – ястыйл.

Акел ики тут алты ши питшас. Тут алты харадан тут карты кедал ил лутталды, холт ушталды. Ши дарыйл, ши вантыйл. Ши кут карты кедал хилдыедан лума сухтыла.

Акел ики хорал нёхел эватдысды, йи пелкал няр нёхия, йи пелкал пута сэвартсалды, молтсалды.

– Хилдые, йиен-акен анан омпсалан.

– Йиен-акен ан охан наң омпсалан.

Ин акел ики анңалад омассалды. Путан молсалан.

– Тамхарэман, хилдые, щимащверудлийл, – ястыйл, – маты хуеман оңа питал, ёхи хащты хуеман ил ярлалды ун наңкева.

Ими Хилды вантыйл: ун наңк пуңалан хада довт олдат. Ими Хилды иса машья, вантал, худатал. Андын вустан, кат ху

щи лэты питсатан, кат шашан омаслатан. Акел ики шанш тахайншак Ими Хилы йи пул лавемал – юватал, йи пул эватмал – вошқал. Акел ики щи шаңқашал, няр нёхи дэл. Вантдалды, акел ики анадан нёха холна ул:

– Акем ики, ма етшасам.

– Пар сора, хилые, ма холна дэвмем антом.

– Ин наңен ярлэм, сора, ярлэм.

– Муй-муй, путэман холна хун хонтсэман, щаха, – ястал.

Щиты путан каврас.

– Хилые, путэн хоны.

– Йиен-акен пут хонам ху, наң хоны, ма вантсэм хун.

Акел ики пут хонал, кат ана хонтсаллы икеман.

– Андан вуялан.

– Йиен-акен ан вуйм ху, наң вуялан, ма вантсэм хун, хоты ан вуилыда емаң харан.

Акел икийн пут нёхел кат щира лэты щи омассатан. Ищиты Ими Хилы йи пул менэмал – юватал, йи пул порэмал – вошқал. Вантдалды, акел ики холна ям арат кем хащас:

– Акем ики, ма етшасам.

– Пар муй сора, ма холна етшамем антом. Па муй-муй, хилые, одаңан айшак хоят ярда, ун хоят, хоты, холта...

Ими Хилы щи худатал. Акел икийн, муй торан кел, муй вошам кел вуйтас, щи яrsa.

– Я, хилые, нёхла.

Еша нёхдал – ант шитал.

– Туңа щира нёхла, муй там уйм наңкен ат нёхилдыл.

Па нёхлас – па ант шитал.

– Муй-муй, хилые, туңа щира нёхла, манэм нях ясаң манал щаха. Муң ай порайн нёхдытэван, наңк вошийл.

Худмет нёхлас – келат холт тохнопсат.

– Акем ики, па наң дойдылан-ки, щи, – ястыйл, – ма верэм щи етшас.

Акед ики, артадаман, хонаң патал элты ши ёварсалды, муйкем келшуп вуйтас, карты кедан лоп хонаң паты элты томантсалды, тут карты кедалан.

– Я, акем ики, нёхла.

Акед ики нёхдас, хотащ даварт хорпи, ант шитал.

– Йи пуш па нёхла.

Ин уйм наңк, турма хойм ун наңк еша-а вошилдыйл, нёхилдыйл.

– Муй-муй, акем ики, туңа щира нёхла.

Щалта хоты ликащман ши нёхомтас. Ин уйм наңк ики, дойм тахаялан, вошийл, дэрат тэдан хащ хопидал.

Ими Хилы тохишак хатас:

– Я ши, акем ики, улмен хуват апардысан, – ястыйл, – доя, охен там наңк похалан дор халэва, ас халэва ат вотла.

Акед ики ши ешащал, дув вантман, ши ешащал. Ими Хилы нёхидал актас, ин ёвлам отдал, хохна (молщан пона) понапсалды, ёхи манас: «Хаща, доя йи пуша».

Ёхи ёхатмалан имел ими олмал.

– Имем ими, ма ёхатсам.

– Пар хув, похие, яңхсан.

– Хот шанш педа яңхсам, унт хор ведсам, акем икийн порыдыты тутдисайм, вусэм па дувел ил ярсэм.

– Тё-тё, – ястал, – наң па хоты йисан, акен ики ил холты ярсэн?! Йиен-акен ши питыдымел тахайн, нох дойты йи порх антом, вурайн наң утща хащсан. Мана, мана, акен ики холт эслы.

– Аттыя ши хун мандам, халэват мандам, эсалдэм.

Ямас дэс па ил одас щиталан.

Халэвта йис, имел имийн парса, ши манас. Елташак вантылды – акел ики наңкал ант ныда, ун наңк ики. Вана ёхатал: акел ики наңкал дэры тэдан хопатмал, щиты талмал па вураң юшал туп олтал. Ёлта тулды. Щиты ши манмал мув хорман, щиты талмал. Ям хуваткем манас, вантдалды, наңкал олтал

ныда. Тохи ёхатмалан, акел ики антом, эслам. «Хойн эслам?» Ёлта тулды. Ши тусды, тусды, хув-ван тусды, хишем парэм атом хота ёхатал, меңк ики хота ёхатал. Пудоп вуса нох хуң-хал, илды хулатал. Акел ики ёдан холта увал, эңалал: «Амп ими хилэм тата-ки ус, йи пуш вурсэмал ант паятсэм».

Ши ясаң хултмас па ёхи доңемас.

– Акем ики, ма ёхатсам.

– Хилые, наң па муй щиран ёхтопсан?

– Наң па хоты йисан, пар такан эңалдан?

– Па щалта мушан ёхатсайм, хащ халдам-там халдам.

Амуй хорэман атмаш хорсэман, атмаш лэсэман.

– Яна ши молхатл ям вусан, муй хоты йисан?

– Ал яста, похие, сэр таха элты мушан ёхатсайм.

Щалта хоты иимел ими педа ястал: «Мойң хоят ёхтас, ант ныда, хилылэңкен ёхтас, ким этдыя, лыпат порайн велдыйм хор мевдат, лыпат порайн велдыйм хор шанш войт ёхи доңалтадан, мойң хоят ёхтас». Ин ими ким яңхас, ёхи ши адаммал, хор мевалдал, шанш войдал пилан. Пасан тэд сэварса няр нёхийн, пут молса. Ай эңал кашан лапатты питса, щиканща.

– Акем ики, ешавул патлал, ма ёхи-ки мандам, имем ими па лавдасал.

– Муй-муй, хилые, пут ат лэдув, велщи. Турам хутлал.

Па пут сыс па омпсас, пут лавдас. Щитэл лэсат.

– Акем ики, айлта ёхи-ки мандам, волды ши рамкапал.

– Куляң-валяң тахайн, холта, хилые, мандан, йи ат ода, халэват новийн велщи мандан. Кулян-валян алэмалайн, холща наңен вуйтлэм?

– Холдам-ки, холдам, яна патлалайм.

Олты лэщатыйс акел ики. Хилыед мулды одас. Лын кутапан Вусы-Кары похлэңкел одас.

И-и, акел ики аат кутап кеман нох ши вураттал щашал – Ими Хилы век ант войпла. Акел ики ова манас, ши хирасас,

щи хирасас. Па вай думатал: холта щалыдат, щи щалыдат: «Амп сох вайдам!». Охсар сох вайт думатал, холта ниңхардат, щи ниңхардат. Лакемалды, мулды юватдалды: «Велты вутщам воем нох щи куратлэл». Па долмах вай нох думатал, па ищиты щалыдат. Атадан яңхты ики вай думатал, па ищиты. Лакемалды, мулды юватдалды. Лэпак вай думатал, холта пуратал – таплык, холта курмемал – иса шитам. Ими Хилы вантдалды: акел ики ким щи этас. Хот доңда нох хуңхал, пулоп вус элты няшилыты карты ил эсадал. Щи куман Ими Хилы вулды па Вусы-Карылэнки мулды ларэмалды, дув Вусы-Кары олтахая тохи кераптыйл. Ин няши ювмал итан Вусы-Кары аңнапса элты питапла. Нох сухтам кеман холта увал: «Ащи, ащи, манэм ал велы, ал велы!» Нох ёхатмал кеман карщакан хойла, ох велмал, вурал ёхи инщемада: «Охо, ма вурэм-дантэм». Ими Хилы ел увалад:

– Акем ики, хоты йисан, наң похлэнкен, йи пох тайсан, похен па велсан.

– Муя вултадан дув щимаш, мойң хоят ёхатал, пасана муйкем мав пона, муйкем ям дэтот, хол дув дэлды. Щиты па ишан па ант ат вул, – акел ики нэмолт ясңал ант этал.

Щалта акел ики ил охалад:

– Хилые, тамем утца хоты верлэм, манэм нётлэн-ки, ил лотталэман.

Юх эватдатан, мома юх. Юх эватсатан, дэщатты вутшилтан. Ими Хилы акел ики дайм кева сэвардалды, век ант педал. Век ант педал. Акел ики ястыйл:

– Ёхи яңха, мулан дэщтан одал, имен ими элты дэщтан воха.

Ими Хилы тохишак манал, худ кутан щи дойл, щиталан ёхды йил:

– Имем ими анты худатал, похал паратмен ураңан. Иса машья.

– Дув палдал кудат, таканшак яста.

Па тохишак манал, па ши дойл. Па ёхды ёхатал:
– Имем ими ши арат лик, анты потарал.
– Муй щиран ант потарал? Йинқи норам илта пелакан карщак одал, айлтаи еша хатши.

Щалта хоты ши хухадмас. Манмал итан карщак адэ-мас, имел ими щалта малды – вешлотхал ил лотхопал. Тохи ёхатал:

– Акем ики, акем ики, манэм камн вера хушидылэн, имем ими айлта хатщисэм, вешлотхал ил лотхамтас, парас.

– Там муй, вошкэлэман, – ястал, – иимем лэщатдаман.

Па юх эватдтан, ялпа.

– Я, хилые, наң олдыя ты.

– Тё, наң улам хотаң пилэн, ал наң хуватэн.

– Яна, идампа, ма хуватэм.

Акел ики ил ши одал.

– Акем ики, сэмдан лопшак хатщадан, щиты нушайт, нампаран ал питдайт.

Акел ики щалта даяман тувемалды, саплад йиултыя, ай сортыелан катласал.

– Хилые, йи пуш па.

– Ма, – ястал, – веллидам-ки – йи пуш веллидам, кимет хун веллидам.

Щиканща, акел ики щикунш увас-увас, ант сэвармасды, щиты дылад тохнас, парас.

Ин акел ики таш уш акатал, ох уш акатал, ун допасат ход акатсалды, йиултыя ёхи вошталды, ёхи тулды. Имел ими хоща ёхатал, имел ими йи тутсэмал хашмал. Ястыйл:

– Ши, акем ики холыя паратсэм, талта елды щиты ант ат ул.

Ими Хилы ин щунял-хуладан ин ши ул.

ИМИ ХИДЫ ЯЙДАЛ ПИДН

Худам ху удлат. Аңкан-ащан хун антома йистан, парсатан, хойн уятла. Ун яйңан кашаң хатл нёхсан от, воян от кератлатан. Муй молты вой шитыдылтан, муй молты нёхас мошатылтан, амуй ант велдылтан, хой уятал. Щиты щи шукашман удлат. Апщиян кашаң хатл ёдан ул. Патн вуратыял яйңалад пидн, ястал:

– Яйңан, мосаң ма ищи нын пиданан унта шушилдылам, ияха мосаң молты мошатлув. Вой велдув, пут лэтот мошатлув.

Аты вуйдыла яйңаладан. Апщиян ёдан ул, хотл шавилды, шай каварал. Па муй унты иса лэлды омастыя. Айналад унта, нёхсан унта, вояң унта шушматан юпиян, апщиян щарты омасал:

– Нёхас сахем тынал, тынал, вой сахем тынал, тынал. Кирап нёлпи ий имем. Воян дов тащ тайтал, аядал. Илэм от муй туты, муй алты от, лув ты ат тулды.

Яснал туп соханал, щёхал пулп вусал элты, довл ты эсалда. Я, ин хоты нэрыял. Хот дыпедн тыед-тохед хухатдыяс па, тут дыван иед акел элты хащам тут дывам юнку уйтамтас. Щиталн дув педайл щи паятдалды. Щалта па каншащас, каншащас, па тут дывам юнки уйтас, пещ пуңал щёмпи (нож) уйтамтас. Па щиталн сохал сох щирн хорсалды, кеплад кепл щирн хорсалды. Путан нёхи эватдыяс па етна пелкая щи йис. Имолтыйн хулдалды, яйңалад щи ёхатман щашал. Яйңалад ёхатман, ким этал. Ова дойдыял. Яйңалад сохлан сохалдан щикем такан сэнкидылдан. Талтэнан. Ий пуша нэмолты ат вератлатан ут элты мошатты. Лув ат падал. Я, лув ат ул. Яйңалад ова ёхатсатан па няхман доилдыял. Яйңаладан инщасла, ясталтан:

– Хоты наң, Подни-лунщи лэңкие, няхман доилдылан? Ищи матты хонэн тэдан. Ищи матты, молты наң шитсан?

Яйңадал ёхи доңтанан, ястал:

– Тута па муй? – путл педа айдыял.

Я, ин мощатам ху хоты, ишкащад. Я, ин яха дэдат, яха йищдат. Ил олдат. Охел, сэмел муңхалтылэл. Халэвта йис. Яйңадал ши думатдылтан, понаслатан. Подни-лунци дэңкие патн куш вуратыял, ат вуда. Молты йиңк воие кат нымал яйңадал ваталдатан па шушмалтан. Яйеңан манты юпиян па ши щарты омасал. Щарты омасал па ястал:

– Нёхас сахем тынал, тынал, вой сахем тынал, тынал. Кир нёдпи ими вояң мисат тайты аялда. Муй тайты отат. Муй ал удат, ий от куш кепа, ты ат тула.

Я, ин еша ул, мис ими па щёхал пулп вус элты па ёхи эсалда. Па ин тут дэвам юнкидал таща тайлалды. Мохты лув педайд паятдалды. Сохл сох щирн хордалды, кепдал кепл щирн хордалды. Няр нёхел няр нёхи щира эватдалды. Путан нёхел путан нёха щира эватдалды. Яйеңадал, доңты най доңты хущ ая ювам кеман па ши ёхатдатан. Сохалдан щикем сэңкидылдан. Кашлы ху, пушлы ху сэңкидытан щащад. Дын арталытыйн, унта яхтанан, нэмолаты ат мощатылтан. Я, ова ёхатдатан па ясталтан:

– Хоты, Подни-лунци похлэңки, няхман дойдан? Танха, – ясталтан, – ал ши няхилдылан. Ёдан омасман муй мощатла?

Яйңадал ёхи доңты сахат, ястал:

– Яйңан! Тута па муй, тута па муй? – путл педа айдыял.

– Апщиeman яна па шитмал, пут вермал.

Няр нёхи няр нёхи щира лэлэл, путан нёхел путан нёхи щира лэлэл. Ил олдат. Охел, сэмел муңхалтылэл. Халэвта худа йил. Нох килдат. Яйңадал па ши понаслатан, думатдылтан, унта манлатан. Подни-лунци патн куш вуратыял:

– Манэм унтыты вуйдыялан, мосан ма ой тайдам, молты ут вой велдув, нёхас, вой мощатлув.

Ат вуда. Молты йиңк воие кат нымал яйнадал ваталгалтан, па шушмалтан. Яйеңан манты юпиян па ши щарты омасал. Щарты омасал па ястал:

– Нёхас сахем тынал, тынал, вой сахем тынал, тынал. Кир нёлпи ими вояң вуды тащ тайты аялда. Муй тайты отат. Муй ал удлат, лувел хун утца лэты, ий отл ты ат тула.

Я, ин еша ул, вуды щёхал пулп вус элты па ёхи эсалда. Па ин тут лэвам юнкидал таща тайдалды. Мохты лув педайл паятдалды. Сохл сох ширн хордалды, кепдал кепл ширн хордалды. Няр нёхел няр нёхи щира эватдалды. Путан нёхел путан нёха щира эватдалды. Яйеңадал, доңты най доңты хуц ая ювам кеман па ши ёхатлатан. Сохалдан щикем сэнкидылдан, Кашды ху, пушды ху сэнкидытан щашал. Дын арталдытйин, унта яңхтанан, нэмолаты ат мощатылтан. Ин Ими Хилы ован няхман дойл, яйнадал давласман. Я, яйнадал ова ёхатлатан па, ясталтан:

– Хоты, Подни-лунши похлэңки, няхман дойдан? Таңха, – ясталтан, – ал ши няхилыдан.

Яйнадал ёхи доңты сахат, ястал:

– Яйңан, тута па муй, тута па муй? – путл педа ёшал шашилдылды.

– Апшиеман яна па шитмал, пут вермал.

Няр нёхи няр нёхи щира лэлэл, путан нёхел путан нёхи щира лэлэл. Ил олдат. Халэвта худа йил. Нох килдат. Яйнадал ясталтан:

– Мин, апшие, щимащ улам версаман, мин мантэман юпиян, щаха ий ими ёхатал. Мис нёхи ий пул тахты вохал, дов нёхи ий пул тахты вохал, вуды нёхи ий пул тахты вохал. Наң туп лэтот ши ловат вера, лэтот ал мия. Нэмолатын ал мии.

Я, муй, худасман ул. Яйнадан матсатан. Нёхсан унта, вояң унта шушман юпиян яна ий ими ёхтас. Ий ими ёхтас, щинанща, ястал:

– Лапат пешпи ими Хилые, наң молты Кирп нёлпи имен вояң дов, вояң мис, вулэд наң дэвмен аялда. Щалта тут дэвам юнкедадан па петты унты нюхалсалды.

– Ийлап, аслап веншем, молты нядам верман яңхал!

Ин щи ими ямас хувашак питты юпиян, нумасал:

– Яна, хоят лэтот вохас па, амуя ат масам? Па ма лэтот щи тайсам. Тайсам па, амуя ат масэм?

Щалта ёдан ултал кутн, улам улты кемн антом, па ким этдыял. Ким этдыталн, хулдалды. Кирп нёлпи ими куртал щикем сыяңа питама щащал. Хуяң ху шуңадан, осмаң ху осмадан каншантас па, йиңк вой сох кат нымал уйтас. Щещ сохал, ал сохдал ёварсалды курдала. Щалта па осмаң ху осмадан, па каншантас.

– Ма яна мояң курта мандам па, талты муй щирн мандам?

Хишем парэм хуры дэңки уйтамтас. Тонты хуры вул, нохар понтыя. Нохаран дыпел тэд шошемалды. Нохры хурэд вутал юпиян, щалта щи шушмал. Хонан патыя танрапдалды. Щалта шушмал па, лув юпелдан лух вотаса, меңк вотаса йил. «Па ма, – нумасыял, – там доват вотас кутн, ёдан олтэм, муя верты матсам?» Ил доял па, нэш, лув нёх тайдал элты, лув дох пушидал элты элдаты вотасл. «Эй! – нумасал, – Кир Нёлпи ими курт кепа курт щащал. Вош кепа вош щащал». Щалта тохи иса шушал. Тохи ёхатмадан, яйңалад Кир Нёлпи имийн ий хуйл-ий хуйл мощатыда. Иса вура данта сэңкамнан. Я, ин ат кутармалат. Муй верты, ил омасал. Нохар хурл элпа вулды. Елта ёхтам ху, хувалта ёхтам ху, нохар дэты омасал. Нохар сэм дэвман омасал. Нохар сэм дэвман омастал кутн, ин ими кат хуйл пилн тарандатал элты, ин щинанща щи Ими Хилы лепа ёхтамтыял па, нохры хурл сохтапал па, кур ётланада хойл па, хол тохнапал, хол шукалал. Щалта щинанща Ими Хилы ликал щи этас. Нох дояпал па ястал:

– Верды патды хоят, ан дыпи ат мосал шукаттыя. Нын щиранин тарандасты-ки, ат тараңдалты. Ма аңкем элты,

ащем элты хащам пут сохем па муя шукатсадан? Ин нохар сэмат, ванта, тум олңая тадаң тэлн ил матсат.

Ин щалта Кир Нёлпи ими щи каталса па, кат курл элты каталда па, ватман, кур хорыя ил рэскалды. Ун охпи эви шикел па курнадал рат хара хоялмал. Па донемиял, па ил рэскалды.

– Ма монщем, ма улапсаем, ма арэм ел-ки манл, – ястал, – лув ташдалн, улпасдалн мета ёращсат.

Ин хоты ут Мукарнэ шитыдыям таш улпас лувела хащас, ин Тутпар-Хишпар хуяла щи ташл питас. Ин щунел-хулэлн ин щи ул.

Лонгортова Зинаида Викторовна

*Хантыйский язык
(шурышкарский диалект)*

ИМИ ХИЛЫ И ТРИ ЛЮДОЕДА МЕНКА

Ими Хилы, мальчик-сирота, со своей бабушкой жил.

Он рос старательным, трудолюбивым, но довольно часто не слушался бабушку. Ими Хилы рубил дрова, приносил с речки воду. Бабушка радовалась помощнику. Так и жил Ими Хилы. Набирался сил, учился жизни. Однажды бабушка строгала мягкие древесные стружки – утлап, этими стружками по утрам мальчик вытирал лицо после умывания. Ими Хилы попросил бабушку сделать лук и стрелы из черенков, оставшихся после бабушкиной работы.

Она обрадовалась, что внук стал самостоятельным, и говорит: «Сделаю тебе лук и стрелы, долго ли из готовых черенков согнуть лук и настрогать стрелы. Ты уже окреп у меня, руки, ноги твои заостенели, повзрослел». Сделала ему лук и стрелы. Отдала их Ими Хилы и строго-настрого наказала ему: «Внучек, только не ходи в тёмный лес, что за нашим домом. Ходи промышлять вниз по речке, там и лес светлый и дичи больше». Мальчику понравилось ходить в лес на охоту. Он оказался удачливым охотником и приносил бабушке дичь, что добывал на промысле. Только ему очень уж хотелось сходить в тот тёмный лес, что за их домом.

Задумал однажды внук узнать, почему бабушка не пускает его в таинственный лес. Пока бабушка занималась своими делами, он быстро свернул со своей тропинки и побежал в дремучий лес. Ими Хилы бежал по загадочному

лесу, ему было страшно, но обратно он и не думал возвращаться. Вскоре мальчик набрёл на избушку, которая была сделана из коры деревьев. Вокруг избушки валялись человеческие и звериные кости. Ими Хилы понял, что набрёл на дом Менка – лесного чудовища-людоеда. Деваться некуда, пришлось войти в избушку. Вошёл он в избушку, поздоровался. В избушке сидела старая жена Менка.

– Здравствуй, внучек, – обрадовалась старая жена Менка, – как хорошо, что ты пришёл, – увидев у порога жилища Ими Хилы, сказала она ему. – Совсем старой стала. Помощник мне нужен. Некому дров нарубить, воды принести. Вот и будешь мне помогать, скоро муж мой придёт, я тебя спрячу, а то увидит тебя да съест.

«Ну что же делать, – думает мальчик – съест, так съест, куда мне деваться». Послушался жену Менка и спрятался под её подушку.

Вскоре пришёл с охоты одноголовый Менк.

– Хей! Жена! В избушке от человеческого духа глаза и нос щиплет. И видеть не надо, – принюхиваясь, сказал людоед. – Кажется, бабушкин внук к нам пришёл, отдай его мне, я его съем – просит одноглазый Менк.

– Ийлап! Аслап! – говорит жена. – Не ешь его, старой я уже стала, некому мне помочь, некому дрова нарубить, воды принести, он будет мне хорошим помощником. Не дам я его тебе! Он пока ещё маленький, – сказала старая жена Менка.

Уговорила его жена, не стал он Ими Хилы есть. И вправду помощник жене нужен.

– Ну, нет, так нет, воспитывай его!

Поели, спать легли. Встали утром, людоед и говорит жене:

– Дай мальчика, ходим с ним на охоту. Мне помощник нужен в лесу, одному тяжело, не справляюсь.

– Не дам мальчика, ты его в лес забираешь, чтобы быстрее съесть. Не отдам. Всех людей, кто к нам попадает, уводишь на охоту и там съедаешь, никто не вернулся ещё оттуда, знаю тебя. Не отдам!

– Нет, не буду его есть. Если он тебе очень нужен, домой приведу.

– Ну, хорошо! Возьми, только не ешь его, помни наш уговор, – говорит жена, – он мне очень нужен по хозяйству, а то некому дров нарубить, воды принести.

Стали они собираться на охоту. Людоед взял маленькую нарту, погрузил в неё большущий медный котёл, шириной в семь локтевых суставов, и пошли они с Ими Хилы на охоту. Вскоре вышли на охотничью тропинку. У развилки двух тропинок встретили двухголового Менка, который очень обрадовался им и говорит:

– Куда вы собрались?

– На охоту идём, белковать да соболя бить – ответил одноголовый Менк.

– Возьмите меня с собой, и я собрался на промысел, втроём веселее.

– Ну, иди с нами!

Пошли они дальше втроём. Шли, шли охотники, в одной из развилок тропинки показался трёхголовый Менк.

– Куда идёте, трое мужчин? – обрадовался встрече людоед.

– На промысел идём, белковать да на соболя охотиться.

– Возьмите меня с собой! Вместе веселее.

Присоединился к ним и трёхголовый Менк. Идут они дальше все вместе на промысел. Вскоре остановились на ночлег. Построили жилище из елового лапника. Костёр разожгли, еду приготовили. Поели, легли спать. Утром Менки говорят Ими Хилы:

– Оставайся на стоянке. Где тебе зверя в лесу найти, откуда знаешь, как соболя добыть. Лучше дрова заготовь, воду растопи из снега в котле. Целый день ходим по лесу, устаём, языки к небу прилипают от жажды, пить очень хочется по возвращению.

Собрались три Менка и отправились на охоту. Остался Ими Хилы хлопотать по хозяйству. Как только ушли людоеды на охоту, дрова заготовил, снега набрал в большущий котёл, стал огонь разводиться. Огонь никак не разводится. Что только ни делал с огнём Ими Хилы: и бересту подложит, и веточки сухие – никак не может костёр разжечь. Время к вечеру клонится, а он даже воды не разогрел.

– Это премудрости Менков, – решил мальчик.

Вдруг над костром он услышал шуршание веток. Глянул вверх. На верхушке дерева, которую он приладил для рога-тины костра, увидел соболя, что прыгал с ветки на ветку. Потёр он старыми порванными рукавицами, сшитыми бабушкой, друг об дружку, соболю и упал рядом с ним на снег. Ими Хилы подобрал соболя и сунул в свой мешок. Мешок закопал в снег и вновь пошёл разжигать огонь. Произошло чудо. От огнива искры так и посыпались, огонь в костре быстро разгорелся. Мальчик только успел разогреть воду в котле, как услышал шаги одноглавого Менка. Тот молча подошёл к костру, взял котёл за два ушка и разом, одним вздохом, выпил всю оттаявшую снеговую воду.

– Хэй! Наконец-то мой язык отмок, утолил я свою жажду.

Взглянув на Ими Хилы, сказал:

– С каждым днём ты становишься сильнее. Сейчас ты чуть слабее стокрылых богов, до стоногих духов тебе чуть-чуть осталось дорасти.

Вновь над костром поставили растапливать воду. Вскоре подошли двухголовый и трёхголовый Менки. На охотничьих поясах у них висят соболя и белки. Сняли шкурки они

с соболей и белок. Ими Хилы полный котёл дичи наварил. Мясо в четыре чаши поровну разложили. Менки говорят:

– Давайте соревноваться, кто быстрее съест мясо в чаше! Кто не успеет съесть, останется последним, того мы съедим, у того мы кровушку выпьем.

– Чаши большие, полные мяса, куда столько маленькому мальчику? – испугался Ими Хилы.

Начали есть. Как только Менки отвлекаются, опуская свой жадный взгляд в чаши, и наскоро глотают куски мяса, Ими Хилы хватает мясо из своей чаши и в снег закапывает. Вскоре его чаша опустела, и он первым крикнул:

– Дядюшки! Дядюшки! Я всё мясо уже съел. Моя чаша пустая.

– Хей! Всё сильнее ты становишься, – говорят Менки. С тем и спать легли.

Утром говорят Ими Хилы:

– Оставайся на стоянке, мы много дичи приносим, девать некуда, лучше снег растопи, дров наруби. После охоты языки к небу прилипают от жажды, так устаём за целый день, проведённый в лесу, что сильно пить хочется.

Ушли Менки в лес. Ими Хилы дров наготовил, снега в большущий котёл набрал, начал огонь разжигать. Огниво и так и так трёт, ни одной искорки, огонь никак не может разжечь.

– Премудрости двухголового Менка, – решил Ими Хилы.

Глянул наверх, а там, на дереве, соболев прыгает с ветки на ветку. Потёр он своими дырявыми рукавицами друг об дружку, соболев кубарем свалился ему под ноги. Положил мальчик добычу в мешок, мешок в снег закопал. Спокойно разжёл огонь. Только успел растопить из снега воду, смотрит, показался на охотничьей тропинке двухголовый Менк. Торопится к костру, схватил котёл и одним махом всю воду выпил.

– Животу моему хватило! Внучек! Гляжу, сил прибавилось у тебя. Сил у тебя, как у стоногих духов, как у стокрылых богов.

Вскоре все охотники вернулись с богатой добычей. Соболей, белок по несколько кругов вокруг пояса навязали. Менки добычу разделали, шкурки с соболей, белок сняли, сварили большущий котёл мяса. Разложили мясо в чаши, ровно на четыре части, всем одинаково.

– Внучек! Давай соревноваться, – говорят Менки, – кто быстрее съест мясо! Кто не успеет съесть, того мы съедем, у того мы кровушку выпьем.

Решили и начали есть. Людоеды торопятся быстрее съесть своё мясо. Толкают мясо наскоро в рот, жир течёт по их рукам. От жадности куски целиком глотают. Ими Хилы, как только Менки опускают глаза в чаши, хватает мясо да быстро в снег закапывает. Последний кусок спокойно дожевывает.

– Дядюшки! Дядюшки! Моя чашка пустая, я уже всё съел.

– Хей! Очень сильным ты стал!

С тем и спать легли. Утром людоеды собираются на охоту.

– Хилы! Оставайся на стоянке. Дрова да снегу заготовишь. У нас и так много добычи, на всех хватит. Приходим из лесу, языки к небу прилипают от жажды да усталости, вода очень нужна, растопи снежной воды.

Остался Ими Хилы на стоянке. Дров, снега заготовил. Начал огонь разжигать, ничего не получается. От огнива даже искорки не может высечь. Слышит, шорох какой-то, глянул он наверх, а там соболь с ветки на ветку прыгает.

– Хей! Премудрости трёхголового Менка!

Потёр он своими дырявыми рукавицами друг об дружку, соболь и упал на снег. Ими Хилы подобрал добычу и положил в свой мешок. А мешок в снег закопал. Только успел снег растопить, глядит – трёхголовый Менк идёт, торопится,

подбежал к костру, схватил огромный котёл за ушки и одним махом всю воду выпил. Говорит:

– Животу моему в самую пору хватило. Хорошо. Ими Хилы, сил у тебя больше чем у стоногих духов, у стокрылых богов стало.

Вскоре с охоты вернулись ещё два людоеда. Сняли шкурки с соболей да белок и большущий котёл мяса наварили. Вынули мясо, поровну в четыре чаши разложили.

– Хей! Внучек! – говорит трёхголовый Менк, – будем соревноваться, кто быстрее мясо съест! Кто не успеет съесть, того съедим.

Решили и начали есть. Менки ещё быстрее едят, куски целиком в рот пихают, торопятся. Ими Хилы своё мясо быстро в снег закопал, пока Менки не видели, а последний кусок спокойно дожёвывает не торопясь.

– Дядюшки! Дядюшки! – кричит Ими Хилы, – я уже всё съел, чаша пустая.

Людоеды, разочарованные, что им не удалось съесть мальчика, торопясь доели мясо и легли спать.

Утром Менки стали собираться домой, говорят:

– Хватит охотиться, куда столько добычи девать?

Каждый свою нарточку добычей загрузил да увязал. Ими Хилы тоже вытащил три шкурки соболя из-под снега и бросил в нарточки.

Собрались все и пошли в обратный путь. Дошли до первой развилки тропы, где встретили трёхголового Менка. Остановились.

– Я здесь останусь, – сказал людоед. – Придешь домой, что будешь бабушке рассказывать? Возьми в подарок мою добычу. Из ста соболей пусть одежда сошьётся, из ста соболей посуда пусть сошьётся, из оставшихся шкурок шапка смастерится.

На второй развилке тропы стал прощаться двухголовый Менк:

– Внучек! Вези мясо в подарок своей бабушке. Что будешь рассказывать ей, как будешь нас вспоминать? Пусть из ста соболей одежда шьётся, из ста соболей посуда шьётся, из оставшихся шкурок шапка смастерится.

Идут дальше, вскоре подошли к развилке дома одноголового Менка:

– Внучек! – говорит людоед, разочарованный, что не съели сироту. – Возьми мою нарточку целиком. В гостях у нас побывал, а рассказать бабушке не о чем. Пусть из ста соболей одежда сошьётся, из ста соболей посудина сошьётся, из оставшихся шкурок шапка шьётся.

Взялся Ими Хилы за верёвочку маленькой нарточки и пошёл домой. Идёт, идёт и вдруг чувствует, нарточка тяжёлой стала. Никак не может её тронуть с места. Думает:

– Кажется, это сто премудростей людоедов, – если не строну нарточку с места, тут меня и съедят Менки.

Вспомнил бабушкины советы и проговорил:

– Если песня моя дальше будет петься, если сказка моя дальше будет сказываться, пусть моя нарточка станет легче сухой травинки, легче сухой веточки.

Только проговорил, как нарточка тронулась с места. Побежал Ими Хилы быстрее по тропинке. Бежит, бежит, нарточка вновь застряла. Никак не может стронуться с места. Вновь премудрость слов людоедов подействовала.

– Если сказке моей дальше сказываться, если песне моей дальше петься, – проговорил бабушкины слова Ими Хилы, – пусть нарточка легче сухой травинки станет, легче сухой веточки.

Нарточка вновь стала лёгкой. Бежал, бежал мальчик, и в третий раз застряла нарточка на тропинке, но волшебные слова бабушки вновь подействовали, и Ими Хилы

наконец-то добрался до бабушкиной избушки. Бабушка от слёз чуть не ослепла.

– Где же ты был, внучек? Потеряла я тебя!

– Ты не пускала меня за дом в тёмный лес ходить, а я ослушался тебя и пошёл. К Менкам попал, они меня одарили подарками. Видишь, сколько добычи я принёс.

– Я говорила тебе, не ходи туда. Они твоих родители погубили. Боялась, что и тебя съедят.

С тех пор Ими Хилы с бабушкой живут в своей избушке. Всё.

ИМИ ХИЛЫ И ДЯДЮШКА МЕНК

Ими Хилы живёт со своей бабушкой. Сказочному мальчику долго ли расти. Подрос он и начал бегать возле дома. Однажды бабушка говорит ему:

– Внучек! Ты только за спину дома не ходи, перед входом дома бегай.

Внук и думает: «Почему бабушка не разрешает бегать за дом?».

Вышел из избы и незаметно свернул за спину дома. Немного прошёл, увидел следы дикого оленя. Раз увидел следы, решил догнать оленя. Долго ли шёл по следу оленя, кто знает. Тундру прошёл, болото прошёл, догнал оленя. Выстрелил из лука – упал олень-хор. Только дошёл до убитого оленя самца, чтобы освежевать его, как слышит за спиной голос дядюшки Менк ики.

– Внучек! Ты поступаешь нехорошо, этого оленя я хотел добыть!

– Разве в лесу больше нет зверя? – отвечает Ими Хилы. – Хочешь, забирай себе!

– Что ты, внучек, сердисься! Не сердись! – говорит Менк ики. – Вон растёт большая лиственница, отнесём туда тушу оленя, там и освежаем. Там, когда-то у наших дедов-прадедов священное место было, там его в жертву и принесём.

– Я не знал этого! – отвечает Ими Хилы.

– Бери оленя и неси, – заставляет людоед мальчика.

– Твои деды-прадеды если носили на себе тушу оленя, ты и неси, я не могу на себе таскать тушу оленя.

Людоед закинул на свои плечи оленя и понёс к месту жертвоприношения. Вскоре пришли к священной лиственнице.

– Ну, внучек, освежай оленя! – говорит Менк ики.

– Твои предки на этом месте свеживали оленей, ты и занимайся этим, – ответил Ими Хилы.

Куда деваться, Менк ики начал разделывать оленя, вскоре освеживал большого быка и говорит мальчику:

– Внучек, большой огонь разожги. Мясо будем варить.

– Откуда я знаю, как разжигать костёр, твои деды-прадеды здесь костры разжигали, ты и разжигай огонь.

Менк ики сам начал разжигать огонь. Пока костёр готовил, уронил железный крючок для котла. Уронил и никак не может найти. И крутился и вертелся пока искал, так и не нашёл, потерял. Ими Хилы увидел, что крючок упал в снег и быстренько схватил его, да к себе за пазуху спрятал.

Менк ики нарезал оленя на куски. В одну сторону положил мясо на строганину, в другую кучу положил мясо для котла. Вторую часть сразу в котёл опустил варить.

– Внучек, поставь чашу с мясом с горячим паром для дедов-прадедов, их душам поесть.

– Ты сам поставь чашу для них, я откуда знаю, как ставить!

Людоед сам поставил духам чашу с мясом.

– Слушай, внучек, здесь у этой лиственницы у нас такой обычай. Мы соревнуемся, кто быстрее всё съест, тот победитель. Кто останется последним, того победитель привязывает к лиственнице.

Ими Хилы осматривается, глядит, вокруг дерева человеческие кости, черепа валяются. Мальчик молчит. Приглядывается да слушает дядюшку Менк ики. Сели кушать свежее, сырое мясо, у каждого своя чаша. Менк ики отвернулся спиной к мальчику и давай быстренько есть. Ими Хилы откусит мясо, да бросит его в снег, отрежет от второго куса мяса, да в снег закопает. Людоед сидит спиной к мальчику и каждую косточку обглаживает. Смотрит Ими Хилы, у Менк ики уже мало осталось мяса, кричит ему:

- Дядюшка. Я уже всё мясо съел!
- Как скоро ты всё съел, я ещё не успел всё мясо съесть.
- Ты проиграл. Давай вставай, я тебя к лиственнице привяжу.
- Что ты торопишься, мы ещё к котлу не приступали. Мясо с котла ещё в чаши не вынимали. Потом посмотрим, кто победитель, – ответил Менк ики.

Вскоре мясо сварилось.

- Внучек, мясо из котла в чаши вынимай.
- Твои деды-прадеды из котла мясо вынимали. Я откуда знаю, как это делать, – ответил мальчик.

Людоед мясо в две чаши поровну разложил.

- Бери, внучек, чаши, кушать будем.
- Я разве знаю, как берут чаши с мясом на священном месте, ты и возьми.

Менк ики взял чаши, поставил перед духами. Угостив богов, одну чашу отдал мальчику, вторую взял себе. Менк ики повернулся спиной к мальчику и сел кушать. Мальчик берёт один кусок – в сторону бросит, берёт второй кусок – в снег спрячет. Менк ики торопится, каждую косточку обглаживает.

Большими кусками глотает, чтобы успеть всё съесть вперёд мальчика. Мальчик смотрит, у Менк ики немного осталось мяса в чаше, кричит:

– Дядюшка! Я уже всё съел, у меня мясо закончилось.

– Что ты так быстро кушаешь, я ещё не успел мясо доесть! Ну, раз ты такой быстрый, привязывай меня. Только по обычаю, у нас сначала привязывают того, кто помладше.

Послушался Ими Хилы и встал к дереву. Менк ики сплёл из осоки верёвку, сплёл из травы верёвку и привязал мальчика к лиственнице.

– Ну, внучек, пошевелись!

Мальчик слегка пошевелился, не смог вырваться.

– Ты хорошо дёргайся, лиственница даже не шелохнулась, – говорит людоед.

Ещё раз шелохнулся, не смог разорвать верёвки.

– Что ты такой бессильный! Меня на смех потом поднимут, что слабого мальчишку привязал. Вот нас, Менков, как привяжут, мы так вырываемся, что лиственница ходуном ходит.

Ими Хилы так сильно начал дёргаться, что все верёвки размотались.

– Дядюшка, вставай к лиственнице, теперь я тебя привяжу. Моё дело закончилось, я отвязался.

Менк ики встал к дереву. Ими Хилы начал привязывать его к дереву повыше живота верёвкой из травы, верёвкой из осоки. Пока дядюшка не видел, вынул железную цепочку из-за пазухи да пристегнул Менк ики крепко к лиственнице.

– Я-я-я! Дядюшка, пошевелись!

Менк ики хотел вырваться и даже не смог шевельнуться, тяжело ему показалось.

– Не можешь оторваться, дядюшка, ещё раз пошевелись.

Дядюшка как ни дёргался, никак не мог вырваться. Дерево ходуном ходило, верхушку лиственницы будто ветром трясло, но Менк ики не мог порвать цепь, которой был пристёгнут к дереву.

– Ты, дядюшка, говорил, что Менки когда выдирают верёвки, земля кругом трясётся. Что ты такой слабый? – спрашивает Ими Хилы.

Менк ики так начал дерево трясти, что казалось верхушка лиственницы ломается, корни дерева от земли вот-вот оторвутся. Ими Хилы боязливо подошёл поближе и говорит:

– Ну что, дядюшка. Сколько ты людей обидел, сколько людей погубил. Стой теперь сам у дерева, пусть голова твоя чёрная в цвет белой речной чайки побелеет, цвета обской чайки побелеет.

Менк ики и так и так хочет выбраться из плена, никак не может. Ими Хилы собрал свои куски мяса из-под снега, завернул в свою малицу и пошагал к своему дому.

– Оставайся здесь, стой до самой смерти!

Когда пришёл домой, бабушка ещё спала.

– Бабушка! Я пришёл!

– Где ты так долго внучек бегаешь?

– Я за дом забрёл и оленя-хора добыл. Менк ики позвал меня на святое место, я его там привязал к дереву.

– Тё-тё! – бабушка говорит. – Что ты наделал, зачем ты его привязал? Твои деды-прадеды все через его руки погибли. Возле того святого дерева никто не оставался живым, ты чудом один спасся. Иди, иди, сходи, отвяжи его.

– Ночью я туда не пойду. Завтра схожу утром, отвяжу.

Ими Хилы хорошо поел и с этим лёг спать. Утром бабушка разбудила его и отправила его к святой лиственнице. Пошёл он в лес и издали решил глянуть, что же делает Менк ики. Глядит, а на том месте, где они вчера духам проставлялись, нет лиственницы. Дерево же было очень большим. Пошёл он дальше и видит, Менк ики лиственницу с корнями вывернул. Так, видимо, дёргал, что кровавый след от него остался. Пошёл мальчик по этому кровавому следу. Менк ики корнями дерева землю за собой всю распахал. Мальчик шёл, шёл

по распаханной дороге и нашёл только дерево, но не нашёл Менк ики. Кто-то его отпустил. Мальчик думает:

– Кто же его отпустил?

Дальше пошёл по кровавому следу Менк ики. Шёл, шёл по следу и набрёл на старую, старую, мхом заросшую избушку. Залез на крышу дома и через трубу чувала в дом заглядывает, прислушивается. Менк ики криком кричит, стонет:

– Это собачье отродье Ими Хилы был бы здесь, ни одной кровиночки бы не оставил ему.

Услышав эти слова, Ими Хилы зашёл в избушку.

– Дядюшка! Я пришёл!

– Внучек! Ты каким чудом сюда прибежал? – успокоился Менк ики.

– Что с тобой случилось, дядюшка, что ты так громко стонешь, так громко кричишь?

– Так заболел я. Вот умру, сейчас умру! То ли оленя не так освеживали, не так поели, духам неправильно поставили.

– И вправду, вчера ты здоровый был, что не так получилось?

– Не говори, внучек, вдруг мне плохо стало, болезнь пристала.

Потом говорит жене своей.

– Гость к нам пришёл. Не видишь разве, внучек к нам в гости пришёл. Выйди на улицу, занеси лопатку оленя, забитого в пору листьев, занеси спинной жир оленя, забитого осенью. Видишь, гость пришёл.

Жена Менка вышла, вскоре принесла лопатку оленя и спинной жир оленя. Стол накрыла, мясо сырого оленя не жалеючи к столу подала. Огонь развела. Поставила мясо варить. Менк ики охая, со стонами, стал угощать мальчика. Поел мяса сырого мальчик и говорит:

– Дядюшка, вскоре стемнеет, пойду домой, бабушка ждёт меня.

– Что ты, что ты! Куда торопишься, мы ещё из котла мясо не вынимали, мясо поедим, тогда и пойдёшь. День когда ещё закончится.

Стал мальчик котёл ждать, опять поели, попили. Мальчик вновь говорит:

– Пойду домой, скоро стемнеет.

– Куда ты, внучек, пойдёшь, в лесу столько недобрых существ. Ложись спать, завтра утром домой иди. Столько в лесу недобрых существ, схватят, унесут, где я тебя потом найду.

– Ну ладно, переночую, наверное, а то в пути и вправду стемнеет.

Собрались все спать. Менк ики на своё место лёг, внука на почётное место спать уложили. Между собой Менки сына своего спать уложили.

Ими Хилы лежит. Никак не может уснуть. Ночью слышит, Менк ики встаёт со своего места, подошёл к дверям и возле дверей долго, долго возился, шуршал. Надел кисы, а обувь из собачьей шкуры сшита. Как начали подошвы кисов гавкать, он быстро снял их. Обул кисы из лисьей шкуры. Подошвы кисов как начали тявкать, он быстро их снял и бросил подальше.

– Разгавкались тут. Зверя, которого хочу убить, ещё разбудите.

Надел обувь из шкур росомахи, и они пищат. Снял их. Обул кисы, сшитые из волчьей шкуры, и они зарычали. Сбросил их и обул кисы, сшитые из шкуры песка. Куда наступит, одно удовольствие – тишина, куда шагнёт – ничего не слышно. Смотрит Ими Хилы, Менк ики вышел на улицу. Слышно, как он залезает на крышу. Через трубу чувала удочку опускает. Ими Хилы быстренько перекатился на место сына Менк ики. Их сына, Вусы Карылэнки, перекатил на своё место. Спокойно лёг на место сына Менк ики и уснул. Удочка

опустилась и зацепила сына Менка прямо за челюсть. Отец выдернул сына. Тот кричит:

– Отец! Не трогай меня, не убивай меня, я твой сын!

Менк ики выдернул его и стукнул топором по голове. От радости быстренько выпил кровь мальчика, мозги съел.

– Охо, хо! Кажется, моя кровинушка! – растерялся Менк ики.

Ими Хилы утром проснулся и крикнул снизу.

– Дядюшка, что с тобой случилось, ты почему своего единственного сына убил?

– А чего он не слушается! Придёт гость в дом, он со стола лучшие куски из-под руки хватает. Пусть в следующий раз так не поступает, – не нашёлся что ответить Менк ики.

Слез людоед с крыши и говорит:

– Внучек! Один я не справлюсь. Помоги мне, вместе похороним моего сына.

Сходили за подходящим деревом, стали готовить гроб для сына Менк ики. Ими Хилы взял топор Менк ики, хочет рубить дерево для гроба, а топор тупой, лезвие не берёт древесину. Менк ики говорит Ими Хилы:

– Зайди домой, в углу лежит точило, попроси её у тётушки Менк ими.

Ими Хилы сделал вид, что пошёл в дом. Сам же спрятался среди елей и стоит. Постоял немного, обратно пришёл.

– Тётушка не слышит меня, сына оплакивает.

Менк ики помолчал. Потом говорит:

– Погромче скажи, она глуховата, ничего не слышит.

Ещё раз пошёл Ими Хилы, опять спрятался среди елей. Постоял немного, да обратно пришёл.

– Тётушка очень сердится, не хочет ничего слышать.

– Как, так и говорит? Сам возьми возле ведер с водой молоток и ударь её слегка.

На этих словах Ими Хилы бегом побежал в избушку. Как только забежал, схватил молоток и ударил жену Менк ики

по голове со всей силы. Жена Менк ики тотчас же и померла. Пришёл к людоеду и говорит:

– Дядюшка! Ты меня подвёл крепко, тётушку ударил слегка, а она упала и померла.

– Второй гроб будем делать, надо их обоих похоронить, – сказал растерянный Менк ики.

Опять пошли дерево рубить. Второй гроб подготовили.

– Внучек, ложись-ка в этот гроб, посмотри, как раз будет или маловат.

– Так это твоя жена, ты лучше знаешь, какого она роста. Наверное, вы одинакового роста. Ты и ложись, проверим.

– Точно, наверное, моего роста.

Менк ики лёг проверить гроб. Ими Хилы говорит:

– Дядюшка! Закрой-ка глаза, и так слеповат, мусор в глаза попадёт, я тут немного поправлю.

Менк ики закрыл глаза, а Ими Хилы в это время замахнулся топором и отрубил людоеду голову. Ими Хилы на этом взял всё добро Менк ики. Собрал оленей и погнал в сторону своей избушки. Пришёл, а дома один уголёк остался в чувале, бабушка опухла от слёз. Зашёл и говорит бабушке:

– Всё, убил я Менк ики. С этих пор он никого больше не будет обижать. Никого не будет убивать.

Ими Хилы с тем богатством до сих пор с бабушкой живут.

ИМИ ХИЛЫ И ЕГО БРАТЯ

Три брата живут. Когда без отца, без матери остались, кто знает, кто слышал. Старшие братья каждый день ходят охотиться на соболей, белок. Добывают ли соболей, добывают ли белок, или не добывают, тоже неизвестно. Живут бедно, в нужде и в страданиях. Так и мучаются. Младший брат дома

по хозяйству остаётся. Каждый день просится с братьями на охоту, говорит:

– Братья, может, и я с вами в лес прогуляюсь. Может, вместе чего добудем – зверя добудем, еды припасём.

Не берут его с собой братья на охоту. Младший брат дома по хозяйству остаётся. Огонь поддерживает, чай варит. Ушли братья соболей, белок добывать в лес, Ими Хилы и думает:

– Сколько можно голодным сидеть. Может я пошаманю.

Подумал и сел шаманить:

– Соболиная одежда, дорогая, дорогая, звериная одежда дорогая, дорогая. Кирп нёл тётушка, говаривали, большое стадо упитанных оленей имеет. Всего-то одного жалко разве от всего стада? Пусть хоть одного кто-нибудь сам сюда принесёт.

Только закончил шаманить, в трубу щёхала кто-то просунул оленя. Ну, что делать, побегал, побегал по дому, нашёл старый дедовский топор, забил оленя. Ещё по дому побегал, побегал, старый дедовский нож в ножнах нашёл, освежевал оленя. Всё сделал, как деда-прадеды когда то животное свежевали, шкуру снял, с ног лапы аккуратно отделил. Для котла нужные куски отделил, для сырого блюда лакомые куски оставил. Поставил мясо вариться. Пока свежевал, уже стемнело. Слышит, братья идут с охоты. Братьев встречать навстречу выходит. Стоит у двери. Братья свою одежду от снега с яростью отбивают. Так поступают только неудачники. Значит, пустые. Никак не могут добыть дичь в лесу. Он стоит у двери, улыбается. Братья подошли к двери и съязвили:

– Ты чего, сопливый, стоишь, улыбаешься, будто ты чего добыл, будто в доме всего достаточно?

Зашли братья домой, он говорит:

– Что у меня сегодня есть, – и показывает на полный котёл мяса.

Счастливым, накрывает стол, выкладывает лакомые куски мяса для строганины. Поев свежего мяса, из котла вынимает в хуван дымящееся мясо, подаёт к столу. Поели, попили три брата и спать легли. Отдохнули, наутро вновь братья собираются на охоту. Оделись, обулись, пояса закрепили. Ими Хилы просится с братьями на охоту, опять они не взяли его. Закрепив лыжи на ногах, тронулись в урманы. Как ушли братья на охоту, Ими Хилы вновь решил пошаманить:

– Соболиная одежда дорогая, дорогая, звериная одежда дорогая, дорогая. Кирп нёл тётушка, говаривали, большое стадо упитанных коров имеет. Всего-то одну корову жалко разве со всего стада? Пусть хоть одного кто-нибудь сам сюда принесёт.

Не успел сказать, как только закончил шаманить, в трубу щёхала кто-то просунул корову. Ну, что делать, он уже наготове держит старый дедовский топор, забил корову. Взял старый дедовский нож, освежевал корову. Всё сделал, как деды-прадеды когда-то животное свеживали, шкуру снял, с ног лапы аккуратно отделил. Для котла нужные куски отделил, поставил мясо вариться. Пока свеживал, солнце за горизонт спряталось, уже стемнело. Слышит, братья возвращаются с охоты. Братьев встречать навстречу выбегает. Стоит довольный у двери, улыбается. Братья лыжи охотничьи сняли, свою одежду от снега с неистовством отбивают. Пустые вернулись, ничего не добыли за день в лесу. Никак в их ловушки, в их петли дичь не подходит. Ими Хилы стоит у двери, улыбается. Братья к дому с тёмными лицами входят собираются, и у самых дверей спрашивают младшего:

– Ты чего, сопливый, стоишь у дверей, улыбаешься, будто ты чего добыл, будто в доме всего достаточно?

Заходят братья первыми в дом, он, довольный, идёт за ними и говорит:

– Братья, сейчас я вас покормлю, – и вынимает из чувала полный котёл душистого мяса.

Ставит стол перед братьями, вынимает из котла в хуван дымящееся мясо, подаёт к столу. Поели, попили вместе все три брата и спать легли, уши свернув, глаза закрыв. Отдохнули, наутро вновь братья собираются в лес, проверить свои ловушки. Оделись, обулись, пояса охотничьи закрепили. Ими Хилы бегаёт вокруг них, просится с братьями на охоту:

– Возьмите меня с собой, может, я удачливый, какого-никакого соболя, зверя добудем, вернёмся с урманов с лесной добычей.

Не взяли. Закрепив лыжи на ногах, братья тронулись на охоту. Как ушли братья, Ими Хилы опять решил пошаманить, сел и поёт:

– Соболиная одежда, дорогая, дорогая, звериная одежда, дорогая, дорогая. Кирп нёл тётушка говаривала, большое стадо упитанных лошадей имеет. Всего-то одну лошадь жалко разве со всего табуна? Пусть хоть одну кто-нибудь сам сюда принесёт.

Не успел закончить шаманить, в трубу щёхала кто-то просунул лошадь. Он уже наготове держит старый дедовский топор. Забил лошадь. Взял старый дедовский нож, освежевал животное. Всё сделал, как деды-прадеды когда-то животное свежевали, шкуру снял, с ног лапы аккуратно отделил. Для котла нужные куски отделил, поставил мясо вариться. Пока свежевал, солнце за горизонт спряталось, звёзды на небе высыпали. Стемнело на улице. Слышит, братья возвращаются с охоты. Братьев встречать, навстречу выбегает. Стоит у двери, улыбается им. Братья лыжи охотничьи сняли, от снега отбивают, с неистовством бьют деревянной лопаткой. Значит, опять пустые вернулись, ничего не добыли за день в лесу. Нет у них удачи. Братья заходят в дом и у самых дверей спрашивают младшего:

– Ты чего, сопливый, улыбаешься, будто ты чего добыл, будто в доме всего достаточно?

Заходят братья первыми в дом, он за ними идёт и говорит:

– Братья, смотрите, чего я добыл, – и показывает на полный котёл в чувале. – Сейчас я вас покормлю.

Братья глянули в сторону чувала, говорят:

– И вправду чего-то добыл, котёл уже готов.

Ими Хилы достаёт из чувала полный котёл душистого мяса. Ставит стол перед братьями, вынимает из котла в хуван дымящееся мясо, подаёт братьям. Накормил, напоил братьев, все спать легли, уши свернув, глаза закрыв. Отдохнули, наутро братья говорят:

– Нам сон приснился, братец. Будто, как только мы уйдём на охоту, придёт к тебе женщина. Попросит один кусок оленьего мяса, один кусок коровьего мяса, один кусок конины. Ты только будь умным, не давай ничего, не давай ей мяса.

На этом братья тронулись в соболиные леса, в звериные урманы. Младший брат послушный, ждёт гостью. И правда, вскоре дверь открылась и вошла женщина. Гостья говорит:

– Лапат Пещпи Ими Хилые, говорят, ты у тётушки Кирп нёл животных забрал и у тебя мяса достаточно – и оленины, и говядины, и конины. Дай мне по кусочку поесть.

Ими Хилы берёт старую деревянную кочергу, давно огнём пожжённую, погнал женщину из дому.

– Ийлап-аслап! Чего ходишь, сплетни таскаешь, людей оговариваешь!

А потом сел и думает:

– И вправду, столько еды, человек еды попросил, а я человека даже не покормил.

В доме дела свои сделал, посидел, посидел, вышел на улицу и слышит со стороны деревни Кирп нёл шум, гул. Зашёл в дом, в доме у человека с будущим чего только нет.

Нашёл лыжи, обитые звериной шкурой выдры. Ещё порылся в доме, думая: «В гости схожу, не пустым же иди».

Нашёл старый бабушкин берестяной сосуд с заплечными завязками. Ещё порылся в закромах дома, нашёл кедровые шишки, ссыпал их в берестяной хуры. Закинул за плечи старый, заплесневевший хуры и зашагал в соседнюю деревню. Как шагнул на своих лыжах, за ним ветер Менка, ветер Духов поднялся, так быстро он бежал. Оглянулся назад и, увидев за собой снежный вихрь от своих лыж, подумал: «Ветер, кажется, начинается, лучше бы я дома сидел». Он остановился, и снежный вихрь прекратился.

– Хей, да это от моих лыж метелица поднимается!

И пошёл в деревню, где живёт Кирп нёл ими, где слышен был страшный шум.

– Кажется в деревне Кирп нёл ими беспокойно, кажется, в её селении ужасно шумят.

И пошагал туда. Пришёл в деревню, глядит, его братьев Кирп нёл ими бьёт, то одного колотит, то другого хватает. До крови побила, до крови поколотила. «Ну ладно, пусть пока дерутся», – Ими Хилы сел и задумался. Достал берестяной хуры из-за спины, перед собой поставил. Издалека пришедший, издалека прибывший гость сел, начал орешки кедровые щёлкать. Пока орешки грыз, Кирп нёл ими дерётся с его братьями. Так дрались, что не заметили, как до места, где сидел Ими Хилы, добрались. Кирп нёл ими в азарте пнула ногой берестяной короб с орешками, и старый бабушкин короб на две половинки развалился, поломался. Рассыпались кедровые шишки по земле. Рассердился Ими Хилы, вскочил на ноги и говорит:

– Зачем испортили посуду невинного человека? Если вы дерётесь друг с другом, то и деритесь. От отца-матери оставшийся берестяной хуры поломали. Орехи все рассыпали.

Рассерженный Ими Хилы хватает Кирп нёл ими за ноги и ударяет её об землю. Большеголовую дочь людоедки посадил на кострище. Потом ещё раз забежал в дом Кирп нёл ими и, схватив вторую её дочь, тоже ударил её об землю.

– Если моей сказке, моей песне дальше звучать, – говорит Ими Хилы, – достаточно вы людей мучили, богатством кичились. Из-за нескольких животных людей избивать разве хорошо?

С этих пор богатство горбатой Кирп нёл ими – олени, коровы, лошади – досталось Ими Хилы с братьями. С этих пор живут они с братьями в достатке и в счастье. Всё.

Longortova, Zinaida Viktorovna

Khanty language, Shuryshkar dialect

**IMI KHILY
AND THE THREE CANNIBALS NAMED MENKV**

Imi Khily is an orphan who lives with his grandmother.

He grew up to be careful and hard-working, but he often disobeys his grandmother. Imi Khily helped grandma to chop logs, and brought water from the river. Grandma was delighted with her helper. And so Imi Khily lived. He gained strength and learnt about life. One day, grandmother was chopping soft wooden chips – utlap, and with these woodchips the boy rubbed his face after he washed in the morning. He asked his grandmother to make him a bow and arrow from the wood left over from grandma’s work.

She was glad that her grandson had become independent, and said: “I’ll make you a bow and arrows, it won’t take long to bend a bow and whittle some arrows from this wood. You’re already strong, your arms and legs are sturdy, you’ve grown up.” She made him a bow and arrows. She gave them to Imi Khily, and gave him some very strict instructions:

“Grandson, just don’t go into the dark forest behind our house. Go down the river, the forest there is lighter and there are more animals.” The boy liked to go into the forest to hunt. He proved to be a good hunter, and brought back his grandmother the game he had caught. Only he really wanted to go into the dark forest behind their house.

One day the grandson thought he would visit the forbidden place and find out why grandma didn't let him into the mysterious forest. While grandma was busy, he quickly turned off the path and ran into the dense forest. Imi Khily ran through the thick, mysterious forest, he was afraid, but he didn't think of turning back. Soon the boy reached a hut made out of tree bark. Around the hut, human and animal bones were lying. Imi Khily realized that he had found the house of Menkv – the forest cannibal monster. He could not go away and had to enter the hut. He went in and said hello. Menkv's old wife was sitting in the hut.

"Hello, grandson," Menkv's old wife said happily. "How good that you've come," said Mek imi, seeing him at the threshold. "I'm quite old now. I need a helper. There's no one to chop the wood and bring the water. You'll help me, soon my husband will be here, I'll hide you, because if he sees you he'll eat you."

"What can I do," the boy thought. "He'll eat me then, I can't get away," but he obeyed Menkv's wife and hid under her pillow. Soon the One-headed Menkv returned from the hunt.

"Hey! Wife! My eyes and nose are itching from the human spirit in the hit. I don't need to see it," the cannibal said, sniffing. "It seems grandma's grandson has come to visit, give him to me and I'll eat him," said the one-eyes Menkv.

"Iylap! Aslap!" his wife said. "Don't eat him, I'm old now, there's no one to help me, no one to chop the logs, to bring water, he'll be a good helper to me. I'm not giving him to you! He's still young," said Menkv's old wife.

His wife persuaded him, and he didn't eat Imi Khily. His wife really did need a helper.

"All right! I won't then, you can teach him what to do."

They ate and went to bed. They got up in the morning, and the cannibal said to his wife:

"Give me the boy, I'll go hunting with him. I need a helper in the forest, it's dark for me by myself, I can't cope."

“I’m not giving you the boy, you’ll take him with you into the forest to eat up. He’s not going with you. You take all the people who visit us hunting, and you eat them there, no one has ever come back, I know you. You can’t have him!”

“No, I’m not going to eat him. If you really need him so much, I’ll bring him back home.”

“All right then! Take him, just don’t eat him, remember our agreement,” his wife said. “I really need him around the house, because there’s no one to chop the logs and bring the water.”

They began to prepare for the hunt. The cannibal took a little sled, and loaded an enormous copper pot on to it as wide as seven arms, and they went hunting. Soon they reached the hunting path. At a crossing of two paths, they met the two-headed Menkv, who was very happy to see them, and asked:

“Where are you going?”

“We’re going hunting, to catch squirrels and sable,” one-headed Menkv replied.

“Take me with you, I was going hunting too, it will be more fun with three of us.”

“Well then, come with us!” On they went, the three of them together. The hunters walked on, and at one of the crossings in the path, three-headed Menkv appeared.

“Where are you three men going,” the cannibal asked, pleased to see them.

“We’re going to hunt for squirrels and sable.”

“Take me with you! It’s more fun together!” So three-headed Menkv joined them. They went on together to hunt. Soon they stopped for the night. They built a dwelling of fir branches. They started a fire and prepared food. They ate and went to bed. In the morning, the Menkvs said to Imi Khily:

“Stay in the camp. Where will you find a beast in the forest, how do you know how to catch a sable. Better stay and prepared the logs, get water by melting snow in the pot.”

For a whole day they walked through the forest, they got tired, the tongues stuck to the roofs of their mouths from first, they felt terribly thirsty when they came home. The three Menkvs gathered and went hunting. Imi Khily stayed behind to look after the camp. As soon as the cannibals went hunting, he prepared the logs, collected snow in a huge pot and started a fire. The fire refused to light. Whatever Imi Khily did with the flint, adding bark and dry twigs the fire wouldn't get going. Evening was approaching, and he hadn't even heated the water.

"It's the Menkvs playing tricks," the boy decided. Suddenly he heard twigs rustling above the fire. He looked up. In the tree tops, he saw a sable jumping from branch to branch. He rubbed his old torn gloves that his grandma had sewn together, and the sable fell next to him on to the snow. Imi Khily picked up the sable and put it in his bag. He buried the bag in the snow and went back to light the fire again. A miracle took place. So many sparks went flying from the flint that the fire soon started. The boy had only just managed to warm the water in the pot when he heard the steps of One-headed Menkv. He silently approached the fire, took the pot by the two handles and in one gulp drank all of the melted snowy water.

"Hey! At last my tongue has got wet, I've slaked my thirst." He looked at Imi Khily and said:

"Every day you're getting stronger. Now you're a little weaker than 100 winged Gods, and you're a bit shorter than 100 legged spirits." Once more they began to melt the water over the fire. Soon the Two-headed and Three-headed Menkvs approached. Sables and squirrels hung on their hunting belts. They skinned the sables and squirrels. Imi Khily boiled a full pot of game. The meat was evenly distributed in four bowls. The Menkvs said:

"Let's see who can eat the meat in the bowl the quickest! We'll eat the one who is the slowest, we'll drink his blood."

“The bowls are big and full of meat, how can a small boy eat so much?” Imi Khily said in fright. They started to eat. As soon as the Menkvs got distracted, burying their greedy gaze in the bowls, and swallowing the chunks of meat quickly. Imi Khily grabbed the meat from his bowl and buried it in the snow. Soon his bowl was empty, and he shouted:

“Uncles! I’ve eaten all the meat. My bowl is empty.”

“Hey! You’re getting stronger and stronger,” said the Menkvs. And they went to sleep.

In the morning they said to Imi Khily:

“Stay in the camp, we’ll bring so much game, there’ll be nowhere to put it, you can stay and melt the snow and chop the logs.” After the hunt, their tongues stuck to the top of their mouths from thirst, they were tired after the whole day spent in the forest, and felt very thirsty. The Menkvs went into the forest. Imi Khily prepared the logs, he collected the snow in a large pot, and began to light a fire. The flint didn’t produce a single spark, he couldn’t start a fire at all.

“it’s the two-headed Menkv playing tricks,” Imi Khily decided. He looked up, and there on the tree a sable was jumping from one branch to another. He rubbed his ragged gloves together, and the sable fell down before his feet. The boy put the game in the bag, and buried the bag in the snow. He easily started the fire, and had only just managed to melt the water from the snow, when he saw Two-headed Menkv coming along the hunting path. He hurried to the fire, grabbed the pot, and in one gulp drank all the water.

“That was enough for my stomach! Grandson! I see you’ve gotten stronger. You’re as strong as 100 legged spirits and 100 winged gods.”

Soon all the hunters returned with a rich booty. They had tied sables and squirrels in several circles around their belts. The Menkvs shared out the booty, skinned the sables and

squirrels, and boiled an enormous pot of meat. They dished out the meat into bowls, in four equal portions.

“Grandson! Let’s compete,” said the Menvks. “Let’s see who can eat the meat the quickest! We’ll eat the slowest and drink his blood.” And so they started to eat. The cannibals rushed to finish their meat. They shoved the meat into their mouths, and the fat ran down their arms. They swallowed pieces whole in their greed. Imi Khily, as soon as the Menkvs took their eyes off him to look into the bowls, grabbed the meat and quickly buried it in the snow. He calmly chewed the last piece.

“Uncles! Uncles! My bowl’s empty, I’ve finished.”

“Hey! You’ve got very strong.” And so they went to bed. In the morning the cannibals gathered to hunt.

“Khily! Stay at the camp. Prepare the logs and snow. We have enough game, it’s enough for everyone. We come back from the forest and our tongues are stuck to the roofs of our mouths our of tiredness, we really need water, heat up the snow.”

Imi Khily stayed at the camp. He prepared the logs and snow. He started to light the fire, but couldn’t get it to go. He couldn’t even get a spark to come from the flint. He heard a rustle and looked up, and saw a sable jumping from branch to branch!

“Hey! It’s Three-headed Menkv playing tricks!”

He rubbed his ragged gloves together, and the sable fell into the snow. Imi Khily picked it up and put it into his bag. And he buried the bag in the snow. As soon as he had started to heat the snow, he saw Three-headed Menkv coming, hurrying to the fire, and he grabbed the enormous pot by the handles and with one gulp drank all the water. He said:

“That was just right for my belly. Imi Khily, you have more strength than 100 winged spirits and 100 legged gods.” Soon the other two cannibals returned from the hunt. They skinned the sables and squirrels and boiled a huge pot of meat. They took out the meat and divided it evenly into four bowls.

“Hey! Grandson!” said Three-headed Menkv. “We’ll compete to see who eats the meat the fastest! We’ll eat the one who’s slowest.” And so they started to eat. The Menkvs ate faster and faster, shoving pieces into their mouths whole, hurrying. Imi Khily quickly buried his meat in the snow while the Menkvs weren’t looking, and calmly chewed the last piece.

“Uncles!” Imi Khily shouted. “I’ve already finished, the bowl’s empty.”

The cannibals, disappointed that they were not able to eat the boy, finished off the meat and went to bed.

In the morning, the Menkvs began to prepared to go home, and said:

“That’s enough hunting, where can we put so much booty?” Each one loaded his cart of booty, and tied it up. Imi Khily also took three sable skins from out of the snow and threw them into the sleds.

They all got ready and set off home. They reached the first crossing in the path, where they had met Three-headed Menkv. They stopped.

“I’ll stay here,” said the cannibal. “When you get home, what will you tell your grandmother? Take my booty as a present. She can sew clothes from 100 sables, and sew dishes from 100 sables, and from the rest make a hat.” At the second crossing, Two-headed Menkv said goodbye:

“Grandson! Take the meat as a present for your grandmother. What will you tell her, how will you remember us? She can make clothing from 100 sables, dishes from 100 sables, and make a hat from the rest.” They went on further, and soon they came to the crossing in the path of One-headed Menkv.

“Grandson!” said the cannibal, disappointed that he hadn’t eaten the orphan. “Take everything in my sled. You visited us, and you’ll have nothing to tell your grandmother. She can make

clothes from 100 sables, dishes from 100 sables, and make a hat from the rest of the skins.”

Imi Khily pulled the little sled by the rope and went home. He walked and walked, and suddenly felt that the sled was heavy. It simply wouldn’t budge. He thought:

“It seems to be 100 tricks by the cannibals – if I can’t move the sled, then the Menkvs will eat me.” He remembered grandma’s advice and said:

“If my song is sung for longer, if my tale is told for longer, may my sled become lighter than dry grass, lighter than dry twigs.”

As soon as he had spoken, the sled started to move. Imi Khily ran quickly along the path. He ran and ran, and the sled stopped again. It wouldn’t budge. These were the tricks of the Cannibal’s words again.

“If my tale is told for longer, if my song is sung for longer, may my sled become lighter than dry grass, lighter than dry twigs.”

The sled became light again. The boy ran and ran, and the third time the sled got stuck on the path, but grandma’s magic words worked again, and Imi Khily finally reached grandma’s hut. Grandma had almost gone blind from crying.

“Where have you been, grandson, I ‘ve been looking for you.”

“You didn’t let me out of the house into the dark forest, but I disobeyed you and went there. I fell into the hands of the Menkvs, and they gave me presents. See how much booty ‘ve brought.”

“I told you not to go there. They killed your parents. I was afraid they’d eat you too.”

Since then Imi Khily has lived in the hut with his grandma. That’s all!

IMI KHILY AND UNCLE MENK

Imi Khily lives with his grandma. A fabulous boy like this grows up quickly. As soon as he was old enough, he started playing outside. Once his grandma said to him:

“Grandson! Don’t go behind the house, always play in front of the house.”

The grandson thought: “Why doesn’t grandma let me go behind the house?”

He went out of the hut and slipped behind it. He had walked for a while when he saw the tracks of a wild reindeer. He decided to catch up with it. Who knows how long he followed the tracks of the reindeer? He passed through the tundra, the swamp and caught up with the reindeer. He shot it with an arrow, and the reindeer fell down. As soon as he had caught up with the dead bull reindeer so that he could skin it, he heard the voice of Menk iki behind him.

“Grandson! You shouldn’t have done that, I wanted to catch that reindeer!”

“Aren’t there any more animals in the forest?” replied Imi Khily. “Take it for yourself, if you want.”

“Don’t be angry, grandson!” said Menk Iki. “There’s a big larch tree growing over there, we’ll carry the reindeer carcass there and skin it. Once our forefathers had a sacred site there, we’ll sacrifice it there.”

“I didn’t know that!” replied Imi Khily.

“Take the reindeer and carry it,” the cannibal said to the boy.

“If your ancestors carried reindeer carcasses, then you carry it, I can’t carry it on my own.”

The cannibal threw the reindeer on to his back, and brought it to the place of sacrifice. Soon they came to the sacred larch.

“Well then, grandson, skin the reindeer,” said Menk iki.

“Your ancestors skinned reindeer in this place, you do it,” Imi Khily replied.

There was nothing else for it, Menk iki began to skin the reindeer, soon he had finished with the large buck, and said to the boy:

“Your ancestors skinned reindeer in this place, you do it,” Imi Khily replied.

“Grandson, start a large fire. We’ll cook meat.”

“How do I know how to start a fire, your ancestors made fires here, you do it.”

Menk iki started the fire himself. While he was preparing the fire, he dropped an iron hook for the pot. He dropped it and couldn’t find it. And he looked everywhere for it, but still couldn’t find it, he’d lost it for good. Imi Khily saw that the hook had fallen into the snow and quickly snatched it up, and hid it in his pocket.

Menk iki cut the reindeer into pieces. On one side, he placed the meat for drying, and in another heap he placed the meat for the pot. He put this meat straight into the pot and started cooking it.

“Grandson, place a bowl with meat with hot steam for the ancestors, let their souls eat.”

“You do it yourself for them, how do I know how to do it?”

The cannibal placed the bowl of meat for the spirits himself.

“Listen to me, grandson, here by the larch we have a custom. We compete to see who is the quickest to eat. The one who is slowest is tied to the larch by the winner.”

Imi Khily looked around, and saw human bones by the tree, and skulls scattered around. He said nothing. He looked at Menk iki and listened to him. They sat down to eat fresh, raw meat, each of them had his own bowl. Menk iki turned his back to the boy, and started eating quickly. Imi Khily ate some of the meat,

then threw it into the snow, and cut off a second piece of meat, and buried it in the snow. The cannibal sat with his back to the boy and swallowed every bone. Imi Khily saw that Menk iki had little meat left, and shouted to him:

“I’ve already eaten all the meat!”

“That was quick, I haven’t finished all of mine yet.”

“You lost. Get up, I’ll tie you to the larch tree.”

“What’s the hurry, we haven’t got to the pot yet. We haven’t taken the meat out of the pot. Let’s see who wins,” replied Menk iki.

Soon the meat was ready.

“Grandson, take the meat out of the pot and put it in the bowls.”

“Your ancestor took the meat out of the pot. How should I know what to do?” the boy replied.

The cannibal dished out two equal portions of meat into the bowls.

“Take the bowls, grandchild, we’re going to eat.”

“How should I know how to take bowls of meat in a holy place, you take it.”

Menk iki took the bowls and placed them before the spirits. After making the offering to the gods, he gave one bowl to the boy and took the other for himself. Menk iki turned his back to the boy and sat down to eat. The boy took one piece and threw it away, then a second piece and hid it in the snow. Menk iki hurried to swallow every bone. He swallowed large pieces, to eat everything before the boy did. The boy looked, and Menk iki had a little meat left in his bowl, and shouted:

“I’ve already eaten it all up, the meat’s gone.”

“How do you eat so quickly, I haven’t even finished. Well, if you’re that quick, tie me up. Only according to custom, first we tie up the person who is younger.”

Iki Khily obeyed and stood against the tree. Menk iki wove a rope from sedge, wove a rope from grass, and tied the boy to the tree.

“Right then, grandson, move!”

The boy moved slightly, but could not tear himself away.

“Pull hard, the larch tree hasn’t even budged,” the cannibal said.

He pulled and pulled again, but couldn’t break the ropes.

“Why are you so weak? People will laugh at me for tying up such a weak boy. We Menki are tied up and we break free in such a way that the tree shakes.”

Imi Khily began tugging so hard that all the ropes came undone.

“Uncle, stand next to the tree, now I’ll tie you up. My time is up, I got free.”

Menk iki stood next to the tree. Imi Khily began to tie him to the tree above his stomach with a rope of grass, and a rope of sedge. While Menk iki wasn’t looking, he took out an iron chain from his pocket, and tied Menk iki tightly to the larch tree.

“Yaaa! Move!”

Menk iki tried to break free, but couldn’t budge, it was hard for him.

“You can’t break free, uncle, move again.”

Menk iki strained and strained but couldn’t break free. The tree shook, the tops of the larch shook as if in the wind, but Menk iki couldn’t break the chain which was attached to the tree.

“You said that when Menki break ropes, the earth around shakes, why are you so weak?” Imi Khily asked.

Menk iki began shaking the tree so hard that it seemed that the tops of the larch would break, and the tree roots seemed to tear themselves out of the ground. Imi Khily approached in fear and said:

“Well then, uncle. How many people have you wronged, how many have you killed? Now stand by the tree yourself, until your black head becomes the color of a white seagull, until it pales to the color of an Ob seagull.”

Menk iki tried and tried to break out his chains, but could not. Imi Khily gathered up the pieces of meat from under the snow, put them in his parka and strode back to his house.

“Stay here, stay here until you die!”

When he came home, grandma was still asleep.

“Grandma! I’m home!”

“Where have you been all this time, grandson?”

“I went behind the house and caught a bull reindeer. Meni iki called me to the sacred place, and I tied him there to a tree.”

“Tsk-tsk!” grandma said. “What have you done, why did you tie him up? Your ancestors all died at his hands. No one remained alive beside that sacred tree, you alone survived by a miracle. Go and untie him, go on.”

“I’m not going there at night. I’ll go there in the morning and untie him.”

Imim Khily had a good supper and went to sleep. In the morning, grandma woke him up and sent him to the sacred larch. He went into the forest, and from a distance he decided to see what Menk iki was doing. He took a long, but in the place where they had made the offering to the spirits on the previous day, there was no larch tree. The tree had been enormous. He went closer and saw that Menk iki had torn out the tree by the roots. He had torn it so hard that a bloody trail from it was left behind. The boy followed this bloody trail. Menk iki had torn the tree roots, and dug up all the earth around him. The boy walked along the dug-up path, and only found the tree, but did not find Menk iki. Someone had set him free. The boy thought:

“Who let him go?”

He kept following Menk iki's bloody trail. He walked and walked, following the trail, and reached an old, old hut, overgrown with moss. He climbed on to the roof, and looked down the chimney into the house, and listened. Menk iki was screaming and groaning:

"If that mongrel's spawn Imi Khily were here, I'd drink all his blood."

When he heard these words, Imi Khily entered the hut.

"Uncle! I'm here!"

"Grandson! What miracle brought you here?" Menk iki asked, calming down.

"What happened to you, uncle, that made you groan so loudly, and shout so loudly?"

"I'm ill. I'm dying! Either we didn't skin the reindeer properly, and I ate something that was bad for me, or we didn't make the offering to the Gods in the right way."

"That's right, you were fine yesterday, what went wrong?"

"I know, grandson, I suddenly felt so bad, an illness gripped me."

Then he said to his wife:

"We have a guest. Can't you see, the grandson's come to visit us. Go outside, get the shoulder meat of the reindeer slaughtered in the leafy season, and the back fat of a reindeer slaughtered in autumn. You see, we have a guest." Menk's wife went out, and brought the reindeer meat and the back fat. She set the table, with plenty of reindeer meat. She started the fire and put the meat on to cook. Menk iki began to feed the boy, groaning and sighing. The boy ate the raw meat and said:

"Uncle, it's getting dark soon, I'll go home, grandma is waiting for me."

"What are you saying? What's the hurry, we haven't taken the meat out of the pot yet, we'll eat the meat, and then you can go. When the day is over."

The boy waited for the meat to cook, and they ate and drank again. He said once more:

“I’ll go home now, it will be dark soon.”

“Where are you going, grandson, there are so many wicked creatures in the forest. Go to bed, you can go to home tomorrow morning. There are so many wicked creatures out there, they’ll catch you and take you away, how will I find you?”

“All right then, I’ll spend the night then, it really is getting dark out there.”

Everyone went to bed. Menk iki lay in his place, and put the grandson to bed in the place of honor. The Menki put their own son to bed as well.

Imi Khily lay there and could not fall asleep. At night he heard Menk iki get up and go to the door, and start rummaging around there for something. He put on his boots sewn from dog hide. As soon as he put them on, the soles started barking, and he quickly took them off. He put on boots of fox hide. The soles started yelping, and he quickly took them and tossed them away.

“Stop that barking. You’ll wake up the beast I want to kill.” He put on wolverine hide boots, and they started hissing. He took them off. He put on boots of wolf hide, and they started howling. He threw them away, and put on boots sewn from the hide of arctic foxes. Wherever you stepped, there was silence, wherever you walked, nothing could be heard. Imi Khily saw that Menk iki was going outside. He could hear him climbing on the roof. He lowered a fishing rod down through the chimney. Imi Khily quickly moved to the place of Menk iki’s son. He rolled their son Vusy Karylenki into his own place. He calmly lay down in the place of Menk iki’s son and fell asleep. The rod lowered, and caught Menk’s son right on the jaw. The father pulled up the son. He shouted:

“Father! Don’t touch me, don’t kill me, I’m your son!”

Menk iki pulled him in, and hit him on the head with an axe. With great pleasure, he quickly drank the boy's blood and ate his brains.

"Oho, ho! That seems to be my blood!" Menk iki said in bewilderment.

Imi Khily woke up in the morning and shouted from below.

"Uncle, what happened to you, why did you kill your only son?"

"He disobeyed me! A guest came to the house, and he took the best pieces from the table away from him. He won't do that again," said Menk iki, confused.

The cannibal got down from the roof and said:

"Grandson! I can't manage alone. Help me to bury my son."

They found a suitable tree and began to prepare a coffin for Menk iki's son. Imi Khily took Menk iki's axe to cut down a tree for the coffin, but the axe was blunt, and the blade would not cut into the wood. Menk iki said to Imi Khily:

"Go back into the house, there's a sharpener in the corner, ask auntie Menk imi for it."

Imi Khily pretended to go into the house. He hid among the fir trees and stood waiting. After a while he came back.

"Auntie can't hear me, she's mourning her son."

Menk iki said nothing. Then he replied:

"Speak louder, she's quite deaf, she can't hear anything."

Imi Khily went off again and hid among the fir trees. After standing there for a while, he came back.

"Auntie is very angry, she doesn't want to hear anything."

"Is that what she says? Take the hammer by the water buckets and hit her with it gently."

At these words, Imi Khily ran into the hut. He grabbed the hammer and hit Menk iki's wife in the head with all his might. Menk iki's wife died instantly. He went back to the cannibal and said:

“Uncle! You tricked me, I hit the auntie gently, but she fell down and died.”

“We’ll make a second coffin, we have to bury them both,” said Menk iki, distraught.

They went to chop down another tree. They prepared a second coffin.

“Grandson, get in this coffin, see if it’s the right size or too small.”

“It’s your wife, you know how tall she is. You’re probably the same height. You get in and let’s see.”

“That’s right, she’s probably the same height as me.”

Menk iki lay in the coffin to try it out. Imi Khily said:

“Uncle! Close your eyes, dust will get in your eyes and blind you, I’ll adjust things here a bit.”

Menk iki closed his eyes, and Imi Khily swung the axe and cut off the cannibal’s head. Imi Khily then took all of Menk iki’s possessions. He gathered the reindeer and drove them towards his hut. He entered, and saw that there was just one coal smoldering in the fire, and his grandmother’s eyes were all swollen from crying. He said to his grandma:

“I’ve killed Menk iki. He won’t wrong anyone ever again. He won’t kill anyone.”

Imi Khily lives with his grandmother to this day with this wealth. That’s all.

IMI KHILY AND HIS BROTHERS

There brothers lived together. Who knows when they lost their mother and father? The two elder brothers go to hunt sables and squirrels every day. It is also uncertain whether they catch sables and squirrels, or catch nothing at all. They live poorly, in need and in suffering. And so they lead a life of torment. The youngest brother stays behind to look after the hut. Every day he asks the brothers if he can go hunting:

“Brothers, can I go walking in the forest with you? Maybe together we’ll catch something – an animal that we can eat.”

His brothers don’t take him hunting. The youngest brother stays behind to look after the hut. He keeps the fire going and makes tea. When the brothers have gone to hunt sables and squirrels in the forest, Imi Khily thinks:

“I can’t just sit here starving. Perhaps I can do some shaman’s magic.”

He thought and started casting a spell:

“Sable clothes, very dear, animal clothes, very dear. Auntie Kirp Nyol said she has a big herd of well-fed reindeer. Will one reindeer from the entire herd be missed? Let someone bring one of them here.”

As soon as he had stopped the spell, he heard a rustling noise in the chimney, and a reindeer appeared. He found his old grandfather’s axe and slaughtered the reindeer. He ran around the hut again, found grandfather’s old knife in a sheath, and skinned the reindeer. He did it all the way that his ancestors had once skinned animals, he removed the hide and carefully skinned the legs. He laid aside the right pieces of meat for the pot, and left the delicious pieces to be eaten raw. He put the meat on to boil. While he was skinning the reindeer, it had grown dark. He heard his brothers coming back from the hunt. He came out

to meet them. He stood by the door. The brothers beat the snow off their clothes in anger. This could only mean that they had come back empty-handed. They could never catch beasts in the woods. He stood by the door, smiling. His brothers said to him nastily:

“What are you standing there smiling for, you little snot-nose as if you’d caught something, as if there were plenty of food in the house?”

The brothers went in, and he said:

“This is what I’ve got today,” and showed them the full pot of meat.

Happy, he laid the table, and dished out the delicious pieces of raw meat. After they had eaten this, he took the cooked meat out of the pot and put it on the table. After eating and drinking, the brothers went to bed. When they had rested, the brothers went to hunt again. They put on their coats and boots and tied their belts. Imi Khily asked to go hunting with them, but again they refused to take him with them. They put on their skies and raced off into the forest. As soon as the brothers had gone hunting, Imi Khily decided to cast a shaman’s spell again.

“Sable clothes, very dear, animal clothes, very dear. Auntie Kirp Nyol said she had a big herd, with well-fed cows. One cow from the entire herd will not be missed, let someone bring one of them here.”

As soon as he had finished the spell, there was a rustling noise in the chimney, and a cow appeared. His grandfather’s old axe was already near at hand, and he slaughtered the cow. He took his grandfather’s old knife and skinned the cow. He did it all as his ancestors had once skinned animals, he removed the hide, and carefully took the skin off the legs. He set aside the right pieces for the pot and put the meat on the boil. While he was skinning the cow, the sun went down, and it was getting dark. He heard the brothers coming back from the hunt. He ran

out to meet them. He stood there smiling by the door, happy. His brothers took off their hunting skies, and beat the snow off their clothes in fury. They'd come back empty-handed again, they'd caught nothing in the forest all day. The animals wouldn't fall into their traps. Imi Khily stood by the door smiling. The brothers came to the house with gloomy faces, and they asked their younger brother at the door:

“What are you standing by the door and smiling for, you little snot-nose as if you'd caught something, as if there were plenty of food in the house?”

The brothers went into the house, and he followed them and said happily:

“Brothers, now I'm going to feed you,” and he took a full pot of fragrant meat out of the fireplace.

He laid the table, and took the steaming meat out of the pot, and dished it out. The three brothers ate and drank, and went to sleep, shutting their eyes and covering their ears. After they rested, the two brothers once more prepared to go to the forest to check their traps. They put on their coats and boots, and tightened their hunting belts. Imi Khily asked them to take him with them:

“Take me with you, maybe I'm lucky, we'll catch a sable or some other beast, we'll return from the forest with booty.”

They didn't take him with them. They put on their skies and set off. As soon as the brothers had left, Imi Khily once more cast a shaman's spell, he sat and sang:

“Clothes of sable, very dear, clothes of beasts' hides, very dear. Auntie Kirp Nyol said she had a large herd of well-fed horses. Will one horse from the whole herd be missed, let someone bring one here.”

As soon as he had finished the spell, there was a rustle in the chimney, and a horse appeared. Imi Khily already had grandfather's old axe at the ready. He slaughtered the horse.

He took grandfather's old knife and skinned the animal. He did everything the way his ancestors had once skinned animals, he removed the hide, and carefully removed the skin from the legs. He separated the right pieces for the pot, and put the meat on the boil. While he was skinning the horse, the sun went down, and stars appeared in the sky. It was dark outside. He heard the brothers coming back from the hunt. He ran out to meet them. He stood by the door smiling at them. The brothers took off their hunting skies and beat the snow off them, furiously beating with the wooden spade. This could only mean that they had returned empty-handed again, they had not caught anything in the forest. The brothers came into the house, and at the door they said to their youngest brother:

“What are you smiling for, snot-nose, as if you'd caught something, as if there were plenty in the house?”

The brothers went into the house, and he followed them and said:

“Brothers, look what I caught,” and showed them the full pot in the fireplace. Now I'll feed you.

The brothers looked at the pot and said:

“You really did get something, the pot's ready.”

Imi Khily took the full pot of fragrant meat out of the fireplace. He laid the table, took the steaming meat out of the pot and dished it out to the brothers. They ate and drank, and went to bed, covering their ears and closing their eyes. After they had rested, in the morning the two elder brothers said:

“We had a dream, little brother. We dreamt that as soon as we go hunting, a woman comes to you. She asks for a piece of reindeer meat, a piece of beef and a piece of horse meat. But be smart, don't give her anything, don't give her meat.”

And so the brothers set off for the woods of sable, to the forests of beasts. The youngest brother waited for a guest patiently. And indeed, soon the door opened and a woman came in. She said:

“Lapat Peshchpi Imi Khily, they say you took animals from Auntie Kirp Nyol and that you have plenty of meat – reindeer meat, beef and horse meat. Give me a piece to eat.”

Imi Khily took an old wooden poker that had been burnt away by fire, and pushed the woman out of the house.

“Iylap-aslap! Why do you go around gossiping, trying to get your way with people!”

And then he sat down and thought:

“But I really do have so much food, a person asked for it and I didn’t even feed him.”

He did his chores in the house, he sat and sat, then went outside and heard noises from Kirp Nyol’s village. He went into the house, which was cluttered with all kinds of things, and found skies wrapped in otter hide. He rummaged around the house a bit more, thinking: “If I’m going to make a visit, then I should take something with me.”

He found grandmother’s old bark vessel with shoulder straps. He rummaged around in the house a bit more, and found cedar nuts, and poured them into the bark vessel. He put the old vessel over his shoulders and set out for the next village. As soon as he put on his skies, the wind of Menk, the wind of the Spirits rose up, as fast as he skied. He looked behind him and saw a snowstorm rising up from his skies, and thought: “It looks like the wind is starting, I should have stayed at home.” He stopped, and the snowstorm also stopped.

“Hey, the snowstorm was caused by my skies!”

And he went to the village where Kirp nyol imi lived, where the terrible noise could be heard.

“It seems things are restless in the village of Kirp nyol imi, it seems there’s a terrible noise in her town.”

And so he headed there. When he reached the village, he saw that Kirp nyol imi was beating his brothers, punching one and pushing another. She beat them until they bled. “Let them fight,”

Imi Khily thought, and sat down. He took the bark flask off his back and put it in front of him. The guest who had come from a long way began to crack open the cedar nuts with his teeth. While he was eating the nuts, Kirp nyol imi kept fighting with his brothers. They fought so much that they didn't notice that they had reached the place where Imi Khily was sitting. Kirp nyol imi didn't notice that she had kicked over the bark flask holding the nuts, and grandma's old bark casket broke in two. The cedar nuts scattered on the ground. Imi Khily got angry, jumped to his feet and said:

“Why are you breaking the casket of an innocent man? If you are fighting among yourselves, then fight among yourselves. Why did you break this bark casket that was left by my parents? The nuts have scattered everywhere.”

Furious, Imi Khily grabbed Kirp nyol imi by her legs and bashed her against the ground. He put the cannibal's large-headed daughter on the fire. Then he once more ran into Kirp nyol imi's house, and grabbing her other daughter, also bashed her against the ground.

“If my tale, if my song is to be heard for longer,” said Imi Khily. “Haven't you tormented enough people, and boasted of your wealth, is it good to beat people over a few animals?”

Then the wealth of the hump-backed Kirp nyol imi – reindeer, cows, horses – went to Imi Khily and his brothers. Ever since, the brothers have lived in prosperity and happiness. That's all.

Пяк Маргарита Откалевна

Ненецкий язык

ХАЙВЭ

Нюртей пеляда

Нюртей пелянда' нерденя вэ"

Ѓоб паҗонанда мэна ненэць' сяни ёҗорэй лаханумби: «Ниҗэ, тюкорим' ханаҗгуни', җопойриҗэ сита' тандаҗгуни'».

Лахана нятада җэва хэдоре хасава. Тикы директор – школа' җарка ерв. Директор җоб' тарем' лахана, хонаркурць варемда мэҗа: «Ненэся сававна тасласар? Гошам' ханаванзь мэн? Пыда ёльце сававна тохолку. Ѓопой «тетрида», сём' мэлва урокарина тарцям' нямвысь. Тадҗо җэсьҗо яланда ю" няхар" поданё...».

– Ѓани похона мале' ю" тетҗэ ханда, – хасава сянпой тарем' вахалй", – мале' җарка җацеки.

Лаханакуртаха' хэвхана сава мальцям' мэта ядциетана вэсакоця ядесумби. Лы ламдикако Кольчу вэсако – тикы нюмдя хосаяна хасава' нися. Пыда нюхунда төрей":

– Хадри җэя, таросиди" вэталамби лусар, ятнахава"!

Школа' ерв җамгэв' пират мунзьмахаданда җани' вахалй": «Вуле нянда' е"эйҗэ Владикри' ханадима'. Пыдвада паднава' ня ниҗа. Маси хойхана мыв' ня җэбсу».

Хасава нися вэсакохонда' җани' хонаркулы":

– Владикм' тамби. Ханзер җэҗгува"?

Вэсакоця тарцям' намда сянпой җэвамда парпа пя:

– Лусан' ман: «Харна" серма", харна" нюва"».

Гоша вули” маямба емборма’ ян’ (раздевалкан’) сюрвы. Нисянда тэвравы пивахата саҗода хамы: тикыда җарка ненэця пивадарев паңгалмы темсавэй”, мэлари толха”. Хасава җацеки мальцямда серхая пин’ тарпы. Интернат’ хэвхана няхар” хан сярвы”. Ханамда валманда’ сер Гоша пад-нана няхата” сидер’ сивня сылы, падна нямы нида” пудана ёҗорэй саҗона синдэйда. Нида” партыто’ тяхана җамды”, падаркато’ сырҗа”. Җоб сяр’ мэван’ җацеки идя вома, лакри’ ихинянда ма: «Владькакуи җани’ сендя’ мюня нунакы. Тетрадьни нянда мип”ни сава җэрхавынё».

Ханодо’ совхоз’ контора’ ядувна валъядо’. Хэвандо’ нерня лавкан’ тю”, җаврадамдо’ тэмда”. Тикахавад җэдалаяд”. Гоша нисянда’ пуд миҗа, ирида таныртадрев пунына җэдалы.

Кольчу вэсако җэдалёда хасава җацекеҗ сылаҗга тари’ ванерабты: «Нюми харта пирҗада! Иб җод мэцида сатари, вэбтыдартари ты”».

Сянад хунад мимбандо’ җод сехэрэдо’ тари’ хайна. Нумда пэвсюмя’ сер я поҗгана сеҗга тасладо’. Иридо’ манма: «Пэр-цява” ява” тамна’ хубта. Сяйма’ ёльцҗэ хая».

Гоша сянпой хананда’ нид санэй”, сэби мала. Тодабця тухуна сяндо’ едм’ пире”.

Вэсако нюндя’ нюн’ вахалй”: «Гошаа, теда’ пыдар мале’ җарман. Маньен сэвни” вома”, җамгэхэртм’ нидм’ мание. Нисянанд, хасава няханат, не няханат нядма тара. Малҗэ” нянд’ е”энава”».

Тикы’ пуд нисяда хасава нюхунда сылы”:

– Мякна” тэвмахадана” ты” лекаран’ хантадм’, сит’ ваде-тадм’. Пыда тидари’ ты” пэртя’ нядмаҗэ сит’ падбата тара. Пунав’ ненэйвана совхоз’ манзаранаҗэ хантан, манзарани’ падарм’ конторахана мямҗун. Нюдяко нид” вадаба тара”. Җани’ мэхэна җарка пэвдей’ ирыхына Владикамд, не няхаюд’ каникулахато’ харт хосаяҗгуд. Теда’ сехэрэр сомбовна тохоллад.

Гоша ядембада сяйм' нэрпа ирихиюта-нисяхаюта' ня мюнзипой инзелесь. Ханяңэхэна нянди' сылахая нэвамда туемласеты.

– Паднавав хадри' нэя, мякнана" падарма" жока". Ёльце' харвабананд ныланаванд' ёльцеңгана тикыд толабаңгун, – Кольчу вэсако тамна' тяха пэрңада, – мань паднавам', луца' вадам' ехэранаңэ ханзеркав синдтет" ю" похони тэыванё. Хойхана мэва саць сава. Тадр'и ңарамдан, харт мяд' ервңэ хантан.

– Та, мась нэё лахарё ңабтамба, – Онтли манив, – ятна тара, небяр ңатена.

Небянда ңатенавам' намда Гоша сейда сума, маймба пэй". Ихинянда ма: «Нэё, харебт сяхари ңани' падна хантанакэдм'. Маси' сельбя' няна нисями е"эйдани хойхана Владькам' хаиребцу».

Пэввата ңод тамна' тяха нэдалаяд". Мэтидо' тыдо' мято' ңабт' ед нявата нэкалпидо'. Маямбададарев мято' ханяна нэвам' харто' теневадо'. Хасава ңацеке тарцям' мание тари' ванерабты: пыда хой илам' вуни ехэра, нюртей яля вуни хан' ни ңамд. Илева' ямбан ңыхы яхад миндя ты мята хахаялп яңгада ңарворңа.

Нерняна вэн төревондо'. Гоша сейда саць ңаркавна тоярць пэй". Тыда ңаркамбовна хареба пяйда, тыда хареба-ванда' сер харта сеянда' мунм' намдорта толха.

Сяхари тохолкомахадандо' тона нюда небыдо' нё' си' хэвхана ңатесетыда. Ңыхы яхад нэдалёди манэпата нерденандо' нултава' ёльценд тикана нусеты.

Теда ңобтики тарем' ңатенась. Корамда пятахая, нюдяко ңацекеыда" хонабтахая нултаванди" ңателңа. Мяд' мюня небямда нядабада мат" похонанда мэна не ңацекеы. Мар"на нюдя ңэбта ңод вырэйдаван харва, нернанда хонаван нись харва. Тадхав' нултавы нидо' мят тю". Мар"на некамда манэць тю"у юрки, хонарко пэй":

– Мальцяр тад, пибид янґас, пон мимеданё”, Һарханда сэрасавэйн.

Тикы’ пуд пухуцякодарев подёмда Һыхыяхад нэкалґада, хыди” лабтэйм’ хусупа пя. Неканда хыдыам’ тикана нида ху, небямда хонрамба пя:

– Гошана” хиди ханя мэсэд?

Һораць Һамдыд”. Ва”ав’ еркана Һамдёда Онтли’ синяґы хэван’ Кольчу вэсако Һамды, Гоша небяхаюта-нисяхаюта’ поґгана мэ. Яване Һоб’ тарем’ Һораць пэй”, паднана нютя’ ня”амна хонарку. Хардахана мэнадо’ Һяхарто’: Владик, тад-дикахад сидя пебянийха’ Сандра няби Майма.

– Не Һацекэхэ’ хуркаха’? Маймакуим’ тяхакуй тотрем’ Һани’ пидвэдо’ нидёґа”? Паднахарта пиртакэди’? Сандрам’ нямда маниеванзь табедасара”?

– Тикахаюд’ ёльце’ сававна паднаґаха’. Маймахов тедав’ Һэванда тар” тамна ямбумаць” – Һэбт’ саилаха ни Һа. Сандра хусувэй яля Маймам’ танёмба варемда мэґа.

– Пыдвади’ Һотаґо Һопой классахана мэґамаха’. Владиккуи хурка Һэдакы? Тедав’ евакодрев Һопойкуиґэ парта’ тяхана Һамдёда. Пыдар’ сиципой хибя сита’ нядаґу? – неко-цяи паднана хасава нюндя’ ед’ тарем’ ма.

Онтли са”Һомда тю”у мэ, вахалй”:

– Хурка Һыґу? Гоша тикана мэва’ маляґгартана вэн-зер паднасенё, теда Һопойґэ Һамгэхэртм’ нись пэраць Һани’ пиртада.

Һод ялянда Һадимзь нисяда Гошам’ тю”у парталада:

– Тайку Һа! Иринд пи” манзаяман’ тэхэни’ хэхэни’. Ты” мала тара, тадри’ хабартава (забойка) Һэґу. Пуна ва” няю хантани’, мэма’ няю хамэда тара.

Яване юркутана нюмдя манэць мата мэтам’ (рукомой-никм’) тердемба пя. Нерде’ ханюй идм’ вадта, ядембада икня нядада.

Тарцям’ манэць Онтли лаханавдавэй хаёвоґганданда ма:

– Ненэй авэт сид? Нюмд тамна ҺацекеҺэ пэрҺар, пин’ хэҺэ сята сырана масадамдава!

Сяймдо’ сянпой Һамадо’. Ты” ня’ хэвандяха’ ханоди’ поде- рҺаха’, ва”ад’ няюна тарава толха Һаво пэҺаха’. Һэдалайха’.

Тарць” ямбахана Кольчу вэсако мале” поёрмамда ёльце- дась, мэвыда пида мяканда тэврэйдась.

Малкуртахаюдо’ яля’ ямбан юҺгухунзь’. Пэвсюмя’ няна малавы тыди’ няхар” юр” мянҺэ хаясь.

– Тамна Һанихибидо хахая мыҺгу, харту тутама, – Онтли нюхунда тарем ма, – хуняҺы яляхад харт тэХэт ханмандан. Сырвць тара. Сармик Һамгэ танянакы. Ты лекар луцамд нянанд ханаир. Пыда масиёда моёҺая.

Тамна пэвсюмя’ някуна ва”ат’ тэвыХы’. Таняна няму- ванда (сертаванда) манрзя” Һокаркай”. Сяйманзь таслади’. Тодабця’ тухуна тодаҺаха’. Сяянди’ пиннан неры нянанди’ содавы Һавради’ нэкалҺаха’.

– Нин пэда? – нисяда нюмдя’ хонра. Сяхари’ Онтли лаха- накурпата Һока вадам’ мэта нись Һа.

– ЮҺго, – Гоша тарем’ ма. ИбҺгод пэдабцоходанда пыХы- дада сита’ таси’ нэкалпада толхась.

– Тикахавана сава. Тад’ нерня саваривна илеҺгува”.

Һоромахаданди’ ханоди’ пяхана пэйди’, тодоти’ хурумэҺэ хая. Ялянда пэвсюмя’ няна мяканди’ тэвыХынзь’. Небядо’ едм’ пиремяхаданда, нюдяко ҺацекеҺа хонабтамахаданда ламп’ яляхана сюдбязко хобам’ напвы. Иридо’ сэбахат сянако ты” есьпавы.

– Манзьвани’ тада пи” хурумым” Һонанинзь’. Вадм’ сер- таба мэтына”, – хасава ҺацекеҺа паромбари вахалй”.

– Мань севэйни хубтахаана ялэвомахаданда манэинась, – ванерабцё Кольчу вэсако ма.

– Интернатхавана мале” Һана хонавыд” нид Һа”, – индя’ Һыламна Гоша тарем’ ибидорҺа. Тикахавад Һэ” мунзи сянпой сита’ талевы.

– Тадхав’ едэй манзаранадава” җадимя, – Онтли’ мяд нёсивня Казимирыч җадимя. Тикы ты” лекар, – теда’ хардан’ рациявана лаханакурҗадамзь. Тидари Гошам’ няданзюртаңэ пададонзь”. Конторахад забойкан’ тобнандо’ тикана пид-тямямда җабтаңгуда. Гошава” тей яляхад манзаранаңэ толы. Тикавахана тюку яля едэй манзаранахана нидам’ ядерт. Ембманзь хантадм’.

Ты” лекарм’ җысы’ тер” малңэ Казимирычңэ пэрцетыдо’. Пыда Украина’ няд товы ненэцянд. Танянанда җарка маркана илевысь. Пыхыдамда етри’ ёхобортаңэ толабаванда’ нид пэдаравна җопойңэ сяхаңгарт ни ядерцету. Хардахартан’ харта хэсь нидась пирас. Ибҗод недарма тари’ вэръя. Ханзер соя”ма яхаданда җэрм’ ня тэввамда хибяхартан нида вадецету. Җопой нара җысы’ тер ненэця”, пухуцяда мэкад серм’ хамедасеты: Казимирыч ханзеркав ханта толаха җэсеты.

– Неро’ малкэцям’ маляда, исавэй хидя’ мю җабтада. Такы ти, толь’ ний җамдёда, – пухуцяда сэвда” җарамдахая тёняңы нехэ” тарем’ вэсакомда’ вадёҗадась,- тэхэ” хэванда’ нерня ялянана имбытм’ серыби, таддикахад җамдэсавэй толь’ синдмям’ выкпи. Вэсакоховами тарси мэкад җэвононда Зоотехниканда’ ня Гоша тамна’ няхар” юр” мян тым’ җокаюм’ җэсын’ тэвраҗаханзь’. Хасава җацекеы нямда дядя Славаңэ пэрҗадась. Луцада лаханако няңэ саць савась: иликатсеты, хыноцеты. Сяйма’ ёльцеңгана соя”ма янда’ нямна лаханакурцеты.

– Гошов, яни’ няңы саць сомбой. Ненэйвавна нара’ няна сава: хусувэй җамдэр, пяр илеңга. Хуркари җоди” тэнз” вадюрҗа”. Яблокхав” саць җамнялыма”. Садкуива” тюку ян’ манэкава нюдярива. Хурка җэбта җод таняна вадёнана грушар груша, яблочар яблок.

– Манзяв манзетыдм’ яблок” заводахад, фабрикахад тэврамбадакыдо’, – хасава җацекеы пыянда’ җыл сыраць тарем’ ма.

Ты” лекар саңомда’ тю”у мэда, Һацекэн’ сылахая вахалй”:
– Хасавов, тохолкова серквамд’ тарси’ хаехэвабат нись тара.

Тадхав ва”амдо’ мер сертадо’. Казимирыч яляна сидя ёңорэй конторахана лаханакурцеты. Сян яля’ пиркана ты” толабада товандац”. Бригадахана мэна тет хасава” хусувэй пэвсюмя’ няна Онтли’ мят’ тюңгасеты”. Тикы нядо’ мале пон бригадирңэ тарась. Пыдо’ тыдо’ малавандо’, тамна сянандо’ юңгова’ нямна тасалкосеты”. Ихинандо’ мал” маланарахай-донзь”, Һани’ юңголкабтанано’ юңгода толхась.

– Ханя, тедав’ едэй манзарана нив тания, Һокавнивам”, – Германм’ нубета Һоб хынибэй ты” пэрця тарем’ ма.

Һарка ненэцяңгана хабартава ты” нисерма’ тотрев саць сата манзая. Һопой Һацекэхэна тикы сер” илека. Пыдо’ Һокая ненэцие’ поңгана письито’ хэрнари”. Тамна ханяңы товы ненэцяңгад Һамнялада Һавраком’ ханя ху”. Гоша хабарта-вам’ Һоб тарем’ саць харвобтадась. Небой по’ ёльценд тари’ Һамгэ’ мянувна няданзюртаңэ тарасеты. Тедав Һарка ненэ-сяндрев тадэй манзаранаңэ тарась. Кольчу вэсако ванерабцё нюхунда’ лаханась:

– Тиканда пирма’ сер Һар? Һудани’ терңэ Һоб суляко-дами’ недвоць пиртан?

– Ханяда пирас! Манзараванзь товы нив Һа, – нюндя’ е”эйңэ небяда тарем’ вахалй”, – хуняна Һокая ненэця” тута”, хусувэнд нямувндада Һока Һэңгу.

Тикы яля Һысы’ тер’ хасава” малңэ ва”ад’ няю хая”. Ты” лекар Казимирыч пухуцямда нянанда сода. Манив Һавар” пиремпадаңэ тараңгу, тованда хибя” харта Һокаркаи. Нерде’ тыдо’ толэйдо’, тикы’ пуд хабармандидо’ тэра”.

Ва”ат’ нултадо’. Гоша тарем’ сырпата сидя лакри мярвы мяк’, луца’ панытана ненэцие’ манэңа. Ты” ва”ад’ мяня мяхара нявотарңа”. Хавамдо’ теневанадарев нито’ пумна Һоб понзипой сюра”. Гошан’ Һарка нида” пя латакоцям’ миңа”:

пыда толаңгода манзаям' минреңгу. Хабартана ненэця" ты" ноб понзипой нямарпа пяйдо'. Пудоёмахадандо' сянпой етя сертавы площадкахана хабарпидо'. Тусыёдо' пялаха" ныдабидо'. Тикы пуд ты" лекар" һамзи" сомбовна ханзерпидо', манэ"сомахадандо' штапахана ненадумдамбидо'. Толаңгова манзая Гошам' һосабтада. Хасава һацекеы толаңго мэта латамда' ирихинда микъя, ва"ад мю тю. Тикана тамна мале' сян юд' мян ты" сюраць". Малңэ" манейтана тэць". Гошаныхында мянувна няхатата" нюдямбоямдо' тэра. Хахаялтехэя ёңгахаданда сянпой сарвоһада. Тэмда монабтада, паромбари харамда нэкалһа.

– Иrimi харми тасувна силмэда, – тэмда пудоёманда' нерня Гоша ихинанда тарем' ма. Тэмда хасеромахаданда нямтахаюта' няд площадка' няю солада.

– Сомбовна хабарпад, – хибявадо' тарем ма, – тына" хаюртадо' юңгосеты.

Мат" яля хабартавадо' сянпой хая. Нокая тусы" тэвавада тиртя һаном' Гоша тари' маниесетыда. Тикыда тэвава һанодо' сянти ёңорэй турцеты. Хабартавандо' ёльцехэва тикана манзаравы ненэця" һод һани' хая". Ныхы' тер" мале' сян яля манзара хонёвдавэй лумбрамахадандоэ иландо' һахат пянымда мэла.

– Хуняна сидя хандамд подеръин, – пэвсюмя' няңы сйяхана Онтли Гошан' тарем' ма, – нид" хардахад хосая тара". Каникулан' мерарка тандавы һэя".

Гоша неранда' няна харад' яля' һадимя". Хурка пон һэдалёбта һод хасава һацекеы пэдарта нись пэда. Ханамда харад' хэвхы пэдара' понд сярэда. Сянпой интернатан' пяда, хуняна мале' пуня' хэванзь тасламбидась.

– Гошенька, – сита' Лидия Алексеевна саць маямба ядабта. Тикы Гоша' воспитатель, школахана луца' вадам', литературам' минренаңэ тара, – нена тонанё, маня" сит'

товандаңэ тосаваць”. Сеяр нёя пин, паднана няхатат” нин хаёд, инднo харта ңарка, тохолко пиртар.

Хасава ңацекеы мунзипой нусь. Ихинянда мэманда вада-дамда пюсь. Ханзер манзь сава, пыда паднаванзь тувы ниңа, нида” каникулаха хосая тось. Лаханакурти” вабц” намда воспитатель” мэлва комнатахад интернат’ ерв Алексей Михайлович тарпы.

– Георгий, пуня тон? Ва”авамд, тумбочкамд саць сававна ерамбихиюнаць.” Комнатаханд’ хибяртм’ ниваць ңэда-рамбю”. Небяхаюд-нисяхаюд’ сававна мэвэди’: пыдар тохолкобат тара.

Гоша сёда лакри’ тыра, ходоркая вахалй”:

– Юңго. Мань тохолкованзь товэдм’ нидм’ ңа. Владькам’, неняхаяуни’ хосаядм’. Нисями нюдя” мерарка каникулан’ хана таслэйдась.

Ѓамгэв’ пират воспитатель ерванда’ ня тяхати’ тари’ сылаңгҗаха’, пуна сядоди’ ханзеркав мэйрана толхади’.

– Охов, тарця сер” ңэвынё, – интернат’ ерв индя вомзь янамбовна вахалй”, – тикахавана директоран’ ханднинав, заявлением’ падаңгун. Хубтахана ңэдалаванда ңэбнанд тюкона харт комнатахананд сеңг.

Интернат’ тер” ңацекеы” Гошам’ сянпой талкабтадо’.

– Саваркаи, Владик, Сандра, Майма мер ныланаванзь ханда”, – палманик, вэваривна ңод тохолкода Лёвка манзь ханада, – маньена” тамна’ тюкона маяндортава”.

Не нехаюда’ некаханди’ сававна тохолковамди’ ниди’ нертемба вадеңади’, оценкыти’ табельхана «тетри”», «самляңгари”» ңамды”.

– Пыдар ханзер паднан? – Гоша хасава нямда’ хонра.

– Сэр лица’ вада урокахана самляңгм’ нямадамзь, – папада тарем’ ма, – вуле’ Виктория Кузьминичнам’ харт хонраир. Пыда урокахананда маньрин сававна тохолкудм’.

– Ҳани’ урокаханат Ҳавэ” нямыбин, – Ҳаркаюм’ тамна пэрҲада.

– Мань нянани сэр луца’ вада’ урокари тара, – Владька тарем’ ма.

– Тарем’ илевэн, – Гоша подёмда мэхэя вахалй”.

Хубтахана едэй по’ ед таславы нуда’ тердо’ школахад, совхозхад хана”. Лабкахад мякы нито’ Ҳамгэд тэмдамаха-дандо’ мякандо’ пядо’. Не Ҳацекехэ’ хасава няхаюти’ хан’ вэ’ няна Ҳамдё писянди’ хэрнари.

– Ёлкахана вунива мэнгу”, – Майма идя янамбовна вомась

– Ҳэдалёвана’ сер сомбой хадэкоцадава” пэдарахад содаивама”, мяна” мюня палтава”, – Сандра тарця иңудм’ хо.

– Тикы Ҳани’ Ҳамгэ выд”! – Гоша сыбине, – сянакова’ е”эмня пям’ хумбанзи маторпаңгу. Мяна” хэвхана хады” харта Ҳока, ет’ ханяҲеридо’ паскойңэ ембас. Паңгахаданда сапвы хабэй нером’ няхар” яля’ хэмяхад хэвня моңгур. Тарода Ҳамгэхэртана ёңгода, хадым’ тухурт нида хала.

Ҳэдалёвандо’ сер яда техэсяда хойңэ хэсеты, ханяҲэхэна сисьда пэдара’ помна Ҳэдалёсеты”. Майма’ ихиня нероя” хан’ сидя хэван’ мандэва’ толха Ҳэсеты”. Мэкад тарсавэй нудараха” неру’ мал” пэвдяхана не Ҳацекеы’ сейм’ Ҳаркавна харебидонзъ”. Пыда сэвда” хаямлахая некамда мальцыхаданда, ниндя иняхад нямсетыда. Нябы нудахананда Алтонда иням’ мэввна нямсеты. Алто Онтли’ сава вэнекозь. Ҳадьбята хасава нюндя Ҳыхы ян’ ядерп пармданда вэнекомда мипсеты.

– Мякна” сяха’ тэваңгуна”? – не Ҳацекецяя етри’ хонар-курҲа.

Гоша нултада.

– Сыркар, нумгы” ни Ҳадю”, тирңэ ханаць пэй”, сыраңэ нида Ҳонаңгу, – Гоша хасава няханда тарем’ ма, – нулта тара, мале’ Майма хыварҲа, пэдэй.

Хасава Һацекехэ' тодабця' тум' пятаҥаха'. Еданди' мюня Һаврадамди' ядемдаҥаха', сянди' едм' лохомдаҥаха'.

– Тиңэй, ненэсянда хадумда, – Һаркаюм' пыянда' Һыл тарем' лаханумбись, – тодабцяна" хэвхана хонёданакэва". Хоркы" мядм' серта Һани' сава. Ялэмда пэбнанда Һэдалаҥгуна".

– Мань сыра' Һылна нидм' мыңгу, – Сандра саць вырай", – таяна теци.

– Сокар хана, хананд' ниня хуню, – некахаюда' Һобкана вахалъяха'.

– Һамгэв тад' товнанда – пинхад Майма тари' идна.

– Һани' пэян. Сидя хэвхэр Һарханда пэдара, хой, Һамгэ' нянд тута? – Владик пардортадць лаханась.

– Һамгэри ханя ту. Варк", парнэ, пивня ядерта", иңгней"... – не Һацекеы тамна' лаханась.

– Варкхав" теда' ни ядер", хуны, – Гоша ненямда сумтамба пя, – пивня ядерта тэва ямбхав няна" тось нидя пират. Маня" Алтова" нянана" мэ, сармик" сита саць пилюҥа".

Не няхаюди' сокахананди' юйҥкая хан' ни хонабтаҥахаюди'. Хасава Һацекехэ' Һоб пуд есь таслади'. Нерде' няби хан' ни Владик юсебтэй.

Майма Алто' явкабтада мадхад, некахаюта 'тёрхад сиды. Няхаюда ханоти', тодабтянди' сидя хэвувна сюрберҥаханзъ'. Тухунена нумд' енерҥаханзъ'. Нема сякана не Һацекеы сидя хэвхэда Һарханда тусавэй толхаць. Нулта"ма яхадандо' сян еҥга' пиркана падыраха ту' сэв" ялкабтырта толхаць".

– Тикы Һамгэ', тикы Һамгэ'? – не Һацекеы яркосавэй тарем' хонаркусь, – сейми пина, мякана" хэхэва".

– Хонад мад, ханяцей Һапраҥгурҥан..., – нябакода тикар-кахад варнэлы".

Тадхав' вули" сенасялма. Һыхы ярина Һамгэв' сена" совандоць". Тикы екар сармик" Һобирё", хэбирё" Һэбтум". Хубтахана Майма мэсь яндо' ядхана Һокая ядми" манэҥа.

– Няна” ненэсяри һамгэв турмы, һока һамгэ” турмы”, – не һацекеы ябтако вабцахананда вахалй”.

– Мянэ’ ёльценд һока ни хаю, – Гоша ма, – пэвсюмда пэбнанда тэваңгуна”.

– Һопой небяхаюти-нисяхаюти’ ня һамгэртм’ нёди’ вадес, – Владик няхаюда табедамба пя. Тикы’ пуд Майман’ силы, вадамда нядада, – ненэйвавна пыдар тикы, ханзер хусувэхэна хибирһан...

Пи’ ямбан ныланавы, һормы тыдо’ таңга вымна нявотыць”. Мято’ хахаяльцедонзь”.

– Хурка һэбта һод нара мякна” мертявна тэвсетыва”. Тирця һанохона, – Гоша инда’ һыламна тарем’ тасалкусь.

Нюртей пелянда’ нябимдей вэ”

– Нея, нея, небями мята’ һадһа, – самляңг потна Назарка тёняд сюрамба то.

Ханяһы яхана тамна’ һай сыра лехэбтысь. Һадьбята хасава һацекеця монэркосавэй пэрһадась.

Явне тёняһы мяд’ няю сылы”. Ненэсянда һод Таня мята’ һылекадрев ныдпида: ейда” туюкдемба монавахананда монасеты, һани’ тую”у нулцеты. Ханяһэхэна мята һу” һылняд нэхэсумбида. Кольчу вэсако мунм’ нясь соя сянпой мэта ханханда санэй”. Гоша сырап” ирида хананда’ мюд һоб’ мярёй мандалюй падком’ нэкалһась. Тикы’ пуд вэсако ядтиekomда нямба хаця сюрмбарка тёняһы мяд’ няна хаясь.

Гоша иринда’ пумна малёно сюравһугуь, небяда таблада:

– Нён тания хань. Ирир харта тенева. Мят’ тую, мерку, нён тания сырас.

– Һамгэ’? Һамгэм’ ирими тенева? – һамгэ’ хадкэвав’ намдван харвана Гошка небяданда һоб пунзипой хонаркурһась.

Тасиримна сырпата ирида тёняңы нем' сидя нудаюта' няд нямада. Тикахаюда' маханда' ня сюртейхэя нем' ян тай-ңада. Ңамгэвм' ханда' син' вадета толхась. Некоцяи нэвамда сянти ян' сюреледа: нерня туемласетыда, пуняю хаврасетыда, маханя мэсетыда, сятаня парцетыда. Ңамгэ' пиркана хацяв нямзерй". Не нопой яхана халмерадрев ңамдэван, вэсако ңадсуй мядм' ноб ня мэйрада. Тикы' пуд не' хэван' то.

Нудахаданда валңада. Некоцяи сэврихиюда' мэтараха, неранда' няна ңамгэхэртм' маниенараха ниңа. Хурка нэбта нод иринда' пумна мята' няю ялай".

Тадри' Гоша барабан' мунлаха ламнам' намда. Тарцям' школахана намторцеты, теда сонна ламнав тикад яңгаркана толхась. Тикы' пуд янамбовна ноберёрха, төрраха сена" солыд". Хасава ңацекы нё' сивня сэв' мян сим' серта, тикавна сырңа. Тарем' сырпата тёняңы мяд макодахад хал пулабтэй".

– Такыд" параңгу", мяканандо' хабцюмда"... – Гоша хасабарць небянда' тарем' вахалй".

– Ся, ся. Ирир харта тенева, харта тенева, – небяда сянти ёнорэй тарем' лаханась.

Вэн" тэвдо' лехэхэндо' мэхэя хано' ныл ваныдаць". Тёняңы мякана неры ярмы ңаябэй ңацекы мунзялмондась. Пихиня нобкарт ядерта юнгуь. Ңысындо' саць сенасялма' нид лохорта' мун' мяд' мяня сось. Тёняңы Таня' мякад Кольчу вэсако нод варета миңась. Гоша инзелебта ирида хананда' мяня сензармондась. Ңамгэхэвм' пэрмондась. Хусуторпанда' сер тынзямда сянти ёнорэй нямвонда нэсеты. Тарць' ямбахана пыянда' ңыламна ңамгэхэвм' вадемондась. Тадхав' вэсако мят' тю. Меякохонда, нюхутя" нись тэя, мунзипой харта ва" авкохонда юсебтэй", хонарэй".

Хубтахана Назарка сюрамба то.

– Мамами лесканда' пардонад (дрожадамда) хаңа, няньдава" сертаңгува", – ңацекы Явнен' тарем' ма. Мяд' ерв

не тамдая парадавы лескам' тэця мю пэбтахая жацекэн' миңада, вахалй":

Тарця нэхэвабта саванё. Ет' нотаңод тарця нэя. Тяха' мэд – мамар натена.

Гошка пин' тарпы. Са"нода тёняңы мяд' няюна хая. Назар' небя тей моюмыда пида, хыдида маламби, ейта' маңг" сяропи. Тедав' нянда сырмари толха: сята серма сава, нудида тасувна манзара. Нюкцямда манэць, нудида тодо ян' мэхэя тёкалй".

– Нэвада сума, индя ну то, – Гоша ири меякохонда' тарем' мамонода.

Иринда' хан' мюня һамгэ' нэвам' Гоша саць манэман харвадась. Малеңо таня' ялцеты, сита тари һамгэ' табланараха нэсеты. Нопой ян' нулцеты, нэда" ян' тадда толха нэсеты". Тей яля һамгэ' хадкэвам' небяданда хонраван харвадась. Малеңо вахалтыць, нямюда харта нэсонда тырана толха, һамгэхэртм' хэта яма. Небыда мунзипой мяд' мюня сидяңга-древ ядернась. Мята ха"сёда пэрнась. Ирида пон хаңгурмэ-древ, юседаварин харвась, ныланаванда' пой саць хахаись. Пэвсюмя' няна нюця" лаханакохортад мэць нэвадала. Нолькоця жацекы" ириндо' ва"ав' няю хэварин харваць". Норой небядо' са"нори сиддо' табласеты.

– Нид" сянакултамбю, – мят' тюня Гошан' небяда тарем' табеку, – иримдо' нылана ни нэдарамбю".

– Һамгэда ханзер жа? Хаңгулы? – хасава жацекы хонар-куржа.

– Ныхысялмы, – янамбовна Явне тарем' ма.

Тадхав' нерденя сую" һадимя". Гоша ты" пэртя" нита' ня тэхэната мэсеты. Яңгана Казимирычм' нядабасеты, нися-нанда малкосеты. Нобңгуна пэвсюмя' няна Онтли мерарка мяканда тось. Нопойнэ вунся ту.

Нюдяко жацекы" – Марна, Олержка, Гена – нисямдо' ядаб-таванзь пин тарпыд".

– Ҳавкара” ти, – Онтли нюхуця” тарем’ ма, – небыда хаевэда. Вадаира”.

– Нянани есяр’ мюня хонёда, мань суюм’ пэраць теневадм’, – Марна хасава няхаюта’ ня вахалй”, – пыдвари’ мань сяха’ мантадэм тикарихина яделаңгури’.

Ҳавкамдо’ мяд’ синяю илелабтадо’. Тёняңы мякад соска-савэй пэм’ тэравы”, Ҳавкандо’ сидя хэвхы ям’ хо лембяна палҗадо’.

Тикы нара җадимы сую” харта җокась, мал” иле вадумаць”. Ты” пэртя” тари’ җамгэм’ нивандо’ намдравандо’ еэ”мня помнандо’ хасабарць лаханакурҗеты”:

– Онтлинд җацекеэцяв ябдаркавы...

Тикы’ пухувад җацекеы” җано тось. Мядото’ поңгана паднавы нито’ письё’ хэрнари” соць”. Небянандо’ тедав’ манзаядо’ җани’ җокма. Хурка җэбта җод җысы” тер не” нюцё” тован’ саць маямбиць”. Явна сянти ёңорэй пин’ тарпасеты, җани’ мят тюсеты. Вандакута’ мюд нюця” едэй имбытадо’ туюлпись. Хабромдахана лескадамда парадамбись. Маямба манзара мята’ манзая” харто’ сертаңганарахаць”. Ғацекеыда” туним”. Тикав хусувэй по’ тарця җэңгунив. Ғамгэ’ пиркана ехэрана иланд’ – школан’ – ебцотада Некоця җанэты.

Онтли харад’ помна ядванда’ сер хуркари ненэцие” ядабтамбись: не”, хасава”, вэсако”, илибей ненэця”. Ехэранида ненэця” сита таблахая, хонарко пэсьтыд”:

– Нюд” ненэся Москван’ тохолкованзь ханда”? Саваркаи. Ғарка хасава нюхуюд’ хойхана нянанд нимим’ мы’?

Пыда лакри’ сядоларэйць, хонаркодаха” лахана няндаси нюдясь, манзь ханада:

– Ет’ сававна паднаць”, хурка җэбта җод ямнахабидо’ җани’ танясеты”. Ғаа. Пыдара” җод нюдя” вэвадо’ юңгунё”. Ханяңэхэна мань сюдбини” җани’ мунд’ ни намдорцету”.

– Ғарка марквахана хусувэй җамгэрир миреснив, маня” илна” толха вуниҗа, – няси җарка Сорочиха пухучая Онтлин’

тарем сэбине, – сидя пирибцянь’ жока еся таранив. Ҷанидо’ Ҷамгэм’ ханяд хуңгу”? Ҷавэти’ таҶок Ҷацеке”? Тяхананда, таҶок наследством’ ховэдинё’. Маня” ханзер ненэця” Ҷарка маркана илевам’ тeneвнивам”.

– Ҷарка хасава нюми Георгий сававна манзара, мяну-внанда есяком’ недвопи, нюдя нида” нядабаҶгуда. Пыда нида” мал нядаҶгуда, – Онтли тяха’ ядна Сорочиха’ пумна мэёмбой вадам’ Ҷэдара.

Индя’ Ҷыламна саць ибидорҶась: «Наследство – тикы Ҷамгэ’ Ҷэбтав?» Пыдъеда луца’ вадам’ саць сававна сабе’ ехэ-ранисядав.

Пяк Маргарита Откалевна

Ненецкий язык

НАСЛЕДСТВО

ЧАСТЬ 1

Глава 1

– Нет, только этого забираем, одного, только его, – монотонно повторял средних лет ненец.

– Вы хорошо подумайте, у Гоши большие способности к учению, – говорил седовласый мужчина, директор школы-интерната, – получается у него всё... Всего-то одна четвёрка, да и та по музыке. К тому же ему лишь тринадцать лет...

– В будущем году четырнадцать стукнет, – резонно изрёк ненец, – взрослый уже.

Стоявший неподалёку, невысокий, с палочкой, дед в добротной малице что-то крикнул сыну по-ненецки:

– Хадри нея, таросиди вэглаби лусар, ятнахава. (Хватит уже выслушивать, напрасно русский всё говорит. Поторавливаться надо.)

– А может, тогда уж Владика заберёте? Учится он неважно, без желания. Зато в тундре, при вас да при деле будет, – выдвинул последний аргумент директор.

Ненец повернулся к старику:

– Владикм та"амби. Ханзер нингува? (Владика отдают. Как поступим?).

Дед часто-часто замотал головой:

– Лусан ман: харна серва, харна нюва. (Скажи русскому: наше дело – наш ребёнок).

Гоша с радостью побежал в раздевальную интерната, спешно стал натягивать привезённые отцом бокари: настоящие, как у взрослых мужчин, с разноцветными, плетёнными подвязками, надел малицу и вышел ко взрослым. Около интерната стояли три запряжённые упряжки. Звонok давно прозвенел на урок и мальчик, садясь на нарту, в последний раз посмотрел в школьные окна. Стало немного грустно: он увидел своих одноклассников, склонившихся над тетрадями, и подумал: Владька как всегда в коридоре, и, что надо было бы ему свои тетради оставить.

Выезжали из посёлка через совхозную контору и магазин рыбооопа. Отоварились и тронулись в путь. Мальчик на своей упряжке ехал посередине, замыкала аргиш дедова упряжка.

– Умеет... может... – довольно думал старый Кольчу, наблюдая за тем, как внук ловко, безо всякого напряжения, управляетя с оленями. Специально ведь не подбирали послушных оленей, сноровистых запрягли.

Ехали легко. Как стало темнеть, сделали привал.

– Дорога ещё долгая, – сказал дед, – чай уже пора пить.

Мальчонка, легко соскочив с нарты, быстро насобирает сухостоя, пока отец приглядывал мёртвое дерево. Развели костёр, вскипятили чайник.

– Ты уже взрослый, – начал разговор дед, обращаясь к внуку, – а я уже сейчас почти не вижу. Отцу помощь нужна, твоим младшим сёстрам-братьям – тоже. Все на тебя смотрят.

– Домой как приедем, накажу зоотехнику пусть бумаги на тебя делает, пока учеником пастуха будешь записан, – вступил в беседу отец, – потом в конторе трудовую книжку

выпишут. Настоящий работник будешь. Маленьким сейчас ещё так много надо. Вон в декабре сам поедешь Владьку с сёстрами забирать на каникулы. Сейчас дорогу запоминай хорошенько.

Мальчик, молча согласно кивал, прихлёбывая горячий чай.

– А учёба? Ну, что учёба? В чуме у нас книг полно. Время выдастся – будешь читать, если тебе это так нравится, – продолжил дед Кольчу, – хотя, вот я совсем грамоты не знаю, а свои восемьдесят прожил как-никак. Дома – хорошо. Подрастёшь – сам хозяин будешь.

– Ну, хватит разговоры вести, – произнёс Онтли, отец мальчика, – ехать пора, мать заждалась.

От этих слов на душе Гоши потеплело. И правда, подумал он, успеется может с учёбой, вдруг осенью отец надумает да и оставит в чуме Владьку вместо него. И они выехали в крошечную темень. Олени сами находили путь к чумам и это мальчика ничуть не удивляло. Так было всегда. Чем ближе становилось стойбище, тем быстрее становился бег оленей. И уже где-то вдалеке слышался лай собак. Сердце заколотилось, и он явственно услышал его стук. В голове роились мысли: ну, вот и дома... мама...

Мать всегда встречала своих у самой двери. Издалека уже завидев едущих, она стояла так, пока не останавливалась первая упряжка. В жарко-натопленном чуме малышня уже всю посапывала, только шестилетняя упряmica Мар"на сидела у печки. Увидев вошедшего брата, девочка подскочила и деловито сказала:

– Мальчар тад, пибид янгас (давай малицу, бокари отряхни от снега – *нен.*), пон мимеда (долго вы ехали – *нен.*).

Вздохнула и как-то по-старушечьи стала суетиться около ящика с чистой посудой. Не найдя нужного, принялась тереть мать:

– Гоша-на хиди ханя мэсад? (Гошины чашки куда спря- тала? – *нен.*).

Оттли, как и полагается главе семейства, устроился по центру, старик и мальчик расселились по обе стороны от него, мать поставив столик, стала подавать еду. Когда все принялись кушать, Яв"не (так звали хозяйку), примостив- шись, как обычно, у края стола, завела разговор о Владике, погодках Сандре и Майме.

– Как девочки? Майме опять как в позапрошлый год косу остригли? – стала задавать она, пришедшие первыми на ум, вопросы.

Потом, уловив взгляд мужа, вдруг спросила:

– Учёбу хорошо терпят? Сандре наказали, чтоб сестрёнку смотрела?

Оторвавшись от чая, Гоша обстоятельно отвечал: девочки учатся хорошо, все учителя и воспитатели хвалят, коса у Маймы стала ещё длинней и Сандре теперь хлопот хватает.

– Им-то хорошо, вдвоём в одном классе учатся, а вот Владиду теперь как? Один за партой будет сидеть, словно сирота... Без брата... Кто ему поможет? – вздохнула мать.

– А ему что? – взгляд мужа и отца посуровел, – как сидя с Гошей не сильно хотел учиться, и без него также будет.

Утром отец поднял сына чуть свет.

– Пора-пора, пока тут дед дровами займётся, к оленям поедем. Собрать надо потихоньку – забойка скоро. Потом до короля съездим, поправим, что надо.

Мать быстро стала наполнять рукойойник холодной водой, затем схватив чайник с печки, долила туда кипятка.

– Ну, и что ты творишь? На улицу пусть бежит, да снегом оботрётся, – не замедлил отреагировать Оттли, – ребёнка нашла!

За столом не рассиживали, собрали инструмент для ремонта корая (на всякий случай), запрягли оленей, да и выехали.

Дед Кольчу тем временем уже возвращался с дровами.

За целый день присобрали в кучку до трёхсот голов.

– Остальные тоже поблизости пасутся, – сказал Онтли сыну, – далеко не уйдут. Завтра-послезавтра сам будешь на эту тундру выезжать – проверять. Мало ли волк появится. Зоотехника с собой возьмишь, а то он, случается, плутает.

К вечеру доехали до корая, поняли – работы здесь будет немало и, заехав в ближайший лесок, стали подыскивать листвяк для жердей. Развели небольшой костерок, поставили чайник, стали доставать еду из рюкзаков.

– Не устал ещё? – отец всегда был немногословен.

– Не-а, – ответил Гошка, хотя у самого чувствовалась тяжесть во всём теле.

– Ну и хорошо. Значит, всё у нас будет хорошо, – сказал отец.

После еды уложили жерди – их получилась целая гора. Уже к ночи вернулись домой: мать приготавив суп, уложив малышню спать, сидела у лампы и скоблила здоровенную оленью шкуру, дед выстругивал для ребятни игрушечных оленят из сухой щепы.

– А мы целую гору жердей для корая сделали, – поспешил сообщить мальчик.

– Видать, ты мои горы не заметил, – улыбнулся дед Кольчу, – утром, при свете увидишь.

– А в интернате все, наверное, уже давно спят, – подумал Гоша и провалился в глубокий сон.

...– Ну, с новым работником, вас, – утром на пороге чума Онтли появился зоотехник Казимирыч, – сейчас по рации с конторой говорил. Приняли пока учеником, документы

оформляют, а подпишете их, когда конторские на забойку приедут. В табель его включил со вчерашнего дня. Так, что? Едем сегодня с новым напарником? Пойду соберусь.

Зоотехник Казимирыч, так все его звали на стойбище, родом был с Украины и человеком был городским. Сам над собой шутил, дескать, в трёх соснах могу заблудиться. Поэтому он никогда не выезжал один в лесотундру и даже в посёлок по накатанной дорожке не рисковал отправляться. Никому не рассказывал как судьба забросила его так далеко от родного края, только с наступлением весны Казимирыч становился сам не свой, и на взгляд окружающих и самой же его жены, странным.

– Наломал веточек с дерева, в банку с водой поставил, вон у нас в чуме на столе стоит, – округлив глаза, рассказывала его жена Лиза соседкам, – то к оленям собрался и надевает светлую рубашку, клеёнку на стол требует, чтоб в цветочках была. Чудной...

На дежурстве с зоотехником ещё пару-тройку десятков оленей подбили к общему стаду. Дядя Слава, так мальчик называл зоотехника, собеседником был просто отличным: всё шутил, песенки напевал. За чаем рассказывал о своей родине.

– У нас, Гошка, знаешь какая красота, особенно когда всё цвести начинает – глаз не оторвать, а какие вкусющие яблоки у моих родичей в селе! Сад, конечно, много меньше твоей тундры, сколько груш, яблок снимаем.

– А я думал, что яблоки привозят с заводов, ну или как там, фабрик, – задумчиво произнёс мальчик.

Зоотехник поднял глаза, серьёзно посмотрел на мальчика и сказал:

– А вот учёбу, хлопец, всё равно насовсем оставлять не надо.

Довольно скоро управились с ремонтом кораля. Казимирыч выходил на связь с конторой дважды в сутки, со дня на день ждали специалистов на просчёт оленей. Каждый вечер мужчины, а в бригаде было четверо оленеводов, приходили в чум Онтли, который уже много лет был бригадиром, толковали, рассчитывали, сколько ещё предстоит собрать голов. Всё по их расчётам должно было сложиться удачно, пришли к общему выводу. – Это потому что работников у нас теперь прибавилось, – улыбаясь в усы, заметил Герман, опытный оленевод.

Для взрослых забойка, также как и отёл, – самая работа, для детворы же – веселье, суета, многолюдье, много разных угощений, которые старается привезти с собой каждый приехавший специалист. Гошке всегда нравилась забойка, но если в прошлые годы он был всего лишь на подхвате, то нынче – на полных правах, наравне со всеми. Дед Кольчу, хитро улыбаясь, выпытывал внука: – Ну, что справишься? Оленёнка в подарок мне заработаешь?

– Как не справиться? Работать пришёл, – отвечала за мальчика мать, – завтра люди будут съезжаться – все работы будет по макушку.

В тот же день все мужчины стойбища выехали на кораль. Зоотехник Казимирыч взял с собой жену: кашеварить будет, сказал, людей-то много. После просчёта отобрали тех оленей, которых предстояло забить.

Уже подъезжая к коралю, Гошка увидел два временных чума и людей в поселковых одеждах. Олени же беспокойно томились в корале: как будто предчувствуя скорое, они метались по кругу друг за другом. Гоше вручили досочку: учёт пока будешь вести, сказали. Забойщики ловко один за другим отлавливали животных, забивали, и тут же рядом на специально оборудованной площадке обдирали ещё не остывшие туши. Их подвешивали на вешала, после чего ветеринар

и зоотехник осматривали каждую тушу и ставили штампы. Мальчика немного утомила монотонная работа учётика и он, оставив деду свою досочку, зашёл в кораль. Десяток оленей метались по небольшому загончику и все они были довольно крупные. Подросток мысленно рассчитывал свои силы. Выбрал, как показалось на его взгляд, самого спокойного и не большого среди них. Метнулся за ним в три прыжка и в одно мгновение обхватил за шею. Повалил оземь и в считанные секунды выдернул из ножен нож. – Хорошо дед наточил, – успел подумать, прежде чем вонзил его в шею оленя. Животное ещё пару минут билось в конвульсиях и притихло. Гошка, схватив его за рожки, поволок к площадке. – Обдирай аккуратней, – подошёл к нему кто-то из оленеводов, – тут ничего лишнего не бывает.

Все шесть дней забойки пролетели как один миг. Гоша наблюдал как бесчисленные олени туши загружали в вертолёт, а он прилетал вновь и вновь. Покинули стойбище и приезжавшие на забойку люди. После суеты, бессонных ночей, потекла обычная размеренная жизнь. – Завтра, как поедешь к оленям, две нарты запряжешь, – сказал за вечерним чаем сыну Онтли, – надо за младшими в посёлок ехать. Пораньше заберём на каникулы.

...Вдали замелькали огоньки посёлка. Как ни странно, долгая дорога как будто совсем не утомила мальчонку. Привязав оленей в ближайшем леске, он сразу же направился в интернат, чтоб к утру отправиться в обратный путь.

– Гошенька, – с нескрываемой радостью встретила его Лидия Алексеевна, воспитатель и она же учитель русского языка и литературы, – вернулся, а ведь мы так и думали. Ты не переживай, пропущенное нагонишь быстро, головушка у тебя светлая.

Мальчик молча стоял и обдумывал, как сказать о том, что приехал лишь за своими. А из воспитательской уже на голоса вышел завинтернатом Алексей Михайлович:

– Ну, что Георгий, прибыл? Кровать твою с тумбочкой «стерегли, как могли», никого не допускали в твою комнату. Хорошо, родители одумались. Только тебе и учиться.

У Гошки пересохло в горле, едва откашлявшись, он произнёс:

– Да, нет. Я не учиться приехал. Владьку с сестрёнками отец велел забрать пораньше на каникулы.

Пару минут воспитательница с заведующим переглядывались друг с другом, лица их посерьёзнили.

– А, вона что... – разочарованно протянул завинтернатом, – ну, тогда тебе к директору, заявление напишешь. Коли засветло планируешь выезжать, переночевать можешь здесь, в своей комнате.

Толпа интернатских сразу обступила Гошу.

– Везёт Владику и Сандре с Маймой, раньше всех на каникулы уедут, – с завистью сказал Лёвка, хулиган и не самый прилежный ученик, – а мы тут – мучайся из последних сил.

Сестрёнки наперебой стали рассказывать старшему брату о своих успехах, показывать табели с отметками за четверть. В них стояли лишь пятёрки и четвёрки.

– А у тебя как с оценками? – спросил Гоша брата.

– Пятёрка по немецкому языку, – гордо ответил младший и добавил, – можешь спросить у Виктории Кузьминичны: я на уроках немецкого – первый ученик.

– А по другим предметам что? – допытывался старший.

– Мне главное – немецкий язык, – явно пошёл на попятный Владька.

– Ясно всё с тобой, – с досадой произнёс Георгий.

Утром, забрав новогодние подарки в школе и совхозе, прикупив гостинцев для малышни, родителей и дедушки, ребяташки отправились в обратный путь. Девчонки весело перекрикивались, сидя на нартах за спинами братьев.

– На ёлке жалко не побывали в школе, – огорчённо вздыхала Майма.

– А давайте по пути срубим красивую ёлочку и поставим в чуме, – предложила Сандра.

– Ну, вот ещё чего! – возмутился Гошка, – лес удумали рубить ради забавы, у нас около чума елей полно, любую наряжай. А так вырубешь и через три дня выбросишь мёртвое дерево. Какой прок? Даже на дрова ёлку эту не возьмёшь.

То бескрайняя тундра, то – непроходимый лес, иногда Майме казалось что деревья так и нороят завалиться на нарты с двух сторон. Причудливые, мохнатые лапы кедровых ветвей в темноте пугали девочку и она, зажмурив глаза, старалась ухватиться за малицу или ремень брата, крепко держась правой рукой за ошейник Алто, любимой собаки отца. Только эту верную собаку Онтли давал сыну в дальнюю дорогу.

– А мы уже скоро будем дома? – то и дело спрашивала девчушка.

Гоша остановил упряжку

– Смотри, звёзд не видно, наверное, тучи нагоняет, снег повалит, – сказал он, обращаясь к брату, – сейчас привал сделаем, а то Майма уже ноет, устала...

Мальчишки развели костёр, в котелке разогрели консервы «Завтрак туриста», вскипятили чайник.

– Точно, точно запуржит, – бубнил себе под нос старший, – придётся у костра заночевать или куропачий чумик устраивать. Как начнёт светать, так и выедем.

– Я не буду зарываться в снег, – заупрямилась Сандра, – он – холодный.

– Возьми сокуй, спи на нарте у костра, – в два голоса посоветовали ей братья.

– А если кто-нибудь придёт? – запищала трусиха Майма.

– Чё ноешь вечно? Кругом лес и тундра, кто к тебе придёт? – не смог скрыть раздражения Владик.

– А вот кто-нибудь возьмёт и придёт... Медведи, парнэ (ведьма – *нен.*), волки, росомахи... – не унималась девочка.

– Медведи сейчас не ходят. Спят, – стал успокаивать сестрёнку Гоша, – а волки не осмелятся подойти, с нами Алто. Они сами его боятся.

Устроив сестрёнок на одной из нарт, укутав их в сокуи, ребята решили поочередно дежурить у костра. Вскоре прилёг на другую нарту и Владик.

...Майма проснулась от надрывного лая Алто, криков братьев. Они метались вокруг нарт и костра, палили из ружей в воздух. Спросонья девочке показалось, что всё кругом в огне, а в каких-то считанных шагах от их стоянки мелькали зелёные огоньки.

– Что это, что это? – причитала в слезах она, – мне страшно, надо ехать домой.

– Спи, давай, пугаешь только... – проворчала невозмутимая старшая.

И вскоре наступила оглушительная тишина, только вдалеке едва слышались не то подвывания, не то писк.

Утром, проснувшись, Майма увидела совсем близко от места стоянки множество следов.

– К нам точно кто-то приходил, и много кто приходил... – заголосила тоненько девчушка.

– Совсем немного осталось до чума, – сообщил Гоша, – чуть темнеть начнёт и мы – на месте.

– Только родителям ничего не рассказывать, – предупредил Владик, и, повернувшись в сторону Маймы, добавил: – тебя это особо касается, хнычешь вечно...

Отдохнувшие, наевшиеся за ночь, олени легко неслись по заснеженной тундре. Стойбище было где-то совсем рядом.

– Всё-таки, весной быстрее получается добраться домой. Быстрее и надёжней. На вертолёте, – думал Гоша.

Глава 2

– Тётя, тётя, мамка чум порвала, – с криком бежал к чуму Онтли соседский малыш – пятилетний Назарка. Местами ещё лежал рыхлый весенний снег, и мальчонка то и дело спотыкался и проваливался.

Яв"не взгляделась в сторону чума соседей. И вправду, соседка Таня какими-то неверными, порывистыми движениями, падая и поднимаясь вновь, срывала нюки, брезент, пыталась выдёргивать снизу чумовые шесты. Старый Кольчу, ни слова не говоря, сразу метнулся к своей нарте. Гоша увидел, как дед достал какой-то округлый мешок из оленьей замши, и чуть ли не вприпрыжку, размахивая своей тросточкой, побежал в сторону соседского чума.

Мальчик хотел уже ринуться вдогонку за дедушкой, но мать остановила:

– Не ходи, он сам всё знает. Иди, заходи скорей в чум, не смотри.

– Что? Что он знает? – пытаюсь понять что происходит, выспрашивал у матери Гошка.

Краем глаза он увидел как дед, обхватив соседку за обе руки, завернул их ей за спину и, взяв за пояс, стал клонить женщину к земле и кажется, он ей что-то говорил, тесно прильнув к её уху, а она мотала головой в разные стороны, назад и вперёд, вправо и влево. Потом притихла. Пока соседка, как мумия, сидела на земле, старик поправил быстро чум и подошёл к ней.

Взял её за руку, а она, как заморожённая, словно не видя ничего перед собой, послушно последовала вместе с ним в своё жилище.

Вскоре Гоше послышалось что-то похожее на барабанную дробь, но не совсем такую, что доводилось ему слышать в школе, следом стали доноситься едва уловимые слухом, не то завывания, не то вскрики. Сделав щёлочку в двери, мальчик увидел, как из макушки соседского чума, валит то чёрный, то серый дым.

– Они сторят, задохнутся там... – чуть слышно прошептал он, повернув голову к матери.

– Молчи, молчи... Он сам всё знает..., сам... всё, – как заклинание тихо повторяла мать.

Залезли под нарты, поджав хвосты, собаки, перестал плакать младенец в чуме ещё одних соседей, на улице не было ни души.

В стойбище стало так тихо, что было слышно журчание ручейков, а от чума соседки Тани, едва переставляя ноги, брёл старый Кольчу.

Гоша слышал как на улице дед, увязывая что-то в нартах, с шумом перекидывал аркан то в одну, то в другую сторону, бормотал себе что-то под нос, и через пару минут вошёл в чум.

Молча, даже не посмотрев в сторону внуков и снохи, он прошёл к своей постели, лёг и уснул.

Утром прибежал Назарка.

– Мамка дрожжи попросила, хлеб ставить будем, – сказал он, обращаясь к хозяйке.

Яв"не завернула в полотенце свежеиспечённую лепёшку, отсыпала дрожжей в баночку и, вложив всё это в руки малышу, произнесла:

– Хорошо всё будет, хорошо..., пускай так будет. Ты беги – мать ждёт.

Гошка вышел на улицу, взгляд его непроизвольно упал в сторону соседей. Назаркина мать собирала разбросанные ею вчера поленья, посуду, какой-то скарб, подтягивала нюки и брезент. Вид её был спокойным, лицо умиротворённым, а движения привычно ровными и ловкими. Завидев сыночка со свёртком, распостёрла руки, присела на корточки.

– Голова поправилась у неё, ум вернулся к ней, – услышал Гоша дедушкины слова, обращённые к матери.

Его одолевало любопытство и он даже несколько раз порывался подойти к дедовой нарте, но при каждой попытке какая-то неведомая сила тянула его назад. Он останавливался, стоял как вкопанный и чувствовал, будто подошва сапог намертво приросла к земле. Хотел спросить у матери о том, что же вчера произошло, а язык во рту становился неподвижным, и он не мог внятно сказать хоть что-то.

Мать, притихшая, ходила тенью по чуму, как заведённая занималась своими обычными делами. Дедушка, словно после долгой болезни, то и дело норовил прилечь, всё больше отдыхал. И даже привычных сказок после вечернего чая малыши в эти дни не слышали от него. Они раз за разом пытались пройти, а совсем маленькие – проползти, на дедову половину, но строгий взгляд матери останавливал их.

– Займись малышами, – как только Гоша вошёл в чум, поручила ему мать, – набраться сил дедушке не дают.

– А он что? Приболел? – спросил мальчик.

– Силы потерял, ...потратил, – коротко промолвила Яв"не.

Совсем скоро появились первые оленята. Гоша вместе с остальными пастухами ездил к оленям, помогал Казимирычу прививать питомцев, ездил на дежурства с отцом. В один из весенних вечеров Онтли раньше времени вернулся в стойбище. Да не один.

Мальши – Мар"на, Олежка и Гена – высыпали на улицу встречать отца.

– Принимайте Авку, – сказал Онтли детям, – мамка бросила его. Будете сами ухаживать.

– Он будет у меня в пологе спать, я умею ухаживать, – заявила Мар"на братьям, – а вы будете гулять с ним, когда я разрешу.

Авку поселили в задней половине чума, принесли от соседей соску и бутылочку, берёзовых ветвей наставили вокруг оленёнка.

Той весной оленят появилось на свет как никогда много, и ни один не пал.

Бывалые оленеводы, вполголоса, будто боясь спугнуть удачу, говорили меж собой:

– Мальчонка-то у Онтли удачливый...

А потом прилетел школьный вертолёт, стойбище разлилось звонкими детскими голосами, забот хозяйкам прибавилось в разы. Но они только рады были им. Яв"не сновала из чума на улицу и обратно, доставала из нарт новенькие вещи, одевала на детей новые маечки, платья, рубашки, пекла булочки в чугунном котле, и сегодня совсем привычные, каждодневные дела делались будто сами собой. Дети приехали.

И так будет из года в год, пока не уйдёт в совсем незнакомую, другую жизнь их самая младшая из детей – Некоча.

Онтли шёл по райцентру и совершенно ему незнакомые люди: женщины, мужчины, старики и совсем ещё молодые останавливали его и выспрашивали:

– Это правда, что твои дети в Москву едут учиться? Повезло тебе с детьми. А старшие-то сыновья при тебе, значит?

Он смущался, что-то пытался говорить в ответ, и даже как будто оправдывался:

– Учились хорошо, да ведь и не по всем предметам сильны. Да, да... Но и у вас ребяташки неплохие. Мои тоже, бывает, балуют.

– Но, знаете ли, в столицах-то жизнь дороговата, не то что наша, – стала просвещать тундровика Сорочиха, первая кумушка на селе, – денег надо много, чтоб двух девок-то учить. Остальным что останется? Зачем хоть детей народили тьму? Наследства нажили... тоже мне... Уж мы-то знаем как в городе жить...

– У меня старший, Георгий хорошо работает, деньги неплохие получает, поможет своим младшим. Он всем поможет, – с уверенностью говорил Онтли вслед уходящей Сорочихе. И одновременно думал, что бы это значило – наследство? Всё же русский язык он знал не настолько хорошо.

Pyak, Margarita Otkalevna

Nenets language

THE INHERITANCE

Part 1

Chapter 1

“No, we’ll only take that one, just that,” repeated a middle-aged Nenets monotonously.

“Think it over, Gosha is a very capable student,” said a grey-haired man, the headmaster of the boarding school. “He’s good at everything... He’s only got one B, and that’s for music. And he’s only 13 years old...”

“Next year he’ll turn 14,” the Nenets reasoned. “He’s already grown-up”.

A short old man standing nearby, holding a cane and dressed in a fine parka, shouted to his son in Nenets:

“Khadri neya, tarosidi vetlabi luser, yatnakhava.” (Stop listening to him, the Russian is wasting his breath. We need to hurry.)

“Maybe then you’ll take Vladik? He’s not a very good pupil, he’s quite reluctant. But in the tundra, he’ll be able to help you,” the headmaster gave his last argument.

The Nenets turned to the old man:

“Vladim ta”ambi. Khanzer ninguva?” (They’ll give us Vladik. What should we do?)

The old man shook his head:

“Lusan man: kharna serva, kharna nyuva.” (Tell the Russian: it’s our child – our business).

Gosha happily ran into the dressing room of the boarding school, and quickly put on the boots his father had brought: real ones that adults wore, with multicolored, woven laces, he put on the parka and went to the adults. Three harnessed carts stood by the boarding school. The bell for the lesson had rung a long time ago, and as the boy got into the cart, he looked at the school windows for the last time. He felt sad: he saw his classmates bent over their books, and thought: Vladik’s in the corridor as usual, and he should have left him his exercise books.

They stopped at the collective office and the fish cooperative shop before they left the village. They stocked up on goods and set off. The boy in his cart was in the middle, next to grandpa’s cart.

“He’s skillful...” old Kolchu thought, watching his grandson managing the reindeer, without any stress. He specially did not select obedient reindeer, and harnessed unruly ones.

They travelled easily. When it began to get dark, they made a stop.

“The road is long,” grandpa said. “It’s time to drink tea”.

The boy, jumping off the cart easily, swiftly gathered up dry twigs while his father examined a dead tree. They started a fire and heated the kettle.

“You’re an adult now,” grandpa said to his grandson. “I can hardly see anymore. Dad needs help, and so do your younger brothers and sisters. Everyone is looking at you.”

“When we get home, I’ll tell the animal specialist to organize your papers, you’ll learn to be a shepherd,” the father said. “Then you’ll have a work book registered at the office. You’ll be a real worker. The little ones need a lot now. In December you’ll go to fetch Vladik and your sisters to take them home for the holidays. Remember the road.”

The boy nodded silently in agreement, sipping the hot tea, “What about study? We’ve got plenty of books in the tent. There’ll be time for you to read, if that’s what you like,” Kolchu continued., “Although I don’t how to read at all, and I’ve lived my 80 years quite well. It’s good at home. When you grow up, you’ll have your own home.”

“That’s enough talking,” said Ontli, the boy’s father. “it’s time to go, mother is waiting”.

These words made Gosha’s heart feel glad. He really could study as well, perhaps his father would change his mind in autumn and leave Vladik a place in the tent instead of him. And they went out into the complete darkness. The reindeer found the path to the tents themselves, and the boy wasn’t surprised at all. That was always how things were. The closer the camp was, the faster the reindeer began to run. And somewhere in the distance, he could hear dogs barking. His heart began to thud, and he heard it beating. Thoughts raced through his mind: here was his home... mama...

Mother always met them at the door. Seeing them approaching in the distance, she stood there until the first sled stopped. In the warm tent, the children were already sleeping, only the six-year-old stubborn Mar’na was sitting by the oven. When she saw her brother come in, the girl rushed over to him and said:

“Malchar tad, pibid yangas” (give me your parka, brush the snow off your boots), pon mimeda (you travelled for a long time).

She sighed, and like an old person she began to fuss around the box with the clean dishes. Without finding what she needed, she began pestering her mother:

“Gosha-na khidi khanya mesad?” (Where did you hide Gosha’s cups?)

Ontli, as fitting for the head of the family, sat in the center, grandpa and the boy sat on either side of him, mother put the table down and began to lay out the food. When everyone started to eat, Yav’ne (the mother), sitting at the edge of the table, as usual, began to talk about Vladik, and the sisters Sandre and Maime.

“How are the girls? Did Maima have her plait cut off like she did the year before last?” she asked the first questions that came into her head.

Then, catching her husband’s gaze, she suddenly asked:

“How are they coping with their studies? Was Sandre punished for looking at her sister?”

Putting his tea down, Gosha explained that the girls were studying well, all the teachers praised them, Maima’s plait had become even longer and Sandre had enough to worry about.

“It’s all right for them, they’re in the same class, but how’s Vladik? He’ll sit alone at his desk, like an orphan... Without his brother... Who will help him?” mother said.

“What does it matter?” Ontli looked stern. “When he was sitting with Gosha he didn’t really want to study, and it will be the same without him.

In the morning the father woke his son up at dawn.

“It’s time to go, while grandpa is sorting out the logs, we’ll go the reindeer. We need to be quiet – it’s the slaughter soon. So we’ll go the corral, and put things in order.”

Mother quickly began filling the washing basin with cold water, then took the kettle from the stove and added some boiling water.

“What are you doing? Let him run outside, and rub snow on his skin,” Ontli reacted immediately – “some child you’re bringing up!”

They didn’t sit at the table, they took the tools for repairing the corral (just in case), harnessed the reindeer and set off.

Grandpa Kolchu was already returning with the logs.

All day they herded 300 reindeer together.

“The rest are also grazing nearby,” Ontli said to his son. “They won’t go far. Tomorrow and the day after you’ll go to the tundra to check them. A wolf might come by. Take the herd manager with you, he sometimes gets lost.”

They reached the corral by evening, and realized that there would be plenty of work to do here. They went to the nearby forest and began to look for leaves for acorns. They started a small fire, put the kettle on and began taking food out of their backpacks.

“Are you tired?” his father was always a man of few words.

“No,” Gosha replied, although he felt heaviness all over his body.

“That’s good. That means everything will be fine for us,” his father said,

After they ate, they gathered the poles – there was a whole pile of them. At night they returned home: mother had prepared soup, put the kids to bed, and was sitting by the lamp and scraping a large reindeer hide, while grandpa was whittling a toy reindeer for the kids out of dry woodchips.

“We made a whole pile of poles for the corral,” the boy said.

“I can see you didn’t notice the piles I made,” grandpa Kolchu smiles. “You’ll see them in the morning when it’s light”.

“In the boarding school everyone’s probably asleep by now,” Gosha thought and fell into a deep sleep.

...“I congratulate you on your new employee,” in the morning the herd manager Kazimirych appeared at the entrance of Ontli’s tent. “I talked with the office by radio. They’ve registered him as a pupil for the moment, they’ll give him documents, and sign them when the office people come for the slaughter. He’s been included on the table since yesterday. So, my new partner and I will be going today? I’ll go and get ready”.

The herd manager Kazimirych, as everyone called him at the camp, was from Ukraine and a man of the city. He joked about himself, saying he could get lost in three pine trees. So he never went alone into the forest tundra, and didn't even risk travelling to a village on a path. I didn't tell anyone how fate had taken him so far from his home, only when spring came Kazimirych didn't seem to be himself, and everyone around him, and even his wife, found him strange.

"He broke a twig off a tree, put it in a jar of water, and it's on the table in our tent," his wife Liza told the neighbors with wide eyes. "He was going to the reindeer and put on a bright shirt, he demanded a cloth with flowers on the table. He's weird..."

Another 20 or 30 reindeer joined the rest of the herd while the herd manager was there. Uncle Slava, as the boy called him, was an excellent conversation partner: he joked all the time and sang songs. He talked about his home over tea.

"It's so beautiful where I come from, Gosha, especially when everything starts to bloom – you can't look away, and the apples in my village are so delicious! The garden is much smaller than your tundra, and we pluck so many pears and apples".

"I thought that the apples were brought from a factory," the boy said thoughtfully.

The herd manager raised his eyes, looked at the boy seriously and said:

"You shouldn't have stopped your studies completely, my boy."

Soon they finished repairing the corral. Kazimirych made contact with the office twice a day, and waited every day for specialists to count the reindeer. Every evening the men, and there were four reindeer-breeders in the team, came to Ontli's tent, as he had been the brigadier for many years now. They discussed how many more reindeer they would have to gather. By their calculations, everything was supposed to work out, and

they reached a general conclusion. “It’s because we’ve got more workers”, German, an experienced reindeer breeder, smiled into his whiskers.

For adults, the slaughter, like the calving, was hard work, but for the children it was fun, with lots of people and noise, lots of treats, which every visiting specialist tried to take with them. Gosha always liked the slaughter, but if in past years he had only been helping, this year he was fully involved like the rest. Grandpa Kolchu, smiling cunningly, asked his grandson: “Well, will you cope? You will earn a reindeer for me as a gift?”

“Of course he’ll cope! He’s come to work,” the mother replied for her son. “Tomorrow the people will arrive, everyone will be up to their ears in work”.

On that day, all the men in the camp went to the corral. The herd manager Kazimirych took his wife with him: she’d do the cooking, he said there were lots of people. After the counting they selected the reindeer to be slaughtered.

As he approached the corral, Gosha saw two temporary tents and people in village clothing. The reindeer were restlessly trotting about in the corral: as if they could sense what was coming, they ran in a circle after each other. Gosha was given a board: he would keep the count, he was told. The slaughterers skillfully caught the animals one after another, slaughtered them, and on a specially equipped platform they skinned the carcasses while they were still warm. They were hung on a hanger, after which the veterinarian and the herd manager examined each carcass and stamped them. The boy became somewhat weary of the monotonous work of counting, and putting aside the board, he entered the corral. Ten reindeer roamed around a small pen and they were all rather large. The boy mentally calculated his strength. He chose a reindeer that seemed to be the calmest, and was not one of the largest. With three leaps, he grabbed it by the neck in an instant. He knocked it to the ground and in second

took a knife out of the sheath. “Grandpa sharpened it well,” he thought, before plunging it into the reindeer’s neck. The animal thrashed around for a few minutes in convulsions, and then fell still. Gosha, grabbing it by the antlers, dragged it to the platform. “Skin it carefully,” one of the reindeer breeders said to him. “Nothing should go to waste.”

All six days of the slaughter flashed by in an instant. Gosha watched the endless reindeer carcasses being loaded into a helicopter, which flew away and came back again. The people who had come for the slaughter also left the camp. After the fuss, sleepless nights, ordinary, measured life began again. “When you go to the reindeer tomorrow, harness two carts,” Ontli said to his son over tea in the evening. “You have to go to the children in the village. We’ll take them home early for the holidays”.

...The lights of the village shone in the distance. Strangely enough, the long road didn’t seem to tire the boy at all. Tying the reindeer to a nearby post, he went into the boarding school, to set off on the journey back in the morning.

“Gosha,” with unconcealed joy Lidiya Alexeevna greeted him, his teacher of Russian language and literature. “You’re back, and we thought you’d never come. Don’t worry, you can make up for what you missed out on quickly, you’ve got a good head on your shoulders.”

The boy stood silently and thought how he should say that he had only come to collect his siblings. But the head of the boarding school Alexei Mikhailovich was already coming out of the teaching’s room, having heard them talking: “Well then, Georgy, have you come back? We kept your bed and table, we didn’t let anyone into your room. It’s a good thing that your parents changed their minds. You should study.

Gosha felt his throat dry, he could barely cough, and he said:

“No, I haven’t come to study. My father told me to take Vladik and my sisters home for the holidays early.”

For a few minutes, the teacher and head looked at each other, and their faces grew serious.

“Oh, I see,” the head said in disappointment. “Well then, go to the headmaster, write an application. If you’re planning to leave in the morning, then you can stay the night here, in your room.”

A crowd of pupils got out of Gosha’s way.

“He’s taking Vladik and Sandre and Maime, they’re going on holiday before everyone else,” said Lyovka enviously, a hooligan and not the most diligent pupil. “And we’ll stay here suffering.”

The sisters began to tell their brother about their achievements, showing charts with their marks for the term. They had As and Bs.

“How are your grades?” Gosha asked his brother.

“An A in German,” the boy replied proudly, adding: “you can ask Viktoria Kuzminichna: I’m the star pupil at German lessons.”

“What about other subjects?” Gosha persisted.

“German is my best subject,” Vladik repeated.

“I see,” Georgy said in disappointment.

In the morning, after collecting the New year gifts in the school and collective farm buying treats for the kids, parents and grandpa, the children started out on the journey home. The girls shouted cheerfully, sitting in the carts behind the brothers.

“It’s a shame we couldn’t be at the New Year party at school,” Maima sighed in regret.

“Let’s cut down a beautiful fir tree on the way home and put it up in the tent,” Sandra suggested.

“How about that!” Gosha said angrily. “You want to cut down trees for fun, we’ve got plenty of firs by the tent, decorate any one you want. If you cut it down, three days later you’ll throw

away a dead tree. What's the point? You can't even use this fir tree for logs.

They were either in boundless tundra or impassible forest, and sometimes Maima felt as if the trees were going to collapse on to their carts from both sides. The fantastic, furry arms of the cedar branches in the dark scared her, and she closed her eyes, trying to clutch on to her brother's parka or belt, tightly keeping her right hand on the collar of Alto, her father's favorite dog. Ontli only gave his son this faithful dog on the long journey.

"Will we be home soon?" Maima kept asking.

Gosha stopped the sled.

"Look, you can't see the stars, the clouds will probably come and it will start snowing," he said, talking to his brother. "We'll make a stop, Maima's already moaning, she's tired.,

The boys started a fire, and heated up cans of "Hiker's Breakfast", and put the kettle on.

"Yes, a snowstorm is coming," Gosha mumbled to himself. "We'll have to spend the night by the fire or build a make-shift tent. As soon as it gets light, we'll start again.

"I'm not going to burrow into the snow," Sandra insisted. "It's cold".

"Take a coat and sleep on the sled by the fire," her brothers told her.

"What if someone comes along?" squeaked the cowardly Maima.

"Why are you always whining? There's nothing but forest and tundra for miles around, who's going to come for you?" Vladik said, unable to hide his irritation.

"Someone might come along... Bears, a parne (witch), wolves, wolverines..." she said.

"There are no bears around at the moment. They're asleep," Gosha tried to reassure his sister. "Wolves won't dare to come near, we've got Alto with us. They're scared of him."

Putting the sisters on one of the carts, wrapping them in cloaks, the boys decided to watch by the fire in turns. Soon Vladik also lay down on another cart.

...Maima woke up from the heart-rending barking of Alto and the shouts of her brothers. They were racing around the carts and the fire, shooting into the air with rifles. As she struggled to wake up, Maima thought that everything around was burning, and just a few steps away from their fire green lights were flickering.

“What is it?” she asked in tears. “I’m scared, I want to go home.”

“Sleep, you’ll only get scared...” the elder sister mumbled.

And soon a complete silence fell, only from a distance you could hear some whining or squeaking.

When she woke up, Maima saw numerous tracks quite close to their stop.

“Someone definitely came to us, a lot of them,” the girl moaned.

“We’re quite close to home,” Gosha said. “As soon as it starts to get dark we’ll be there.”

“Just don’t tell our parents anything,” Vladik warned, and turning towards Maima added: “that especially means you, you’re always complaining...”

The reindeer had rested and eaten for the night, and swiftly raced through the snowy tundra. The camp was quite nearby.

“Still, in spring you can get home more quickly. Faster and safer. In a helicopter,” Gosha thought.

Chapter 2

“Auntie, auntie, mama tore the tent,” the neighbor’s boy came running into Ontli’s tent, five-year-old Nazarka. In places, spring powder snow still lay and the boy kept tripping and falling.

Yav’ne looked at the neighbor’s tent. Indeed, neighbor Tanya, in jerky movements, falling and getting up again, was tearing the nuki, the tarpaulin, trying to pull out the tent posts from the bottom. Old Kolchu, without saying a word, rushed over to his cart. Gosha saw his grandfather taking out a round bag of reindeer skin, and almost jumping, waving his cane, he ran towards the neighbor’s tent.

The boy wanted to run after his grandfather, but his mother stopped him:

“Don’t go, he knows everything himself. Go back into the tent, don’t watch.”

“What? What does he know? Gosha asked his mother, trying to understand what was going on.

Out of the corner of his eye he saw his grandfather, clutching the neighbor by both arms, turning her on his back and taking her around the middle, put her on the ground, and seemed to be saying something to her, speaking into her ear, but she shook her head in different direction, forward and back, right and left. Then she fell silent. When our neighbor was sitting on the ground like a mummy, the old man quickly adjusted the tent and went over to her.

He took her by the hand, and like someone bewitched, as if she saw nothing in front of her, she obediently followed him into her tent.

Soon Gosha heard something like drumming, but not quite like what he had heard at school, and some barely noticeably sounds began to be heard, either whining or cries. Through

a crack in the door, the boy saw black and grey smoke pouring from the top of the tent.

“They’re burning, they’ll suffocate there...” he whispered, turning his head to his mother.

“Keep quiet... He knows what he’s doing... he knows,” his mother quietly repeated, like an incantation.

The dogs crawled under the sleds, their tails curled up, and the baby in the tent of other neighbors stopped crying, and there wasn’t a soul to be seen outside,

It became so quiet in the camp that only the water in the creeks could be heard flowing, and from the tent of the neighbor Tanya, barely able to put one foot in front of another, came old Kolchu.

Gosha heard his grandfather tying up something on the sleds, loudly throwing the lasso to one side and then another, mumbling to himself, and after a few minutes he came into the tent.

Silently, not even looking in the direction of his grandchildren and daughter-in-law, he went over to his bed, lay down and fell asleep.

In the morning, Nazarka came running.

“Mama asked me to get yeast, we’re going to bake bread,” he said to mother. Yav’ne wrapped a freshly baked loaf in a towel, sprinkled yeast into a jar, and putting everything into the boy’s hands

“Everything will be fine... let it be like that. Off you go – mother is waiting”.

Gosha went outside, and involuntarily looked over at the neighbors. Nazarkina’s mother was gathering up the logs she had scattered the day before, the dishes, some utensils, stretched the tarpaulin. She looked calm, her face was peaceful, and her movements were even and skillful. When she saw her son with the bundle, she stretched out her arms and squatted down.

“Her head’s come right, her reason has returned,” Gosha heard his grandpa say to his mother. He was overcome by curiosity and even tried to go over to grandpa’s sled, but each time some unseen power pulled him back. He stopped, stood as if dumbstruck and felt that the sole of his boots had become rooted to the ground. He wanted to ask his mother what had happened yesterday, but his tongue became motionless in his mouth, and he couldn’t say anything at all.

His mother, silent, walked like a shadow around the tent, and like a robot she did her everyday tasks. Grandpa, as if after a long illness, kept lying down, resting most of the time. And the children did not even hear the customary stories from him after tea in the evening. They tried to go into grandpa’s half of the tent, and the smallest tried to crawl, but their mother’s strict gaze stopped them.

“Look after the kids,” his mother ordered Gosha as soon as he came into the tent. “They won’t let grandpa recover.”

“What’s wrong with them? Is he ill?” the boy asked.

“He’s lost his strength... he’s exhausted,” Yav’ne said briskly.

The first reindeer offspring were soon born. With the other shepherds, Gosha went to see the reindeer, and helped Kazimirych to vaccinate the young, and went to watch them with his father. On one spring evening, Ontli came back early to the camp. And he wasn’t alone.

The kids – Mar’na, Olezhka and Gena came outside to meet their father.

“Meet Avka,” Ontli said to the children. “His mother abandoned him. You’ll be looking after him.”

“He’ll sleep in my canopy, I can look after him,” Mar’na announced to her brothers. “You’ll go for walks with him when I let you.”

Avka was put in the back half of the tent, and a dummy and bottle were brought from the neighbors, and birch leaves placed around the little reindeer.

That spring there were many more reindeer born than ever before, and all of them survived.

Experienced reindeer breeders said quietly among themselves, as if afraid to ruin the good luck:

“Ontli’s boy is lucky...”

Then the school helicopter came, the camp was filled with children’s voices, and the women had plenty of work to do. But they were only glad to see them. Yav’ne popped out of one tent and back, taking new items out of the sleds, putting new singlets, dresses and shirts on the children, baking buns in a cast-iron put, and today, quite ordinary, mundane things seemed to be done themselves. The children had arrived.

And so it will be from year to year, until the youngest of their children, Nekocha, leaves for a complete unfamiliar, different life.

Ontli walked around the regional center, and people who were complete strangers to him: women, men, old and young, stopped him and asked: “Is it true that your children are going to Moscow to study? You’re lucky with your children. So your elder sons are with you, then?”

He was embarrassed, tried to say something in reply, and even tried to justify himself:

“They studied well, but they’re not strong in all subjects. Yes, yes... But your kids are good too. Mine sometimes misbehave too.”

“But you know, in the capitals life is expensive, not like here,” said the tundra woman Sorochnikha, the first in the village. “You need a lot of money for two girls to study. What will remain for the rest? Why did you have so many children? They’ve got some inheritance. We how what it’s like to live in the city...”

“My eldest Georgy is a good worker, he makes decent money and helps the younger ones. He helps everyone,” Ontli said as Sorochnikha left. At the same time he wondered what the word inheritance meant. He didn’t know Russian all that well.

Трифоев Виктор Павлович

Вепский язык

TOINE MA

(Starin vepsläižes kändizas)

1. lugu

Kaikuččel homendesel, edel ku lasktas jogennoks korktal randalpäi, Ivoi kundlihe sen melodižehe šolaidushe. Ojat'-jogi sil tahol kuti sanui ristituile ičeze mürkas tabas: se žognihe savesižehe mägudehe i, voimata hüpähtada siš ümbri, mürkas, läz bembel, kärauzihe hurha, madalaha randha, a sid' oigenzihe da kandoi ičeze vezid edemba, ümbärdeldes surid kivid da ihastoittes sen molembil randoil eläjid ristituid. Vanhembidenkaks' žiruiine pert', saudud hüväs puspäi, seižui ani korktuden päl. Hurha sen kodinnopäi seižuiba vól kaks' sur't pertid, miččiš eliba Pankrašovad-susedad, a niiden taga – kaks' Mohoviden pertid. Ani heiden pertiden kohtas jogi tegi mürkad käraudust, i sikš se taho jogel kuctihe Mohovan lägaks. Jogen hura rand oli alav, i Kirikovan da Grišaagjan külän pertid sijazihe veden läz; keváz' veden aigan vezi lähtli edahaks alavas seižujiden kül'betidennoks. Ivoi navedi nenid homendezčasuid, konz päiväine vól ei ozutand korktan mecan tagapäi, a vauged sumeg jogen päl oli häiktumas. Hän seižui, lasknus ičeze melihe, hätken, ku händast ei heikaiži tat:

– Mäne joksten kodihe, om aig murginoita da lähtta heinäntegole.

Nece voz' oli hüvä heinäntegon täht. Lähembaižed poudoižed oliba jo nittüd, hein oli keratud sabroihe. Miše nittä heinäd lehmän

täht, kanzale pidi ei vähemb mi koumekümne sabrad. Sures Ivanan kanzal oli kaks' lehmäd, kaks' vazad, da völ hebo. Oli jättud nit'mata völ nitud nelläs virstas küläspäi – Sel'gil, pidust' Kapojad. Nece oli Ivanan armaz taho, sikš ku kesked nitandad voili kalatada.

...Jäl'ges murgint Ivoim tat Maksim ajoi tanhalpäi hebon da käski händast val'l'astamha sen regehe. Pandes kaiked heinäntegos tarbhaižid kaluid regele, tat käski vanhembid poigid Födorad da Nikolajad da vanhembad tütärt Marijad mänmaha hänen taga. Anna, Maksiman ak, jäi emägoičemaha kodiš. Paša-baboi, kudamb eli heidenke, oli jo siloi rauh i ei enamb kävund heinäntegole.

Päiväine jo läksi mecan tagapäi, parmad mokičiba hebod, da tihaižed säskidenke kokaižiba muga, miše näguihe, miše ei ole nimittušt pžutandad niišpäi. Te mäni pidust' jogen randad, sid' meiden gerojad kändiba mecan orgho. Nece oli te ani regen täht. Poigad da heiden sizar odva ehtiba hebon taga, i tat erašti kirgahteli:

– Kut tii hilläšti astutei!

Pigai hö saihe Kapojan randalesai, kus korktudel oli heiden sugun koda. Mi se om? Nece om sauvond kuiviš parzišpäi korktudel 1,5 metrhasai kaks'tahkoižen katusenke kotkaižil arzišpäi, laudoišpäi, tohespäi vai kuz'korespäi, ilma lavata, lageta da iknoita, avaitud ledenke da reigunke katuses savun lähtendan täht. Ripten sišpäi, mitte linneb sä, heile pidi eläda sigä kuvert-se päiväd. Töd oli kaikile. Tat oti lituukan da zavodi nittä mecan polespäi. Ivoi zavodi opeta vellid, kut pidab vaumištada sija tuleban sabran täht; midä-se voi kävutada enččel sabralpäi, midä-se pidi udištuda, hüvä om, miše mec om rindal – naku siš meleti hän.

– Otkat muštho, – sanui Ivoi. – Pääzj sabransijas om seibaz, mitte pidab sabrad; se čokaitas sabran südäimehe. Se voib olda koivuine vai habaine. Čapkat tazo, korged, no ei sanged pu. Päd da barboid pidust' tüved čapkat poiš. Seibaz pidab čokaita maha muga, miše se ei heilüiži. Völ sidä pidab vahvištada kuverdal-se kavel da vanuda heiš ümbri raidvicad. A sabran alle pangat muloine slan' nelläs pardespäi da sen päle, seibhas ümbri, tackat

oksid lehtesidenke. Mugoižel alusel hein ei märktu malpäi ni sügüz'rändal, ni kevädel, konz lumi sulab. Da völ muga sabr puhuškanese läbi alahanpäi. A vedada sabr toižhe sijaha võib čokaiten sen alle parded-retugoid.

Sades töd, velled tartuiba radho. Pidab völ abutada sizarele, ved' hän tegeškandeb sômäd kaikile. Ken-se vellišpäi čapoi kuivan pun, leiksi sen penikš paloikš da toi lämoinsijannoks. Lämoi-iškmel hän viriti toht da pani sen tervasižiden puikoiden alle. Pažag viriganzi. Nügüd' Marija võib iče pidada lämoid da emägoita.

Ivoi mäni tatannoks da küzui hänel:

– Tatoi, midä mini radoita?

Tat sanui:

– Nitä heinäd pidust' ojan randad da tege kivesine pado ojas. Rat'kaigal lõm kavil da, võib olda, sam kalad longeks. Nitänd om jüged azj, se tarbhaičeb äi vägid da mahtoid, no kut om hüvä väzutes čukautas ojan vedhe!

Konz puiden pil' vesed tegihe ani lühüdoikš, tat kirgahti poigile:

– Om aig rata!

Ei ole se jüged azj, poigad heitiba virzuid jaugoilpäi, otiba käzihe ei-pit'kid kavid da tuliba vedhe korktemba padod. Maksim-tat tartuti sil aigal padon keskusehe merdan da kirgahti poigile:

– Ajagat kalad!

I poigad, nagrdes veslašti, zavodiba čokkoida kavid edel ičtaze. Ivoi sanui norembile vellile:

– Fed'a, lõ veden al lähembaks randad, minä keskuses spravimoi iče.

Čorskuđ libuiba ojan al – näguihe, miše ni üks' kalaine ei jä poiš da kaik ujuba padon merdha. Hö löiba kavil vedhe muga heredas, miše ühtes kuros tuliba muga padonnoks. Maksim kacui kaiken aigan merdha da nägi, kut sured kalad hüppiba üli pados. No hän tezi, miše äjad-se kalad putuba merdha. I todeks, tuldes vedhe, hän libui merdan da nägišti, miše satust om.

– Kacuhtagat, kut tii čomin radoitoiš, – sanui hän poigile.

Sid' hán libui randha, riškoti merdan da sordi kaiken kalan heinäle. Poigad hüppiba, ihastudes hüvähä sal'heze, a sid' paniba kalad kašlihe da toškanziba sen sizarele. Hán oli jo kehutanu čajud sures padas – äi vahvid kivüzid ojaspäi oli käden al, miččed-ne niišpäi venuiba hulil hilil. Lämöi ei völ sambund, küdojad hilüded ei antkoi ledele venduda. Pidi čapta kalad ojas da panda savesine pada hulihe hilihe, a sid' – hämeta lent kalul.

Ivoi tahtoi kalatada iče-ki, i hán sanui tatalenze:

– Tatoi, mini ohot ičelein kalatada, võib olda, tabadan torpan.

No Maksim, kacuhtades taivhaze, sanui hänele:

– Päiväine paštab tāmbei muga, miše kala nägištub sindai virstas.

No Ivoi vastusti:

– A minä poddövkal, miččen sinä tegid balalaikan jäntkespäi.

– Hüvä om, no ala hätkestu pit'käks, pigai söm longed, – sanui tat da zavodi kacta vikatehid.

Vikatehen tera oli tül'ctunu, hot' hán hijozi-ki sidä paksus. Serašt hán kandoi pit'kačus – tohesižes futlāras, mittušť pidi völ. Pidi löda vikateht. “Ehtin longehesai”, – meleti hán. Ved' hán hüvin mahtoi löda vikateht, necile hänele oli opendanu völ hänen Trifoi-ded. Löndan jäl'ghe vikateh nitäškandeb paremba, hot' miččel aigal – aigoiš, konz heinäl venub kaste, vai pol'päiväl, konz hein om kuiv. Vaiše hán vaumištihe lömha vikateht, kut ojaspäi tagaze joksi Ivoi.

– Tatoi, tatoi, ojal om emäkondi poiganke, – holduden sanui hán tatalenze.

– I mikš sinä pöl'gästuid, nece om heiden sijad, oja-ki nimitase Kapšojaks, a kapš om kondjan kábäl. Kuverdan kondjan oli tabadanu minun tat tágä keihale... Kezal kondi ei ole varukaz, vaiše ei pida holdutada sidä, no ku se om poiganke, ka pidab varaita. No meidennoks se ei tule, void olda varaidamata.

Sid' tuli Marija da sanui:

– Tatoi, long om tehtud.

Kaik tuliba laudannoks, mitte oli tehtud habaižiš tulkišpäi, da ištuihe surile laučoile. Sures savesižes astjas oli kalalem', a rindal, toižes, – kala. Maksim-tat, kanzan veron mödhe, ezmäižeks amunzi lent puižel luzikal, mujahti sidä da ližazi vähäšt solad.

– Blahoslovindaks, sögat tervhudeks, – sanui hän.

Kuni mehed sərbiba lent, Marija šingi hilid da toi saves paštud kalad. Mujades paštud kalan čomad hajud, tat sanui:

– Mitte čoma om minun tütär.

Loptes söda, kaik tartuiba radho. Maksim zavodi löda vanhemban poigan vikateht, a Födor da Nikolai otiba haravon da mäniba šingimaha heinäd da kandmaha sidä nitun keskhe. Heinäd kanttihe sabilahil – kahtel škur'dud da kuivatadud arzil teravzoittud agjoidenke; niiš oli mugav ottas käzil. Heinäd pidi šinkta muga, miše tullei paremba puhuiži sidä läbi, kuivataiži sidä. Ivoi sil aigal ruši putad hebolpäi da veškanzi sidä ojannoks, miše jotta, a sid' – aidoišeshe. Pidi kantta vet keitimpol'he. Hän lasihe ojannoks äjak-se kerdad pen' puine vädr kädes, miše täutta bučin.

Tat kucui Ivoid, andoi hänele vikatehen, sanudes muga:

– Alangištos om äi kivid, sikš ole tark.

Norembad velled pätiba lebaitas. Födor taci haravon male pid ülähäks, a Nikolai čokaiži ičeze haravon maha da zavodi punoda sidä. Maksim-tat, nägištades necen, kirgahti rändüden:

– Tõ käregoitat Il'ja-prorokan taivhal, kucut vihman!

Poigad pöl'gästuiba da zavodiba möst šinkta heinäd.

Lähemba ehtad, konz puiden pil'vesed tegihe jo pit'kembikš kahthe kerdha, Maksim-tat käski:

– Kerakam satoid!

I sid' nittud heinäd zavottihe kerata kahtel polelpäi, a sid' – panda sidä satoihe-ki. Kuivembad heinäd napridihe panda lähemba sabransijannoks. A vaiše nittud jäi vermaha nitul. Konz päiväine peitihe puiden taga, zavottihe ehtlongitada. Marijal paštud kartohk longespäi jänuden kalanke tuli maguhu kaikile. Sid' Marija valoi

kaikile duhukast čajud – se oli keittud hörmheinäl. Tat hvali tütärt da sanui:

– Nügüd’ om aig jo magata, a homendesel pidab loptä nittä nitud.

Hän lujas vāzui sil päiväl, no mel’ emäkondjas poiganke holduti händast. Kut mecnik hän hüvin tezi, miše kezal se ei tule ristituidennoks, no kaik-se kodvi olaružjan, ližazi pažagaha sanktoid parzid, a aidoitsehe hebole ližazi verest heinäd.

Magatihe penes kodas. Maksim edel uned viriti kadaghižid barboid ledel. Muga voi küksta sās’kid. Edel uned hän sanui Jumalale:

– Sur’ jumaleine, abuta tāmbei magata hüväšti.

I mehed veriba ani kuzen barboil kattud lavale, a Marija – puižele laučale.

A homendesel, vól edel päiväižen nouzendad, Maksim läksi hilläšti kodaspäi da zavodi möst nittä heinäd. Hänen jäl’ghe, kulištades, kut tat hijob vikateht, nouzi Ivoi-ki. Sid’ nouzi Marija da zavodi tehta murgint. Hän ližazi äjid-se parzid pažagaha da zavodi keitta kagrpuđrod. Päiväine lämoiti jo kaiken nitun, päiv zavodihe tulleita. Eskai habal ei kobaidanugoi lehtesed. Marija heraštoiti norembid vellid murgnäks. Sid’ tat tuli da sanui:

– Eglai radoim külläks, no tāmbei-ki om äi radod. Pidab kuivatada heinäd da, antkaha jumal hüväd säd, kerata sidä sabroihe.

Murginoites heredas, kaik möst zavodiba šinkta satoid.

Ivoi sanui tatale:

– Voib, mända kalatamha, kuni hein on kuivamas?

– Mäne, ku ed pól’gästu emäkondjad, – sanui vastha tat.

– Se, nacein, läksi meiden juduspäi poiš, – sanui Ivoi.

Hän oti tatan kalanpūdusen – se oli vahv hoik seibaz pidudel lāz koumed metrad terasižen petlänke. Rigehtimata, kactes tarkašti madalzunuden Kapojan vedhe, hän nägišti pigai suren kalan karaižes da zavodi varovaižešti vedada petläd kalan pil’vesenalaižes polespäi, no se vitliti pol’he. Jäi vaiše rabakaz läip. Hän tuli

edemba, ülähäks ojan joksendadme. Tuldes edemba, hän seižutihe da zavodi hilläšti vedada petlän löutud kalan alle. Hered maihaiduz käzil – i torp jo hüppib randal. Pandes sen koivusižehe kašlihe, hän mäneškanzi võl edemba. Jäl’ges kuvert-se ozatont naprindoid hänele onestui libutada kirvhen surččen haugen.

Libui ahav, veden pindal ozutihe kareg, a taivhal – pil’ved. Ivoi holdui sän vajehtandaspäi da rigehtiškanzi kodannoks. A tägä oli jo mänmas sur’ rad – tat zavodi loda sebrad. Ani zavodindal hän, ottes koumešorpaižen hangon, zavodi löda sabransijad ümbri, otl heinäd hangol da pani sidä sabransijale, mändes päiväšt möto ühten satannopäi toižennoks. Konz hän oli pannu heinäd sabrale ristitun kazvoks, hän ištuti sile Nikolajad. Nikolai ühtel kädel pidihe seibhas sabran keskes, a toižes kädes pidi haravon da panli sil heinäd, mittušt hänele andli hänen tat, tazomäraižin sabran rounidme. Hän kuti lapošti rounad, pidi heinäd niil da muga tartuti heinäd sabral. Miše ei oliži karad sabran keskes, tat pani heinäd hänen jaugoihe. A Ivoi kerazi haravol sabran čurišpäi tartutamatoman heinän klakuid, Nikolai sil aigal pidi heinäd haravol ülähänpäi, miše čurišpäi ei oliži rästtud liigaks. Sā zavodi paheta. Konz tat da poigad tuliba radon keskhesai, vihmpil’ved jo kuti rippuiba nitun al, tullei üleni. Maksim-tat, kuti hondostaden, sanui poigile:

– Nu midä, poigad, pistit tulleid. Pakikat nügüd’ Mecižandad, miše hän andaiži meile löda sabran lophusai.

No jumalansä, nacein, päti tulda möhemba, I hö ehtiba panda satoihe kuivamatont heinäd. Sidä pandihe ezikät vaumištadud oksakahiden kuziden ladvoile. Vaiše hö lopiba necen radon, kut jumalansä zavodihe, vihmuškanzi, da pereh katoihe necil sālpäi kodas. Hengel oli hüvä mel’ sišpäi, miše hö ehtiba kerata heinäd, löda sidä sabrha kuivan. A ku hö ei ehtnüiži, ka heile pidanuiži vihman jäl’ghe kuivatada heinäd, nacein, ei üht päiväd.

Longitadihe kodas, a vihm kaik ei keskustand. Ivoi, kuti varastades mugošt minutad, küzui tatal:

– Tatoi, sanui miile, kuspei tuliba tänna miide rahvaz?

– Čud’laižed, kut nimitadihe meid, – zavodi paginan tat, – vól endevanhoiš aigoiš tuliba päivnouzmpol’žil merilpäi. Čudikš venälaižed aigkirjnikad kucuiba lāz kaiked suomalaisid heimoid, a nügüd’ vepslaižed oma erine rahvaz. Ezmäks hö eliba Nevanjogen alajoksendas, a sid’ tuliba pohjoizehe, ani Karjalahasai. Ei läksiži hö sigäpäi, no zavodiba heid ahtištada toižed rahvahad. Tuli čud’laižile heimoile jagadas da lähtta toižile maile. Üks’ heiden pala kaik-se jäi Nevanjogen randoile. Toine pala läksi edemba pohjoizpäivlaskmpol’he da elänzoiti Ladoganjärvespäi valujiden jogiden randoid – Olhovanjogen, Säs’-jogen, Paš-jogen, Suvär-jogen. Suvär-jogen kal’t hö tuliba Änižjärvehesai. A Suvärin ližajogiden kal’t, Ojat’-jogen kal’t – ani korktuzihesai. Ned ristitud eliba penin joukuin, hö radoiba mal. Hö eliba jogiden da järviden randoil, no korktuzil – miše vet ei tuliži kodihe kevädel. Tuha vot tagaze vól ei mahttud sauda hüvid pertid. Siloi pertid tehtihe barboišpäi, kattihe niid ol’gel vai korel, miše voi peittas vihmaspäi vai pahas säspäi; eledihe mankodiš-ki. No paha sä da vilu saiba meiden ezitatoid meletamha siš, kut voib paremba tehta ičeze koda. Tägä oli äi mecoid, i ristitud openzihe teh Maha seinid kinktas pandud parzišpäi da sauvomaha puižid pertid. No päcid da savutorvid tehta endevanhoiš aigoiš mahttud ei, sikš pertiden keskes tehtihe lezid, kus i viritadihe lämoi, savu lähtli reighu katuses vai seinäs. Laučoid, laudoid da kaiked kodikaluid tehtihe puspäi. No paha sä da vilu saiba meiden ezitatoid, kudambad oliba tulnuded lämembaižil sijoilpäi, meletamha lämiš sobiš-ki. No kus tarbhuz’ – siš i abu: mecad oliba täuded karvživatoid. Pidi vaiše opetas tabadamha zverid, muga voi karvad-ki sada. Ei voinugoi ristitud sabotada heredoid zverid, reboid da janišid, ei voinugoi vägestada vägekahid kondjid-ki. No ristitud oma nügud – hö keksiba kinktan taugan da teravid nolid. Hered nol sabustab i janišad poudol, i lindud taivhal. Om vägev kondi-mecvägič, no senke-ki voib spravitas ristit, ku om hänen käziš keihaz da jüged kirvez, vai sekir... A čud’laižiden kel’ oli ühthine. No aigan

sirttes se vajehtihe. Sihe tuliba uded sanad – hö tuliba ili slavilaižiš kelišpäi, ili toižišpäi, ili ozutihe keles iče.

– A ken ezmäižeks meiden suguspäi tuli Nemžha? – küzui Fed’a.

– Ičein aigal, konz minä olin noren, kut tö nügüd’, – sanui tai, – minä küzuin siš ičein Trifoi-tatad. I hän starinoiči, miše vanhad ristitud oliba starinoičenuded, miše endevanhoiš aigoiš sil randal, vähäšt alemba meiden pertid, nemel jogen joksendadme oliba kaks’ pertid tanhidenke. No ei vaiše sigä eliba ristitud. Pertid saudihe viden kilometran pidudes – Agjaspäi Alažagjhasai.

Sid’ Nikolai ei tirpand da küzui:

– A kuspäi om tulnu meiden familii?

– Minä kut-se jumalanpertiš küzui siš papil, i hän sanui minei, miše familii Trifojev om tulnu Trifoi-nimespäi – se om Trifon-nimen vajehtuz, mi kändandas grekan kelespäi znamoičeb «herk’». Muga miše meiden familii om minun Trifoi-tatalpäi i tehnu.

– A miččel kelel se pap’ pagižeb jumalanpertiš – möst küzui Fed’a.

– Se om venäkel’. Školha mäned i opendaškanded sidä. Vot Ivoi openzihe i eskai kirjuti školas kirjutusen jumalanpertin lehtesehe. A Paskačov-starost vól oli sanunu, miše pap’ abidoičese, miše norišt ei opete hüvin, – sanui tat.

Vihm äkkid lopihe. Maksim-tat keradaškanzihe kodihe i sanui:

– Ivoi, sinä homen nitä jänu nitun pala, a tö, Kol’a da Fed’a, čapkat norid kazmusištod nitun rounil. A minä pördamoi homen ehtal.

Vepsäks kändi Maksim Kuznecov

Трифоев Виктор Павлович

Вепский язык

ДРУГАЯ ЗЕМЛЯ

(отрывок из повести)

Глава I

Каждое утро Иван, перед тем как с высокого берега спуститься вниз, прислушивался к мелодичному журчанию реки. Река Оять в этом месте как бы подчёркивала свой крутой нрав, уткнувшись в правый глинистый бугор, и не сумев её преодолеть, резко, почти дугой, поворачивала к левому низкому берегу, а затем выпрямившись, игриво несла свои воды, огибая валуны, мелкие камни, радуя своей мелодией жителей с обоих берегов, где стояли их дома. Родительский двухэтажный дом, рубленный из добротного дерева, стоял на самой макушке возвышенности. Чуть левее от него стояли два добротных дома соседей Панкрашевых, а за ними два дома Моховых. Вот, как раз напротив их домов, река делала крутой поворот, и это место на реке прозвали – Мохова ляга. Левый берег реки был низменным, а дома с деревень Кириковых и Гришагь располагались поблизости от воды, и при весеннем паводке река подходила к самым их баням. Любил Иван эти утренние часы, когда солнце ещё не показалось из-за высокого леса, а белёсый туман медленно таял над рекой. Долго он мог стоять в своих раздумьях, если бы не окликнул отец:

– Бегом в дом, пора завтракать и собираться на сенокос! Сей год лето для сенокоса оказалось удачным. Ближние запольки на использованных палах в Костяках уже были скошены и убраны в стога. Чтобы накосить на корову, семье надо было поставить не менее тридцати стогов. В их большой семье были две коровы, два телёнка да ещё и лошадь. Теперь остались луга в четырёх верстах от деревни, на Сельгах, вдоль Капручья. Это было любимым местом Ивана, так как в промежутках между косьбой можно было порыбачить. После завтрака отец Ивана – Максим, вывел со двора лошадь и распорядился запрячь его в волокуши. Отец, уложив весь сенокосный скарб на волокуши, скомандовал ему и ещё двум младшим сыновьям, Фёдору и Николаю, и старшей дочери Марфе следовать за ним. Анна – жена Максима, осталась хозяйничать дома. Бабушка Паша, которая жила вместе с ними, к тому времени была уже в возрасте и на сенокос не ходила. Солнце уже выглянуло из-за леса, кусачие оводы одолевали лошадь, и мошки с комарами жалили так, как будто ждали их и, казалось, что нет от них никакого спасенья. Дорога проходила вдоль берега реки, а затем сворачивала в лесную чащобу. Это была санная дорога. Ребята еле поспевали за лошадей, а отец изредка прикрикивал:

– Кут тий хиляшти астуйтой! (Как вы медленно идёте!).

Вскоре они дошли до берега Капручья, где на высоком месте находился их родовой стан. Это было бревенчатое сооружение из сухих брёвен высотой до полутора метров, с двухскатной крышей на слегах из жердей, досок, бересты или еловой коры (kotkāžed), без пола, потолка и окон, с открытым очагом и отверстием для выхода дыма в крыше. В зависимости от погоды, им предстояло жить здесь несколько дней. Работы хватало всем. Отец взял литовку и начал косить с лесной стороны. Иван учил братьев, как подготовить место для будущего стога – стоговище. «Что-то

ещё можно было использовать от старого, что-то обновить, благо лес рядом», – подумал он.

– Запомните, – сказал брат. – Главное в стоговище – это шест, который держит стог, он втыкается в центр стоговища. Он, как правило, осиновый или берёзовый. Для этого вырубите ровное, высокое дерево, но не сильно толстое. Верхушки и ветки вдоль ствола срубите. Шест втыкайте в землю с таким расчётом, чтобы он не качался. Для крепости шест по кругу закрепите несколькими кольями, перевивая их ивовыми прутьями-вицами. А под основание стога, на его ширину, оставьте прошлогодний настил из четырёх брёвнышек и сверху, вокруг шеста накидайте ветки с листьями. На таком основании сено не подмокнет от земли ни в осеннюю слякоть, ни весной при таянии снега. К тому же, стог будет продуваться снизу. И удобней будет брать стог для перевозки, подтыкая под неё брёвна-волокуши.

Получив задание, братья принялись за работу. Теперь надо было помочь сестре, ведь она будет готовить обед. Он вырубил сухое дерево, разрубил на небольшие части и притащил к костровищу. С помощью огнива зажёл бересту и подложил под смоляные щепки. Костёр разгорелся. Теперь Марфа будет сама поддерживать огонь и хозяйничать. Иван подошёл к отцу и спросил:

–Татой, мидя мини радойта? (Папа, какую работу мне делать?).

Отец ответил:

– Скоси траву вдоль берега ручья да сделай каменную запруду в ручье, а в перерыве шуганём кольями и, может, на обед достанем рыбы.

Косьба – дело не лёгкое, требует много сил и сноровки, но как приятно усталым телом окунуться в воду ручья.

Когда солнечные тени от деревьев стали совсем короткими, отец крикнул сыновьям:

– Пора ботать!

Не хитрое это дело, ребята скинули с ног лапти, взяли в руки не длинные шесты и вошли в воду чуть повыше запруды. Максим в это время в середине запруды укрепил морду и крикнул сыновьям:

– Гоните рыбу!

Ребята с весёлым гиканьем втыкали в воду шесты впереди себя. Иван подзадоривал младших братьев:

– Федя, колоти под водой ближе берега, я в середине справлюсь сам.

Фонтан брызг поднялся над ручьём, казалось, что ни одна рыбка не устоит перед такой кавалькадой, и все рыбы ринутся в морду запруды. Так прытко они колотили шестами по воде, что в мгновение ока оказались у запруды. Максим всё время наблюдал за мордой и видел как крупные рыбыны перепрыгивали через запруду. Но мысленно подбадривал себя, что часть рыбёшек окажется в морде. И действительно, войдя в воду, приподнял его и увидел, что улов получился.

– Кацухтагас кут тий чоминь радойтойшьт. (Посмотрите, как вы хорошо поработали.) – обратился он к сыновьям.

Затем он поднялся на берег, развязал морду и вывалил на траву рыбу. Сыновья прыгали от радости, а затем уложили рыбу в кошель и понесли содержимое к сестре. Она к тому времени вскипятила чай в большом глиняном горшке, благо куча крепких камушек из ручья были под рукой и некоторые из них лежали на горячих углях. Огонь в костре ещё не угас, а тлеющие угольки ещё долго не дадут очагу остыть. Надо было быстро разделать рыбу в ручье и поставить глиняный горшок в горячие угли, а затем помешивать варево длинной деревянной палкой.

Ивану не терпелось самому порыбачить, и он обратился к отцу:

– Татой, мини охот ичелинь калатада, войб олда табадан торп. (Отец, мне охота самому порыбачить, может, поймаю форель).

Максим, глянув на небо, ответил:

– Солнце сегодня так печёт, что рыба увидит тебя за версту.

На что Иван возразил:

– Так я на поддёвку, что ты сделал из балалаечной струны.

– Ладно, долго не задерживайся, обедать будем скоро – сказал он, а сам стал осматривать косы.

Во время косьбы лезвие косы чуть притупилось, хотя он и точил его время от времени бруском. Брусок у него всегда был с собой в специально изготовленном из бересты лопа-тошнике, который подвязывал на кушак. Лезвие его косы было в порядке, а коса Ивана подвергалась какому-то механическому воздействию. Его надо было обязательно отбить. «До обеда успею», – подумал он. Ведь этому ещё научил его отец Трифой. После клёпки коса будет лучше косить траву, невзирая на то, когда производится косьба – по росе утром или на сухую, в полдень.

Только он приготовился отбивать косу, как с испуганным криком с ручья прибежал Иван.

– Татой, татой, на ручье медведица с медвежонком, – взволнованно сказал он отцу.

– И с чего ты испугался, это их места, ведь не зря ручей назван Капш ручей. (Капш – медвежья лапа). Сколько тут мой отец зимой в берлогах брал на рогатину. Летом медведь не опасен, лишь не надо его тревожить, а раз с медвежонком, то надо опасаться. К нам она не придёт, можешь не пугаться.

Тут подошла Марфа и сказала:

– Татой, лоньг ом текстут. (Папа, обед готов).

Все подошли к столу, который был изготовлен из осино-вых плах и сели на добротные лавки. В большой глиняной

посудине была уха, а рядом, в другой, рыба. Максим, так было принято в семье, первым зачерпнул деревянной ложкой уху, попробовал на вкус и добавил немного соли.

– Бласовас, сёгат тервхудекс. (С богом, кушайте на здоровье). – молвил он.

Пока мужики хлебали уху, Марфа расшевелила угли и вытащила рыбу, запечённую в глине.

От исходящего аромата запечённой рыбы отец не устоял и сказал:

– Митте чома минун тютар. (Какая хорошая моя дочка).

Закончив с обедом, все принялись за работу. Максим стал отбивать косу старшего сына, а Фёдор с Николаем взяли грабли и пошли шевелить сено, а из дальних проулков заносить на середину луга. Таскали сено на носилках – двух ошкуренных и высушенных жердях с заострёнными концами, чтобы удобно было братья за них руками. Сено надо было взъерошить так, чтобы его лучше перебирало, сушило ветром. Иван тем временем развязал путы с лошади и повёл её сначала к ручью, чтобы напоить, а затем в загон стана. Для кухни надо было натаскать воды. Несколько раз он спускался к ручью с небольшой деревянной бадейкой, чтоб заполнить бочонок с водой.

Отец позвал к себе Ивана, отдал ему косу с наставлением:

– В низине много камней, так будь аккуратней.

Младшие братья решили отдохнуть. Фёдор бросил грабли на землю зубьями наверх, а Николай воткнул в землю и начал крутить. Максим, увидев такие действия сыновей, сердито закричал:

– Рассердите Илью пророка на небе, накличете дождь!

Сыновья испугались окрика отца и быстренько начали вновь ворошить сено. Ближе к вечеру, когда уже тень от деревьев увеличилась вдвое, Максим распорядился:

– Давайте складывать копны.

Сначала сено на лугу начали сгребать с двух сторон в валы, а затем складывать в копны. Совсем сухое сено старались копнить ближе к стоговищу. Недавно скошенное сено оставалось на лугу. Когда солнце скрылось за деревьями, начали ужинать. Запечённая Марфой картошка, с оставшейся от обеда рыбой, пришлась всем по вкусу. Затем Марфа налила всем душистого чая, который она заварила из листьев иван-чая. Отец похвалил дочку и сказал:

– Пора спать, с утра надо докосить лужок.

За день он изрядно устал, но мысль о медведице с медвежонком тревожила его. Как охотник он хорошо знал, что летом она к людям не придёт, но для запаса проверил кремниевое ружьё, добавил в костёр толстых поленьев, а в ясли для лошади добавил охапку свежей травы. Спали в небольшом стане. Микой перед этим зажёг можжевеловые веточки у печного очага. Таким образом он выгонял комаров. Перед сном он обратился к Юмалу:

– Сурь юмалейне абута тямбей магата хювяшти. Бласловас. (Обращение к Богу, чтобы благополучно провести ночь).

Мужчины улеглись на пол, застеленный еловыми ветками, а Марфа – на деревянной полати. Утром, ещё до восхода солнца, Максим тихонько вышел из стана и пошёл докашивать луг. Вслед за ним, услышав, как точит косу отец, встал Иван. Чуть погодя встала и Марфа и начала готовить завтрак. Подбавила несколько чурбаков в костёр и стала варить овсяную кашу. Солнце уже осветило всю луговину, день начинался без ветра. Даже на осине не шевелились листья. Марфа разбудила младших братьев к завтраку. Тут и отец подошёл и сказал:

– С утра наработались, но нам сегодня ещё предстоит большая работа. Надо сушить сено и, дай бог погоды, убрать в стога.

Наскоро позавтракав, все принялись ворошить копны.

Иван вновь обратился к отцу:

– Может сходить на рыбалку пока сушится сено?

– Сходи, коль медведицы не боишься, – ответил отец.

– Так она от нашего шума ушла подальше, – возразил Иван.

Он взял рыбацкую снасть отца, которая состояла из крепкого тонкого шеста длиной около трёх метров со стальной петлёй. Не спеша, зорко всматривался в воду обмелевшего Капручья. Вскоре он увидел в ямке рыбину и начал осторожно подводить петлю с подтеневой стороны, но та вильнула в сторону. Осталось лишь мутное пятно. Он двинулся дальше, вверх по течению ручья. Пройдя немного, он насторожился и тихонько стал подводить петлю под увиденную им рыбину. Резкий взмах руками, и форель трепыхалась на берегу. Уложив её в берёзовый кошель, он пошёл ещё дальше.

После нескольких неудачных попыток ему всё-таки удалось поднять щуку размером с топориче. Поднялся небольшой ветерок, на поверхности воды появилась рябь, а в небе облака. Иван встревожился сменой погоды и поспешил к стану. Здесь уже шла кипучая работа, отец начал метать стог. В самом начале отец деревянными трёхрогими вилами начинал обмётывать стоговище. Брал сено вилами и укладывал на стоговище, переходя по солнцу от копны к копне. Когда он уложил сено на стог высотой в рост человека, тогда посадил туда Николая. Паренёк одной рукой держался за вертикальный шест в середине шеста, а другой рукой граблями распределял подаваемое отцом сено равномерно по краям. Он как бы зажимал крайние слои, удерживал их и закреплял сено в стогу. Чтобы там не было ямы, по требованию Николая, сено подавалось ему прямо в ноги. Иван же снизу, с земли, граблями собирал с боков стога клочки незакреплённого, не зажатого сена. А Николай придерживал сено граблями сверху, не давая выдрать из боков стога лишнего.

Погода начинала портиться. Когда дошли до середины стога, грозовые тучи буквально нависли над лугом, ветер усилился. Максим с укоризной в голосе, обращаясь сыновьям, сказал:

– Ну что, сыновья, насвистали ветра. Просите теперь Мецижанда, чтоб дал нам дометать стог.

Но гроза видимо решила повременить и дала им возможность дометать стог. Да ещё успели уложить в копны не высохшее сено. Его укладывали на заранее приготовленные, сучковатые вершинки от ёлок. Только закончили эту работу, как загромыхало, полил ливень, семья едва успела укрыться в домике. Радостно было на душе оттого, что сумели прибрать сено, сметать его в стог сухим. Если бы не сделали этого, то после такого ливня походили бы, посушили бы сено, возможно, ещё не один день. Обедали в домике, а дождь всё не унимался.

Иван как будто ждал такой минуты и спросил отца:

– Татой, саннуй мийле, куспой тулиба тянна мийде рахвас? (Отец, расскажи, откуда пришёл сюда наш народ?)

– Чудь, как нас называли, в незапамятную ещё старину пришли из западных морей. Чудью русские летописцы называли финские племена, а нынешние вепсы известны как отдельное племя. Сначала поселились они по нижнему течению Невы и заняли земли к северу от него до Карелии. Не ушли бы они оттуда по своей воле, да стали их теснить другие народы. Пришлось чудским племенам разобщиться и разойтись по разным землям. Одна часть их осталась на берегах Невы. Другая часть пошла дальше на северо-восток и расселилась по рекам Ладожского озера: Волхова, Сясь, Паши и Свирь. А по Свири – до Онежского озера: по притокам Свири, реке Оять до самых высоких вершин. Люди селились небольшими группами и стали заниматься земледелием. Устраиваться чудь любила по берегам рек и озёр, на высоких местах – чтобы водой не залило во время весенних

разливов. Тысячу лет тому назад не умели строить хороших домов. Люди сплетали себе жилища из ветвей, покрывали соломой или корой деревьев – лишь бы укрыться от дождя да непогоды, жили и в землянках. Ненастье и стужа заставили в древности предков наших задуматься о том, как бы лучшим образом устроить себе кров. Так как, здесь было вдоволь леса, научились возводить стены из плотно сложенных брёвен и строить избы. Печей и дымовых труб в то время не умели делать, устраивали очаги посреди жилищ, разводили огонь, а дым уходил в отверстие в крыше или в стене. Скамьи, столы и вся домашняя утварь делались из дерева. Ненастье да мороз заставили наших предков, пришедших с более тёплых мест, подумать и о тёплой одежде. Где нужда, тут и подмога, леса были полны пушным зверем. Надо только изловчиться, а добыть мех можно было. Не угнаться человеку за быстрым зверьком – за лисицей или зайцем, не одолеть ему силача медведя. Да хитёр человек, смыслённее он зверя, – придумал тугой лук да острые стрелы. Быстрая стрела догонит и зайца в поле, и птицу в небе. Силён лесной богатырь – медведь, а с ним может управиться человек, коли в руках у него рогатина или копьё да тяжёлый топор, или секира про запас. Язык чуди был единым. Но под влиянием внешних и внутренних факторов он видоизменился. Новые слова либо образовались из общеславянских, либо являлись переосмыслением старых, либо были заимствованы.

– А кто первым из нашего рода поселился в Немже? – спросил Федя.

– В своё время, когда я был молодым, как и вы сейчас, об этом спрашивал своего отца Трифоя. И он сказывал, что в историях старых людей, в давние времена, на этом берегу, чуть ниже наших домов, по течению реки, у Немсари было поставлено два дома с дворами. Но не только около нашего

дома поселились люди. На протяжении пяти километров от Агъи до Алажагъи строили дома.

Николаю не терпелось спросить отца:

– А фамилия наша откуда произошла?

– Как-то я в церкви спросил у священника Ивана Тимофеевича Мегорского и он мне рассказал, что основой фамилии Трифоев послужило имя Трифой, как вариант мужского имени Трифон, что в переводе с греческого означает «нежный». Так что наша фамилия от моего отца Трифоя.

– Я часто слышу, как в церкви священник Беляев Василий Гаврилович говорит не на нашем языке, – молвил Фёдор.

– Это русский язык, в школу пойдёшь и ты будешь изучать. Вот Иван учился и даже о школе написал в церковную газету, а ты бы лучше молитвы запоминал. Вот староста Никита Панкратьевич Паскачев нам говорит, священник обижается, что молодёжь балуется во время песнопений, – ответил отец.

Дождь неожиданно прекратился. Максим засобирался домой, а Ивану наказал:

– Завтра скоси оставшуюся часть луговины. Николай и Фёдор пусть рубят молодую поросль по краям луга. Вернись к вечеру завтрашнего дня.

Trifoev, Viktor Pavlovich

Vepsian language

ANOTHER LAND

(Excerpt from the story)

Chapter 1

Every morning, before he went down from the tall bank to the river, Ivan would listen to its melodic burbling. The Oyat river in this place, as if emphasizing its fierce character, His parent's two-storey house, built of solid timber, stood on the very top of the hill. A little to the left of their house stood the two houses of the neighbors, the Pankrashevs, and behind them the two houses of the Mokhovs; Opposite their houses, the river made a sharp turn, and this place in the river was called Mokhov's bend. The left bank of the river was a little lower, and the houses of the two villages of Kirikov and Gisshag, were neat the water, and in the spring high water they resembled low-lying bath houses. He liked these morning hours, when the sun had just shown itself above the tall forest, and the milky-white fog was slowly melting above the river. He would have stood there thinking for a long time if his father hadn't shouted to him:

– Come back to the house, it's time to have breakfast and get ready for the haymaking.

This year, the summer for hay-making was a good one. The close fields, had already had the hay collected into haystacks. To make enough hay for a cow, the family had to gather up at

least 30 stacks. In their big family there were two cows, two calves, and a horse as well. Now the meadows remained four versts from the village, in Selgi, by the Kapruchya. This was Ivan's favorite spot, as you could fish when you were taking a break from hay-making. After breakfast, Ivan's father Maxim took the horse into the yard and ordered him to harness it to the cart. The father, placing all the hay-making equipment in the cart, also ordered him and his other two young sons Fyodor and Nikolai, and his elder daughter Marfa, to watch him. Anna, Maxim's wife, stayed behind to look after the house. Grandma Pasha, who lived with them, was already in advanced age and did not go with them. The sun was already looking out from behind the forest, the horse was being bitten by gadflies, and the midges and mosquitoes stung as if they had been waiting for them, and it seemed that there was no escape from them. The road passed along the river bank, and then turned into the forest glade. This was a sled path. The boys could hardly keep up with the horse, and the father shouted from time to time:

– Kut tii hilläšti astutei! (You're walking so slowly).

They soon reached the bank of Kapruchya, where their family camp was in an elevated spot. It was a structure of dry logs of a height of up to 1.5 meters, a two-tiered roof on acorns, boards, bark or fir bark, without a floor, ceilings and windows, with an open entrance and a hole for smoke to escape in the roof. Depending on the weather, they would live here for several days. There was work for everyone. Father took the scythe and began mowing from the side of the forest. Ivan taught his brothers how to prepare the place for the haystack – where you could use something from the old things, and refresh something, as the forest was near, he thought.

– Remember, – he said. – The main thing in a haybale is the pole which the hay is wrapped around, it is put into the center of the bale. It is usually aspen or birch. You have to

cut down an even, tall tree, but not too thick. Cut off the tops and the branches along the trunk. Put the stick into the ground so it doesn't bend. You can make the stick stronger with a few pegs, by winding willow branches around them. And under the base of the stack, along its width, leave last year's covering of the four logs, and above, around the stick, put branches with leaves. On this base, the hay won't get wet from the ground when the snow starts to fall in autumn, or in spring when the snow melts. Additionally, the stack will expand below. So it's more convenient to take the stack for transportation, and place a log to drag it underneath.

With these instructions, the brothers started working. Now he had to help his sister, as she was going to prepare a meal. He chopped down a dry tree, cut it into small pieces and took it to the fire. With a flint he lit the bark and put it under resinous woodchips. The fire began to burn. Now Marfa would keep the fire going herself, Ivan went over to his father and asked:

– Tatoi, midä mini radoita? (Dad, which job should I do).

His father replied:

– Cut the grass along the riverbank, and make a stone dam in the river, and in the break whittle some pegs, and perhaps for lunch we'll catch a fish.

Cutting the hay is not an easy task, it requires a lot of strength and training, but it is so pleasant to swim in the river afterwards. When the sun shadows from the trees became quite short, the father shouted to his sons:

– It's time to drive the fish into the nets.

This wasn't difficult, the boys took their sandals off, took short poles and went into the water above the dam. Meanwhile, Maxim was strengthening the fish trap in the middle of the dam, and shouted to his sons:

– Drive the fish in.

Giggling cheerfully, the boys jabbed the poles into the water, ahead of themselves. Ivan teased his younger brothers:

– Fedya, stir up the water closer to the bank, I’ll deal with it myself in the middle.

A fountain of splashes rose above the creek, and it seemed that no fish could withstand this cavalcade, and all the fish would rush into the fish trap. The boys jabbed the sticks into the water so quickly that in the blink of an eye the fish were in the dam. Maxim constantly watched the fish trap and saw the large fish jumping over the dam. But he reassured himself that some of the fish stayed in the fish trap. And indeed, when he went into the water, he raised the trap and saw that the catch had been a success.

– Kacuhtagat, kut tii čomin radoitoiš. (Look how well you’ve worked). – He said to his sons.

Then he went up to the bank, untied the fish trap and put the fish on the grass. The sons jumped for joy, and then put the fish in a big and brought the contents to their sister. She was already boiling the tea in a large clay pot, and had a pile of heavy stones from the river, and several of them were lying on the hot coals. The fire hadn’t yet died down, and the smoldering charcoal wouldn’t let the room cool down for a long time. We had to gut the fish in the river and put the clay pot in the hot coals, and then mix them with a long wooden stick.

Ivan was impatient to fish himself and said to father:

– Tatoi, mini ohot ičelein kalatada, voib olda, tabadan torpan. (Father, I want to fish myself, maybe I’ll catch a trout).

Maxim replied, looking at the sky:

– The sun is so hot today that the fish will see you from a mile away.

Ivan said to him:

– I’ll use the line that you made from a balalaika string.

– All right, don't be long, we'll eat soon, – he said, and began to look at the scythe.

During the mowing, the blade of the scythe had become blunt, although he sharpened with a whetstone from time to time. He carried the whetstone with him in a special sheath made of bark, which he tied to his belt. The blade of the scythe was not that blunt, but Ivan's scythe had been bent out of shape. To eliminate this defect, he had to beat it back. "I'll have time before lunch," he thought. His father Trifoi had taught him this. After riveting, the scythe would cut the grass better, no matter if it was in the morning, when the grass had dew on it, on dry grass at midday. He was about to beat the scythe when Ivan came running from the river with a frightened cry.

– Tatoi, tatoi, there's a mother bear at the river with a bear cub, – he said in alarm.

– Why are you scared, this is their place, the river is not called Kapp river for nothing (Kapp – bear paw). My father caught so many of them in winter in their dens with his spear. In summer bears aren't dangerous, you just shouldn't alarm then, but if they're with a bear cub, then you should be careful. She won't come to us, you shouldn't be scared.

Then Marfa came and said:

– Tatoi, long om tehtud. (Papa, lunch is ready).

Everyone went to the stable which was made of aspen beams and sat on the firm benches. In the large clay pot was fish soup, and in another there was fish. Maxim, as was the custom in the family, took a wooden spoon and tried the soup, and added a little salt.

– Blahoslovindaks, sögat tervhudeks. (God bless, enjoy your meal), – he said.

While the men ate the fish soup, Marfa shifted the coals and took out the fish baked in the clay pot.

Father couldn't resist the aroma of baked fish and said:

– Mitte čoma om minun tütär. (What a good daughter I have).

When they finished the meal, they all started working. Maxim began to beat the sickle of his older son, and Fyodor and Nikolai took rakes and began raking the hay, and from distant lanes, they began bringing it to the middle of the glade. They carried the hay on harts – two sanded and dried poles with sharpened ends, so you could hold on to them with your hands. The hay had to be ruffled so that it was better taken and dried by the wind. Meanwhile, Ivan unharnessed the horses and brought them to the river to give them water, and then took them back to the pen. For the kitchen, they had to carry water. Several times he went down to the river with a small wooden bucket, to fill the barrel with water.

Father called Ivan, gave him the scythe and said:

– There are lots of rocks in the shallows, so be careful.

The younger brothers decided to rest. Fyodor threw the rake on to the ground with the teeth facing up, and Nikolai put it into the ground and began turning it. When Maxim saw this, he shouted angrily:

– You’ll anger the Prophet Elijah in heaven, you’re summoning rain.

The sons were scared by the father’s shout and quickly began to thrash the hay again. Towards evening, when the shadow from the trees had doubled in length, Maxim ordered:

– Let’s collect the sheaves.

First they began raking the hay into the glade from two sides into heaps, and then placing it into sheaves. They tried to pack the driest hay closer to the bale. The recently raked hay remained in the meadow. When the sun had gone down behind the trees, they began to have dinner. The potatoes Marfa baked with fish left over from lunch were very tasty. Then Marfa poured everyone tea she had made from the leaves of rosebay. Father praised his daughter and said:

– Time to go to bed, in the morning we need to finish mowing the meadow.

He was very tired after the hard day's work, but the thought of the mother bear and the bear cub worried him. As a hunter he knew well that they did not come to people in summer, but just to be sure he checked his flint rifle, threw some thick logs on the fire, and added a handful of fresh grass for the horses. They slept in a small hut. Mikoi lit juniper twigs by the oven door. Thus, he drove away the mosquitoes. Before he went to sleep he addressed Jumal:

– Sur' jumaleine, abuta tämbei magata hüvästi. Blaslovas. (A prayer to God to spend the night safely).

The men lay on the floor that was lined with fir branches, and Marfa on a wooden pallet. In the morning, before the sun came up, Maxim quietly went out of the hut and went to mow the meadow. After him, hearing his father sharpen his scythe, Ivan got up. A little later, Marfa also got up and began preparing breakfast. She added a few lumps of wood in the fire and began to boil porridge. The sun was already shining over the entire meadow, and the day began without wind. Even the leaves on the aspen were not moving. Marfa woke up the younger brothers for breakfast. Then father came along and said:

– You've worked hard since the morning, but today we have a lot more work to do. We have to dry the hay, and if the weather is favorable, put it in the barn.

After finishing breakfast, everyone began to wrap the stacks.

Ivan once more said to his father:

– Can I go fishing while the hay is drying?

– Go on, if you're not afraid of the mother bear, – his father replied.

– She went away because of our noise, – Ivan pointed out.

He took his father's fishing tackle, which consisted of a strong, thin pole around three meters long, with a steel loop.

Without hurrying, looking keenly into the water of the shallow Kapruchya, he soon saw a fish in the hollow, and began to draw the loop over the shadowy side of the fish, but the fish slipped away. Only a muddy spot was left. He walked on, upstream. After a time, he stopped moving and quietly began drawing the loop over a fish he found there. With a sharp tug, a trout flopped on to the river bank. Placing it in a birch basket, he walked on.

After a few unsuccessful attempts, he managed to catch a pike the size of an axe. A mild breeze blew, ripples appeared on the surface of the water, and clouds in the sky. Ivan was alarmed by the change of weather and rushed to the camp. The work was taking place at a furious pace, and his father had started to wind the haystack. At the very beginning, his father, taking wooden three-pronged pitchforks, began to wind the haystack, took the hay with pitchforks and placed on the bale, moving by the sun from sheaf to sheaf. When he had placed the hay on the rick, to the height of a person, he put Nikolai on top. With one hand, Nikolai held on to the vertical pole in the middle, and in the other hand held a rake and distributed the hay evenly around the edges as his father gave it to him. Pressing the hay around the edges, he pressed and fixed the hay in the rick. To stop a hollow from forming there, by Nikolai's request, the hay was placed by his feet. With the rakes, Ivan collected the clumps of hay that had not been pressed down from the sides of the rick. And Nikolai held the hay with the rakes on the top, not letting hay escape from the sides of the bale. The weather began to take a turn for the worse. When they reached the middle of the bale, storm clouds literally hung over the meadow, and the wind grew stronger. Maxim, with reproach in his voice, said to his sons:

– Well, my sons, the wind is whistling. Now pray to Metsijand that we can finish the bale.

But the storm had evidently decided to wait, and gave them the chance to finish the haystack. And we also managed to put

the hay that had not dried in the sheaf. It was placed on dryish tops of fir trees, which had been prepared beforehand. As soon as we finished this work, there was a mighty crash of thunder, the rain began to pour and they managed to hide in the hut. They were very happy that they had managed to gather up the hay and put it in the stack dry. If we hadn't done this, then after this downpour it would have taken days to dry the hay. We ate in the hut, and the rain still wouldn't stop.

Ivan seemed to be waiting for this moment, and asked his father:

– Tatoi, sanui miile, kuspei tuliba tänna miide rahvaz? (Father, tell me, where did our people come from).

– The Chud, as we were called, came from the western seas in time immemorial. The Russian chroniclers called Finish tribes the Chud, and the modern-day Veps are known as a separate tribe. First they settled in the lower current of the Neva and occupied the lands to the north of it, up to Karelia. They would not have left of their own free will, they were forced out by other peoples. The Chud tribes had to separate and move to other lands. One part of them remained on the banks of the Neva. Another part went further to the northeast and settled on the rivers of Lake Ladoga: Volkhova, Syas, Pashi and Svir. And along the Svir to Lake Onega. Along the tributaries of the Svir, the River Oyat to the highest reaches. People settled in small groups and began to work the land. The Chud liked to settle on the banks of rivers and lakes, in high places – so they weren't flooded in the spring tides. A thousand years ago, they couldn't build good houses. They wove huts from branches, covered them with straw, or tree bark – simply to shelter from the rain and bad weather – and they also lived in earthen huts. Bad weather and cold forced our ancestors in the old times to think about building better dwellings. As there were forests everywhere here, they learnt to make walls from tightly packed logs, and built huts. They had

no skill in making ovens and chimneys, and built hearths in the middle of the huts, and when they lit fires, the smoke went out through a hole in the roof or the wall. The benches, tables and all the home utensils were made from wood. Bad weather and frosts forced out ancestors who had come from warmer places to think about warm clothes as well. Necessity is the mother of invention: the forests were filled of furry animals. If you were cunning enough, you could find fur. People can't catch fast animals – foxes or hares, and they cannot beat the strength of bears. But people are more cunning and inventive than animals – they devised bows and sharp arrows. A swift arrow can reach a hare in the field, and a bird in the sky. The lord of the forest, the bear, is strong, but a person can master it if he has a slingshot or a spear and heavy axe or a scythe. The language of the Chud was one. But it changed from external and internal factors. New words were either formed from Common Slavic ones, or old ones were changed, or borrowed.

– Who was the first of our people to settle in Nemža? – Fedya asked.

– I once asked my father Trifoi the same question when I was young like you are now. He told me that in the tales of the old people, on this bank, a little lower than our houses, downstream, the Nemsari had two houses with yards. But people did not only settle around our houses. They built houses over five kilometers from Agja to Alažagjha.

Nikolai was eager to ask his father:

– Where did our surname come from?

– I once asked the priest Ivan Timofeevich Megorsky in church, and he told me that the surname Trifoev came from the name Trifoi, a version of the man's name Trifon, which means “tender” in Greek. So our surname is from my father Trifoi.

– I often hear that the priest Vasily Gavrilovich Belyaev often speaks in another language in our church, – said Fyodor.

– That’s Russian, and you’ll learn it when you go to school. Ivan studied and even wrote about the school in the church newspaper, but you’d be better to memorize prayers. The elder Nikita Pankratevich Paskachev, they say, gets angry because the youngsters misbehave during church singing, – his father replied.

The rain suddenly stopped. Maxim started preparing to go home, and said to Ivan:

– Tomorrow you can mow the rest of the meadow, and Nikolai and Fyodor can chop down the young saplings around the edges. I’ll return tomorrow evening.

Яптунэ Рауса Пехедомовна

Ненецкий язык

ИЙКО НЮДЯКО НГАЦЕКЫ ИЛЕМЯ

Ийко нгэсы тер нгацекы няхтата вули нюдя. Лимбья иры-хана няхар поданта ханта. Школахана паднана няданта нгарка нида сырэй каникулато едэй по пуд мякато ныланаванть танэйд. Ийкоця нита понгана ну ялэ тебта сянакосьты, ситя нида ханакохна нюдерсяты, нямто яркыбасьты. Юд яля ямбан каникуладо минга. Нгоб хубтахна мер юркыд нгэсы тер ненэця. Тюку яля нюдо хардан хавраванть ятна. Нгаецкы каникулато хумна хэвам нидю хамеда сянхана. Ийко сидя нгарка нябакохо нгоб тарем хэванть мэнгаха, Шало, няби Нукко. Небяди мале пэвсюм няна нюхьюта паны вантако мюд нэкалнгась, сава пивиди тырабта-ась. Не нгаецекэхэ паныди серуванть мэнгаха.

Хов, Ийко хансо няад сава мальцямта нэкалнга, пивида серыба харта пя. Небяда хонрада:

– Пыдар сава паныд хаманць серыпид? Пивня тари ну ялэ ядерць мэтар мальцяр саванё, тикар мэсма, пихна теда вули ибакоко.

Ийкоця тарем вахалъй небянта:

– Мань нгоб тарем нябакохъюни няна школан хантадм. Теняна нябакони тэвравы книгами мале падкоцяни мю сюрнгавась. Тиками нянани ханангув.

Тарць вади мэсомахданта сава мальцямта серхая пин тарпы. Падкоцямта нгудананта харана нямбида, тиканта мюня книга – букварь нга. Пихна мале ненэця ханодо

подермыдо, хэваридо хаи. Мякна мэвы нгацекеы малангэ пин тарпыд. Школан хэванть мэнидо нисянато хано ни нгамтыд. Ийко сидя нябакохьюда нгоб тарем нисянди хан ни нгамть яха. Нисяди хурангахьюда хан нид ниванти мантэванти еэмня. Тад хав нердевантадо ненэцянто, Савлё нися, хабтм лабиде. Тикы нянто пуд нгани нгэдалёда манзъ халъяд. Пумнанто тари хад сыраридо хаи.

Ийко хано мэмана нусь хаи. Нябакохьюда сяньт ярума.

Амгэ ёльцянгана небянта санго вэнгона нгэдалёди сехэры мюмня ядалъй. Таняна хунанда пиняри ядалъй хэвы ненэцяи сехэры мюмня. Яднаханта хуркан никада, вули нёхо. Падкомта та минта нгуданта нямбида.

Авэ манзаида ёльцемяхданта Ийко небя идя няркума, мядо мал манэнга, нюдя ханяхартана янгу. Нгэсы тер не тёрсавэй сюралъяд Ийком пюрць, ханяхартад амгэрт мунта янгу.

Ийкоця никада, лаكري лахъцяико ни нгамты. Сидта няна амгэрт секадё янгу. Нгопойнгэ мэвамта хамеда лаكري сёдбья ярангэ нгадартада. Книгасавэй падкоцямта пилипон севолпида, книганта ёховам тоса.

Нгэсы тер тарць ямбхана малангэ сюралъяд Ийкоцямто пюрць. Ирикэдо ты тариян ханаванть ятнавы, ханада подеры. Ийко небя нянта хая, ебсотаконто ёховам ваденга. Тикавахна ирикэдо минханта нгэдалёди сехэры мюмня тикарихна нгацекеым пюрманть нявата хая.

Ийкоця нгэдалёда сенам намта нгэтани нульй, нгарка ярангэ хэнгад тада.

Ирикэда нянта тэвы, нюндя хаял тэнга, тад тикад хананта ни нгабтада. Мяканти тикарихна нгэдалэйха. Нгокая нгэсы тер неранти няад сиди ядабта. Ийко небя нюкцямта хан нид хаврада, нюцярнгада, тарем ма:

– Ебсотакон, падна хэсь тидари нюдякоцян, сидя по хэмьяд нгарамта-ан, тикавахна харна сит школан нивам мит. Тидари букварьханант пыхдар толанго тохоламбад, падна

тоход, луца вадан маня сит тохолангува. Тад тикад сит школан нямангу. Тидарихив нголякоцява нинав нга, ирикэр, хакер ханзер пыдар ситипой иленгуху. Маня малангэ сит мание нивам иле. Нябакохь юд нарма няна школахад тованти ёль-цянгана нгани едэй книжкадаamt татнгаха, сит падна тохоламбангуху.

Чай еэд лоховомиахад хакэнтэ ня нгорманть нгамтыд, ирикэдо мят тю. Тикы пуд Ийкоця ирикэхананта ты хадырманть тари ян нгобкана ханангаха. Ийко сокамта сера, сава пивида, ирикэнта хан вэ няна нгамзе хуркари ваденга, тарць понгана нябакохь юта няад намтвыда луца сё ханасяты. Ирикента ня ялянти хумна хэвпам ниди хамеда. Нумта талкада мяканти тонгаха. Ийко небямта вули пюлвы, мяканта минханта сюрамба хая.

ИЙКО ВАНГЫН ЕРЕВОМА

Мангты иры сусаван мале харбины. Нув сармик пидито ниня нгамты, тадри сарнюдо хойронгэ ханта. Сямян нгысы-хана илена нгацекы мядото хый яхна харто лэморото мангы тня нарэй ховыдо. Ну ялэ тебта тикыдо манэсарьдо хойронгэ хэвамто нгате. Небя лэморако тикарихна пидьто нид тисътыд, хэвняко нгамтъяхая. Нгацекы хэвня хэнян нгани тикан нгамтсъятыд сарнюто ни.

Нгоб хубтахна нгэсы тер ненэця мер юркхая понгато хэванть тасладо. Ийко нгорта ненэцяи сенам намтнахананта минханта санэй ваванта нид. Тикарихна матмахданта столан нгамты, нгорнга. Пыда нгацяхнанта хэванть идей, брезентхад сэдвы сокамта пюла. Небяда ситя писиде тарем вахалъй:

– Тюку яля понгарта нгыхи ян ханта, никадагун яля ямбан нгано мюня нгазёдахант. Теда нераць хэвнани нянани

туин, лэморт мангтэком манэтани. Тад тикад харт ядерин хой нимня, тамна нгани амгэв мангтым хонгун. Мань поёра-махадни тамна нярсунтадм, пыдар хэвнани ядерьин.

Тарця вади намта Ийко маи, понгартахна хэва нямна мале лавонга идя. Нисяда мальцямта сера, нинтя иням сяра, халэта падм нямхая нгани нита пумна нгано няю ядалъй.

Ийкоця небянта хыди сюрмам нгаце пихна мята хэвхана тари нгоб яхна нусь сырнга сидта нямна. Мамада пин тарпы, ной панэмта сервы, сомбой шальм сярвы. Мяти синяна нгэда то няю ядалъяха. Нгокая вэноди нянанти манталнгэ минга. Я понгана Ийко небя нярсо лахъцяи понгана хобнанта тикарихна ныдсятыда, пюнг мал ни моёсятыда тикыда. Ийко вэнякуда сянакунга. Амгэ ёльцянгана лакри хэвхаданта хоркыця партабтэй, тёрсавэй тирць амгэ пиркана хая. Нгыхи ян сабе ни хань, тари хэвняку нгамты. Ийко небя сюрамба тикан то, вэнякуда хэвня питарьяда. Лахцяи помна сырнгаха, амгэ ёльцянгана пюнг понгана лахъцяико ниня хоркы пидяком манэнгаха. Пидя мюня тадана юкад вата сарню. Ийкоця тикарихна сарнюм хатя ням, небяда ситя табла, тарем нюханта ма:

– Теда тюку пидяд самблянг сарнюм ханангуни, нганидо хаенгуни. Темт тюкона хаевыни сарню нгарка хоркынгэ тингуд. Сыра нгацяр ензангана мале една терангэ нгарка хоркы хадангу. Хурина нув сармик пидяд сарню нгарханто халана ни нга, хэвы, небядо ярта. Пыдар мань пон ханяхавана янгобнани ярмэн нгэсьтынё. Нув сармик ярдамба нгарковна хэвы, нюсипой хаёбада пилипон ярта. Мань пыдар сит ёпнани нгоб тарем нидам ярта.

Тарць вади намта Ийко мунзипой нулъй. Небянта ня тикад хаяха, самблянг сарнюм падко мю мэхъя мяканти хаяха.

Мякна не нгацекы няхьюда, Нукко няби Сяло нгухгурнгаха. Небяди нихьюда тум пята табедангаюхда. Едко-

цям тюмя ни нгабта, сарню пиреванть тня моёнга. Ийко сидямто нгамаюда, нганидо не няхъюта ня мийда. Чаёсло-махаданта небаду юсиптэй, лакри хона таслада. Ийко хонаван вули ни харва. Пихна сянагуромахаданта мят тю. Амгэ пират тарем мэнаханта лакри нголькоця пэ едм нэкалнга, идм мюнтя вабта, тад тикад пад мюд вермишель нэкалнга, Тум пята, амгэ мян вермишель ед мю вабтанга, тикамта сэркана пыдабтада. Тад тикад тамна вермишьем ниданта яхна пыдабтада, нгани хулсунгада. Тад тикад хум нэкалнга, нгобт хулсымыда нгаврада хорнга. Нгоб ху терм варета паледа, нянта си мюй яланта сэрнгэ хая. Тарця волта еданта терм пин вабтада вэнекута нгыл. Алто вэнякода тикарихна нгорманть санэй, нгани нида сянхана питаръяда. Ян вабтавы нгаваран хури пыамта пакледа, нянта син мэвэмта нгаврамта пырдари табарнгада, хэвня хая. Нгани вэняко тикарихна санэйд Ийко вабтавы нгавран. Хури нгорта-ать, амгэрт янгу, нгобкартадо нгамть ямада Ийко сертавы нгаварм. Вэняко тари хэвняко хая. Ийко пэ едком мят тюледа, нгавранта пеля тамна мюнянанта хаи. Чай ед мюд итамта нгама Ийкоця, пэрцянта янго хонёда небянта нгэ малан юсиптэй.

Амгэ пиркана небада юркы, нгэта малхана хонёда Ийкоцямта манэць тари письлы. Нюкцямта ва-ав ни юсипталада, тумта пята, чай едм тюмя ни нгабта. Лакри сангода пэ едко мю хамы, ня кунта нэкалнгада. Пэ ед мюня нгэда хулсумы амгэм хорнгада, тад тикад сёдбя письнгэ нгадартада. Не нгацекэхэ нгоб тарем хорнгади, тад тикад нгоб сер письканто хатя ха, Ийкоцянто халевы нгаварм хоромахаданто.

Чаянто пимахад Ийком сидедо. Пыда минханта пэ едкоханта санэй, тарем вахальй:

– Мань нер хонёдаханта нгаврадамта сертадамть, тикамта тухна пиреира, вэнекони нгавладамть. Теда сарнюни тада, тикыни харни ховыни.

Небыда пиревы сарню нэкалъяда, сидям не нюхъюта ня мингаюда, сидям Ийкон. Нгоромахаданто не нгацекэхэ тубкамти нямхая поёрманть хаяха. Небыдо пихна мята хэвхана еямта сэдорпи, Ийко нгынамта нямба яля ямбан лэмороко нюрагунга. Нгэсыдо яв ниня нга, ханянгы явна лангада харта лабанга. Ийко яв сяд ни тэвы. Хорака тасихэй лэмораком нюракутанта яв сяд ни тэвы. Амгэ ёльцянгана нгэнта нгылад я харта хэнгада. Ийко надо нгыл манры-раць хая. Яранта хэрнам нермяхад минзя тё нянги мякна илена не намтада. Пыдо еддо ян мохъя Ийком нямуванть надо нид сюрамба хамыд. Ийко манрыртаханта сянхана яв хэван мале тэвы. Нготангод тикан ситя няма Нячко небы, тё няна илена не. Ийко вули яранга. Нгоб сер ланг ни тана-яха. Нячко небы едамта нямхая итамта хоманть яв варан хамы. Ийко мяканта хая, небыанта серота сер ваденгада ит хатявамта хамамта. Небыанта сейда вули хая. Нюкцямта мале ханяхарт нидя нгэдарамбю хэвхаданта.

Ялядо тарем хая. Пэвсюм няна понгарта нултадо. Ийко минханта нгацямта ядабтаванть сюрамба нгано ня тарада.

ВЭНЕКОНТО МЯТ СЕРТА

Ийко тамна няданта нюдя папаюда тнянгаха, Нилявко няби Майма. Нгобгуна та ерня вули ядембада яля то, ханяхартад мероцяко янгу. Вэсэймы вэнекодо, Сенг, вули нёхона, нямюда тари саркабты. Ийко папаюта ня лаكري тарем вахалъй:

– Вэнекоцява ядебадана нёхонаванта нид вули пятанё. Теда Сенгана мят сертахавя. Я ванг сабка тара.

Папаюда тикан майямба нгоб сер төреяха:

– Нгэёв, тарем сава. Нгацяна сыра тэхна мэта вэнекоцява тари пятанё нёхонаванта нид. Я нгылна мэх вабта нянанта ханзо нгэнгу, ненянг сита ни нгорат.

Ийко хан лехэ нгылна нгэда сивам нэкалнга, Ланг сяд ниня вангм сабкава пя. Нилявко сян сивам ян палпата амгэрт тай моёпадада янгу, пыда тидари ныхкуида янгу нив.

Сенг вэнекодо ервота панхана сяклюднга. Ервота нгэ нгылна пилипон сюра, мадарсяты нянто. Майма ив хэвня питарпа пясътыда, Сенг ханяхарт хэван ни харва:

– Сенгэй, хэвнякуна мэхаркар, маня мятамт сертабива, Майма вэнекохонта нгоб төресьты.

Вангм сабкапада нгацекы хуркан вули нёхо, яда мэё нгэвы. Тарць хавна пыдо тидари хасава нгацекэко малангэ нюдякои нгы ним. Ет амгэ пиркана вангкоцям серта, тикарихна Сенгаханто ма:

– Сенгэй, тедав мякант тю! Ядембадана сян нин нёхонангу.

Сенг я ванг мю пакалман ни харва, павэданта нямхая Ийко вэнекомтя ванг мю ныхри сынгапа пяда. Венекодо төрсавай хэвня санэй. Сян нямбато Сенгм ханзеркарт я ванган сынгаць я мадо.

Амгэ ёльцянгана небыдо тайяд төрей:

– Вэнекомта нгамгэ сярнэлара, ванг мю ханзер ныхри пакалты.

Хасава нюдя нгоб сер вахальяд;

– Маня амгэ е эмня ям сабкабасава, хуркан нёхованё? Сенгая мята тюван ни харва.

Тикы вади пуд небыкодо мякад халэ хыдым нгадимзе. Нюхта пыда тарем ма:

– Хидя тер лы ванганта мю вабтэйда, вэнякора тикыда нгаманть харта тня пакалты.

Ийко тикарихна небянта вади пуд халэ ванг мю вабтэйда. Тарцям манэкава Сенг минханта ванг мю харта сакада. Лыда нгавомахданта та минта мята мюня ванна хаи. Тиканта мюд тай нгорман харбилабта нгопой нгадимзяты. Ти, няхар хасава нгацекы нисянто тарана вэнеко мят тарем серта.

Яптунэ Рауса Пехедомовна

Ненецкий язык

МАЛЫШОК ПО ИМЕНИ ИЙКО

В одном стойбище рода Вы Яр в феврале месяце, когда бушевала сильная метель, родился ещё один наследник. Была середина зимы, время лютых морозов, хотя диск солнца с каждым днём уже начал подниматься над горизонтом всё выше и выше. Почти два месяца светило отсутствовало в тундровых широтах. Согласно древним преданиям, за синим поясом земли, в золотом чуме у бога Нума оно гостевало, путешествовало по просторам долины небес. И его появление для северян – всеобщая радость. А рождённым в это время года детям старики сулят счастливое будущее.

В день рождения маленького ненца стояла сильная стужа. Глава рода Вы Яр, дед, Маллю Ладывич, в честь долгожданного внука решил забить своего любимого мена-руя, необъезженного красавца быка. Таких оленей принято забивать только в исключительных случаях. Красавца с ветвистыми рогами ловили долго, он невероятным образом увёртывался от петли аркана. Мужчины изрядно вспотели и устали, бегая за оленем. Олень до этого времени никогда не ходил в упряжке, на его огромные рога ни разу не попадала петля маута. И, в конце-то концов, олень был пойман. Четверо молодых мужчин еле справились с ним. Несмотря на мороз, отведать свежего парного мяса вышли из чумов женщины и дети, старики. Каждый в руке держал свой

собственный нож, как принято в тундровой жизни. Мужчины разделали одну половину туши, а вторая пока лежала на снегу. В ней была собрана кровь, в которую каждый едок макал куски парного мяса. Все уселись вокруг ошкуренной туши оленя. Собаки с удовольствием поедали кишки, всем собравшимся вокруг туши было радостно и весело в этот замечательный день. Голову быка с огромными ветвистыми рогами дед положил на грузовые нарты у изголовья роженицы. Потом голову оставят на чумовище, подвесив на шест, это дар бабушке Я Миню, прародительнице всего человечества за то, что роды у женщины завершились благополучно, а на земле одним человеком стало больше. Женщины тщательно очистили от содержимого желудок оленя и вычерпали оттуда оленью кровь. В неё потом будут макать свежую рыбу, мясо. Тушу разделили между всеми чумами стойбища, чтобы все порадовались рождению нового члена большого рода Вы Яр.

Через месяц собрались в одном чуме члены большого клана. Наперебой стали думать, какое имя дать новорождённому. В это время в стойбище Яров гостевал Нярко Яптунэ из соседнего стойбища. Как почётный гость, он внёс предложение:

– У меня растёт дочь, которая месяцем раньше него родилась. Когда вырастут, может быть, они поженятся, и ваш мальчик станет мне зятем. Так пусть он будет Ийко – Ий, зять.

И так малыш из рода Вы Яр стал жить под именем Ийко, но ему параллельно дали и родовое, настоящее имя – Ямбко.

И вот Ийко исполнилось четыре года. На просторах тундры царило тёмное время года, месяц большой темноты. На десять дней на зимние каникулы приехали сёстры Сяло и Нукко. Каждый день малыш не сходил с рук сестёр. Девочки очень любили младшего братишку, старались угождать всем

его капризам. Привезли ему подарки – машинки, разноцветный мячик, кубики, и книжку подарили. Сшили братику новые бокари, каждый день катали его на санках.

Помимо всего, девочки помогали матери по хозяйству, иногда ездили копать тальник на дрова, таскали лёд на питьевую воду. Так у них незаметно пролетели каникулы. Как-то вечером мама занесла в чум тёплую одежду дочерей, завтра они должны ехать в посёлок. Утром девочки обули тёплые бокари, надели новые платья, меховые парки и шапки. Бра-тишка крутился под ногами и всё спрашивал, куда они собираются. Узнав, что происходит, Ийко тут же полез за своей тёплой малицей, которая хранилась у изголовья постели. Стал быстро обуваться. Мама спросила его:

– Сынок, ты зачем вытащил новую малицу, у тебя же и та тёплая, в которой ты сейчас ходишь.

Ийко, сопя носом, ответил:

– Я тоже поеду с сёстрами в школу, буду с ними жить в интернате, книгу свою уже в мешок положил, с собой её тоже возьму.

Одевшись вперёд сестёр, малыш быстро выскочил на улицу, прижимал к груди мешочек с драгоценным букварём. Мужчины уже запрягли оленей, вокруг с шумом носились собаки. Из чума вышли сёстры, вслед за ними и мама. Девочки сели на нарты, папа их слегка привязал к саням. Ийко тоже приготовился сесть на нарты, но папа подвинул его в сторону. Отец развязал вожжи, и четвёрка его быстроногих оленей вихрем помчалась в снежную даль. Ийко с мешочком в руках остался на месте стоянки отцовских саней. И тут же издал протяжный рёв, но его никто не услышал, рядом никого не оказалось.

Немного погодя, малыш вытер слёзы и решил пешком догнать уехавший аргиш. Пошёл по санному следу, держа в руке мешок с драгоценной книгой. Малыш прошёл

изрядное расстояние, почувствовал усталость в ногах, вспотел. Немного посидел на одном месте и двинулся дальше по дороге, упорно желая догнать отца.

Тут его спохватилась мама, видя, что сына нет на улице нигде, она пошла по чумам. Но, Ийко ни в одном чуме не оказалось, и никто из детей стойбища не знал, где он. Тут всполошились все жители стойбища. Мальчики сбегали до озера, откуда брали лёд на воду, но никаких следов малыша там не увидели.

А Ийко тем временем, изрядно устав, стал громко реветь. Иногда он прерывал плач, прислушивался к тишине, но никаких явных шорохов и звуков вокруг не было слышно. Драгоценный мешок с книгой он изо всех сил прижимал к груди.

В стойбище в это время стоял большой переполох, все бегали вокруг чумов в поисках пропавшего малыша. Тут подъехал из стада дед Маллю Ладывич. Узнав новость, поехал по следу уехавших недавно нарт на поиски внука. Олени неслись во всю прыть, и, немного проехав, дед ещё издали заметил маленький комочек на снегу. Это был ревущий во всё горло внучок. Дедушка остановил упряжку, подошёл к ревущему малышу, вытер ему слёзы, успокоил его и посадил на нарты. Малыш изрядно замёрз, но ручонками крепко прижимал к груди мешок со своей любимой книгой. Подъезжая к стойбищу, дед заметил, что навстречу им бежит вся детвора. Даже оленей чуть не перепугали, ведущий олень уже в сторону готов был повернуть, видя перед собой чёрную гогочущую толпу. Среди встречающих была и мама малыша. Она сняла сына с нарт, обняла и поцеловала его со слёзами на глазах.

– Ты зачем, сыночек, так торопишься в школу? Ты ещё мал, через четыре года мы сами тебя в школу отвезём. А пока

мы с папой будем тебя учить читать по букварю. Пойдём в чум, там чайник, наверное, уже давно кипит.

Только зайдя в чум, мать заметила, что Ийко очень замёрз, весь дрожал. Мама налила ему горячего чая, открыла банку молока, и стали пить чай. Пришла бабушка, тоже села за стол вместе с ними. Ийко напился чаю, повеселел. Тут и бабушка вмешалась в их диалог с мамой:

– Ты, внучок, почему так рано хочешь уйти от нас, мы с дедушкой очень будем скучать по тебе. Спрячь свою книгу, иди и поиграй с ребятами, а в тундру больше один никогда не ходи, потеряться там недолго. Хорошо, что сегодня нет пурги и не так холодно, а то мог бы и замёрзнуть. Весной приедут твои сёстры и опять привезут тебе карандаши, тетради и книги.

Но для Ийко лучшей книги, чем его букварь, который он таскал в мешочке, всё равно никогда не будет. Он его бережно спрятал под постель и пошёл на улицу. Там дети резвились, а дедушка уже готовился ехать в стадо. Ийко надел свой сокуй и поехал вместе с ним. Домой они приехали уже затемно.

менаруй – олень-бык, который ни разу не был в упряжке; необученный быть в упряжке

парка – женская распашная одежда, богато украшенная орнаментами, меховая или из сукна

СЛАВНОЕ УГОЩЕНИЕ. ГНЕЗДОВЬЕ ПТИЦ

В тундре царит долгожданная весна, наступил июнь месяц. Перелётные птицы везде свили гнёзда, через месяц у них появятся птенцы. У тундровых детей есть свои птички гнёздышки, в основном это воробьиные гнёзда. Каждый день дети навещают своих птичек. Посмотрят на яички и тут же уходят прочь. Птицы привыкают к этому и от гнёзд далеко не улетают.

Недавно на реках сошёл лёд, рыбаки выставили сети. Как-то утром Ийко проснулся от звука чашек, разговора родителей. В этот день бригада рыбаков пораньше собралась на проверку сетей. Уже стало жарко, рыбу в сетях долго нельзя держать, портится она от этого быстро.

Ийко вскочил на ноги, выбежал босиком на улицу. Свежий ветер коснулся волос мальчика. Ийко подошёл к умывальнику, наскоро сполоснул лицо и зашёл в чум. Мама уже ему поставила чашку с чаем. Ийко за столом объявил громко:

– Папа, я хочу с тобой на рыбалку ехать, скучно мне в стойбище.

– Нет, сынок, мы сегодня далеко уедем, нам не до тебя будет. Много сетей предстоит проверить, устанешь за день. С мамой в тундру иди, она собирается на заготовку мха-сфагнума сходить. Зимой нам большой запас мха необходим, нас ведь много, всем это гигиеническое средство нужно. Помоги маме, гнёзда новые найдёшь по пути.

Ийко согласился с папой, допил чай, и вместе с отцом вышел на улицу. Папа надел брезентовый сокуй, малицу положил в мешок. На воде прохладно, там без малицы нельзя, простудиться недолго. Малыш немного проводил папу и вернулся к чуму. Сёстры, Нукко и Сяло, ещё спали, их не стали будить. Мама надела свою нарядную парку из

синего сукна, на голову повязала красную шаль с большими розами. От красоты её одеяния кругом стало всё красиво, ярко и празднично. Мама взяла мешок для сырого мха-сфагнома. Им обычно протирают столы после разделывания рыбы, также посуду. С ними с весёлым лаем понеслись собаки, только маленького щенка оставили дома, чтобы среди кустов не потерялся.

Ярко светило солнышко, было тепло. Одно удовольствие в такой день гулять по тундре. Мама по пути рвала сфагнум, от него шёл запах прелой земли. Ийко кидал их на кусты для просушки. Вдруг совсем рядом с ним из кустов вылетел самец-куропач. Он издал на всю округу громкие крики:

– Кабэв, кабэв, кабэв!

Курупач улетел недалеко, сел на кочку, начал оттуда громко кричать. Это были предупреждающие звуки самке, сидящей в гнезде. Самец остался с таким же белоснежным оперением, каким был зимой. Только шея обрела коричневый цвет, да брови сильно покраснели. Они даже заметны на расстоянии. За ним стали гоняться собаки. Куропач, стараясь как можно подальше увести собак от своего гнезда, взлетал перед самым носом старой собаки. Ийко с мамой подошли к кустам ольховника. Оттуда бесшумно вылетела самка-куропатка. Она была вся коричневая, под цвет летней тундры. Тут под ногами Ийко увидел её гнездо. В неглубокой яме лежало более десяти затемнённых яиц в крапинку. Малыш протянул руку, чтобы взять яйца, но мама его остановила:

– Не надо трогать руками яйца. Мы возьмём из двенадцати яиц восемь, каждому по два яйца достанется. Остальные оставим в гнезде. Самочка может дополнительно ещё снести яйца. Если мы все их возьмём – грех совершим. Мама-куропаточка плакать будет, увидев пустое гнездо. Если с тобой или с сёстрами что-нибудь случится, для нас

с папой это будет неопишное горе. Вот и птички также жалеют своих деток, стараются весь выводок сохранить от хищников. Зато зимой куропаток много будет в тундре.

Мама достала из-за пазухи тряпичный мешочек, положила туда яйца и привязала его к поясу.

Солнце уже высоко поднялось, стало жарко. Мама решила возвращаться домой. Собаки с весёлым лаем неслись впереди, вперегонки с ними бежал и маленький Ийко.

Девочки всё ещё спали. Мама затопила печку, достала маленький чугунный котелок, положила в него яйца и поставила на печку рядом с чайником. Ийко с удовольствием съел свою порцию яиц, попил чаю, достал лук со стрелами и стал стрелять по мишеням.

А мама прилегла отдохнуть и вскоре уснула. Малыш, немного поиграв на улице, зашёл в чум, а там все спят. Он не знал чем дальше заняться. Но тут ему в голову пришла мысль – приготовить завтрак для сестёр. Открыл ящик с продуктами, достал пачку вермишели. Высыпал всю пачку в маленький котелок, залил водой, посолил, сверху добавил рыбьего жира. Далее он в тазике для дымокура развёл небольшой костёр, подвесил над огнём котелок. Вскоре варево закипело, забулькало. Немного погодя, когда погас огонь, Ийко снял с огня котелок, ещё раз перемешал вермишель. Поставил котелок на дощечку, ложкой зачерпнул вермишель. Но там была сплошная соль, во рту всё прожгло.

Взял котелок, вышел на улицу, немного положил вермишели в собачью миску. Самая старая собака, расталкивая других, первая подбежала к миске, но тут же, фыркая, отошла от еды. И ни одна собака не стала есть вермишель. Малыш понёс котелок в чум, поставил на печку. Прилёг рядом с мамой и незаметно уснул.

Он проснулся от громкого смеха мамы и сестёр. Нукко и Сяло ели куропачьи яйца, а мама скоблила котелок,

в котором Ийко варил вермишель. Мама поблагодарила его за приготовленную еду:

– Молодец, что ты о нас беспокоишься, решил нас вкусной вермишелью накормить. Мы его попробовали, ничего, есть можно.

А девочки при этом хитро улыбались, вслух не говорили о вкусе вермишели. Похвалили его за умение находить птичьи гнезда. Отныне все вместе будут бегать к гнезду куропатки, ждать птенцев, смотреть, как они будут расти.

Ийко рассказал, как он ещё хотел собак накормить своим варевом, но никто из них не стал есть вермишель. Мама с девочками, зная, в чём дело, просто улыбались ему.

После завтрака Сяло и Нукко пошли собирать хворост на топливо. Мама занялась ремонтом зимних нюков. Ийко взял лук со стрелами и пошёл к побережью реки. Берег был очень крутой и обрывистый, постоянно обваливался. Мальчик увидел желтогрудую трясогузку и погнался за ней. И сам не заметил, как оказался у самого обрыва. Почва мигом ушла из-под его ног. Малыш кубарем скатился под обрыв, на большой скорости его несло к реке. Он громко плакал, звал маму, пытался и не мог ни за что ухватиться. А внизу бурлила река, упав в неё, ребёнок уж не смог бы подняться на ноги. На его счастье недалеко соседка Нела собирала тальник и хворост. Она, недолго раздумывая, побежала на помощь малышу. Почти у самой реки поймала его. Успоила, вытерла ему слёзы. Ийко все свои стрелы порастерял. Соседка повела его к матери, рассказала, в чём дело. Мама не на шутку испугалась. Прижала сына к себе и до конца дня никуда его не отпускала. Вот так пролетел ещё один день на просторах тундры маленького ненца, по имени Ийко.

мох-сфагнум – растение в тундре, которое используется как хозяйственное средство в чуме

куропач – самец тундровой куропатки

нюк – выделанные шкуры оленя, сшитые в одно широкое полотнище, используются для покрытия чума; могут быть с мехом и без меха

ДОМ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ СОБАКИ

Стоял жаркий летний денёк. Ийко со своими младшими братишками, с Нилявко и Маймой, стреляли по мишеням из лука. Рядом с ними под нартами лежал старый пёс по кличке Сенг. Он жил вольно за былые заслуги. По молодости охрана стада полностью лежала на нём. Папа его очень любил, пёс повсюду сопровождал его. По весне Сенг любил гулять по тундре, а по приходу во рту всегда приносил по яйцу. Видимо, находил птичьи гнезда, наедался яйцами, и про своих маленьких хозяев не забывал. Никогда пустой не приходил домой. Однажды даже лебединое яйцо во рту принёс. Всем мальчишкам по кружочку варёного яйца досталось. И за это его дети очень любили, берегли.

Ни у кого такой собаки не было. Убежит, бывало, к озеру летом, а потом хозяина взглядом зовёт, если там увидит линных гусей и уток. Иногда сам мог поймать любую птицу, если незаметно подплывала к линной птице. Ийко заметил, что собаке очень тяжело на жаре, шерсть у него густая и поэтому всегда потеет. Язык собака высунула, тяжело дышит, уже полную миску воды выпил. И вот Ийко предложил братьям:

– Ребята, давайте нашей собаке глубокую нору выроем, сверху из досок крышу соорудим. Сенгу под землёй прохладно будет.

Малыши обрадовались такому предложению и тут же побежали за лопатой. Одна лопата всегда находилась под нартами, другая была прислонена к чуму. Нору начали рыть на склоне сопки недалеко от чума. Работать пришлось одному Ийко. Майме было всего три года, Нилявко шёл пятый год. От них толку не было, Майма лопату не мог даже держать. Но от дела не отходил, таскал дощечки. Рядом с ними постоянно крутился щенок Хорти. Его отгоняли, но он никуда не уходил, то громко лаял, то норовил сам залезть в появившуюся яму из-под лопаты Ийко. А старая собака так и лежала в тенёчке под нартами. Майма подходил к псу и всё повторял:

– Скоро у тебя будет свой дом, там тебе будет прохладно. Немножко потерпи.

А Ийко тем временем продолжал работать. Хоть и тяжело ему было, но яму вырыл довольно таки глубокую. Нилявко принёс доски, сверху ими накрыли яму. Потом на верёвочке привели собаку. Сенг послушно шёл за своими маленькими хозяевами. Ийко с Нилявко стали заталкивать его в вырытую нору, но пёс усердно вырывался. Он ни в какую не хотел залезать в логово, громко визжал, упирался. Нилявко приказным тоном кричал на собаку:

– Мы целый день работали, старались для тебя нору вырыть. Почему не хочешь заходить в свой дом?

Тут из чума на крики детей и визг собаки вышла мама. Поняв в чём дело, она громко засмеялась и сказала детям:

– Собака ведь не может понять, зачем вы её под землю толкаете. Я вам сейчас остатки ухи дам, поставите миску в яму, собака сама залезет туда за едой.

Услышав такие слова, Ийко побежал в чум, принёс в собачьей миске уху и сделал всё так, как сказала мама. Запах еды привлек собаку. Сенг тут же залез в нору, с удовольствием съел уху и остался в норе. Псу

понравилось жилище, он все жаркие дни лежал там. Щенка близко туда не подпускал. Мальчишки остались довольны. Теперь их любимой собаке жара не будет страшна. Папа за обедом похвалил сыновей за смекалку и заботу о любимой собаке.

Yaptune, Raisa Pekhedomovna

Nenets language

A BOY CALLED IYKO

In a camp of the Vy Yar clan, in the month of February, when a fierce snowstorm was raging, another little heir was born. It was the middle of winter, the time of severe frosts, although the disk of the sun began to rise above the horizon higher and higher every day. For almost two months, there was no sunlight in the tundra latitudes. According to ancient tradition, the sun visited the golden tent of the God Num behind the blue belt of the earth, and travelled through the expanses of the valley of heaven. The return of the sun is a great joy for the northerners. The elders foretell a happy future for children born at this time of year.

It was very cold on the day that the little Nenets was born. The head of the Vy Yar clan, the grandfather, Mallyu Ladyvich, in honor of the long-awaited grandson decided to slaughter his favorite menaruy*, a fine, untamed bull reindeer. These reindeer are only slaughtered on special occasions. The beauty with the forked antlers was hunted for a long time, he constantly managed to escape the loops of the lasso. The men got very sweaty and tired running after the reindeer. It had never been harnessed before, and the loop of a lasso had never been thrown over its enormous antlers. But finally, the reindeer was caught. The four young men could hardly control it. Despite the frost, the women, children and the elders came out of the tent to eat the fresh meat. Every one held their own knife, as is the custom in the tundra. The men cut up one half of the carcass, and

the other half lay on the snow. The blood collected in it, in which each person could dip the pieces of meat. Everyone sat around the skinned deer carcass. The dogs greedily ate the intestines, and everyone who gathered around the carcass was happy and cheerful on that wonderful day. Grandfather placed the head of the reindeer with its enormous antlers on the cargo sleds next to the newborn baby. Then the head was left in the camp, placed on a pole, as a gift to Granny Ya Minyu, the ancestress of all humanity, in thanks for the successful birth, and creating one more person on earth. The women carefully cleaned the reindeer's stomach and poured out the blood. They would dip fresh fish and meat in the blood later. The carcass was shared between all the tents in the camp, so that everyone delighted in the birth of a new member of the great clan of Vy Yar.

A month later, the members of the great clan gathered in one tent. They began suggesting what name to give the newborn baby. At that time, Nyarko Yaptune from the neighboring camp was visiting the Yar camp. As an honored guest, he made a suggestion:

“I have a daughter who was born a month earlier. When she grows up, perhaps they will marry, and your son will become my son-in-law. So let's call him Iyko – from Iy, son-in-law.”

And thus, the boy from the Vy Yar clan began to live under the name of Iyko, but he was also given a true, clan name – Yambko.

Iyko turned four. It was the dark time of year in the tundra, the month of great darkness. His sisters, Syalo and Nukko, visited for 10 days during the winter holidays. The boy spent every day with his sisters. The girls loved their little brother, and tried to fulfill his every whim. They brought him presents – toy cars, a multicolored ball, building blocks and a book. They sewed him new boots, and every day they took him riding on a sled.

Additionally, the girls helped their mother around the home, and sometimes went to collect osier and fetch ice for drinking water. And so the holidays went by in a flash. One evening, mother brought dark clothes into the tent for her daughters, as tomorrow they were supposed to go to the village. In the morning, the girls put on warm boots, new dresses, fur parkas and hats. Their brother kept asking them where they were going. When he found out what was going on, Iyko put on his warm parker which was kept by the head of the bed. He put on his shoes. His mother asked him:

“Son, why did you get out that new parka, the one you usually wear is warm enough.”

Iyko sniffed and replied:

“I’m also going to school with my sisters, I’ll live with them at boarding school, I’ve already put my book in my bag, and I’ll also take it with me.”

Getting dressed before his sisters, the boy quickly ran outside, clutching the bag with the alphabet book inside. The men had already harnessed the reindeer, and the dogs were running about barking. The sisters came out of the tent, and their mother followed. The girls got into the sleds, and father belted them slightly to the sledge. Iyko was also about to get into the sled, but father took him to one side. He untied the reins, and his four swift reindeer raced off into the snowy distance. Iyko stayed clutching the bag where his father’s sled had been. He let forth a howl of despair, but no one heard him, there was no one nearby.

After a while, the boy wiped away his tears and decided to follow the sleds on foot. He followed the tracks, holding the bag with the valuable book. He walked for a long time, and felt that his legs were tired, and that he was sweating. After sitting down for a while, he continued on his journey, determined to catch up with his father.

Then his mother, seeing that her son was nowhere around, went to look for him in the tents. But Iyko was not to be found in any tents, and none of the children in the camp knew where he was. Everyone in the camp united their efforts to look for him. The boys ran to the lake where they took ice for water, but saw no traces of the boy.

Meanwhile Iyko, who was very tired, began sobbing loudly. Sometimes he stopped and listened to the silence, but could not hear any sounds around him. He clutched the precious bag to his chest with all his might.

Everyone in the camp was beside themselves, looking everywhere for the lost boy. Grandfather Mallyu Ladyvich turned up, and when he heard the news, he followed the tracks of the recently departed sleds in search of his grandson. His reindeer set off at great speed, and after they had gone a short distance, the grandfather noticed a little heap in the snow. It was his grandson, wailing at the top of his voice. Grandpa stopped the sled and went over to the boy, wiped away his tears, calmed him down and put him on the sled. The boy was terribly cold, but he kept holding the bag to his chest with his beloved book. When they reached the camp, grandpa saw all the children running towards them. Even the reindeer got scared, the leading reindeer wanted to turn away, seeing the black, screaming horde in front of it. The boy's mother was also there. She took her son from the sled, and hugged and kissed him with tears in her eyes.

“Why were you in such a hurry to go to school, son? You're too young, in four years we'll send you to school ourselves. In the meantime, you'll learn to read with your father. Come into the tent, the kettle is on, it's probably already boiling.”

As soon as they entered the tent, mother noticed that Iyko was very cold, and shivering all over. She poured him some hot tea, opened a can of milk, and they began to drink tea. Grandma

came along and also sat with them. Iyko soon cheered up after drinking tea. The grandma joined in the conversation:

“Why did you want to leave us at such a young age, grandson, grandpa and I will really miss you. Put away your book, go and play with the kids, and don’t go into the tundra again, it’s easy to get lost there. It’s good there today it’s not so cold and there’s no snowstorm, you could have frozen out there. In spring your sisters will come back and they’ll bring you pencils and books again.”

But for Iyko, there could never be a better book than the spelling book he carried in his bag. He hid it carefully under his bed and went outside. The children were playing happily, and grandpa was already getting ready to go back to his herd. Iyko put on his coat and went with him. When they came home it was already dark.

menarui – bull reindeer that has never been harnessed; not trained in harness

parka – a woman’s gown richly decorated with ornaments, made of fur or felt

THE GLORIOUS TREAT. THE BIRDS’ NESTS

It was long-awaited spring in the tundra, June had arrived. The migrating birds had built their nests everywhere, and in a month their young would hatch. The tundra children have their own birds’ nests, mainly sparrows’ nests. Every day the children go to visit their little birds, to look at their eggs, and then go away again. The birds get used to this and don’t fly far from the nests.

Recently the ice on the rivers had melted, and the fishermen set their nets. One morning Iyko woke up from the noise of seagulls, a conversation between parents. That day a team of fishermen had met early to check their nets. It was getting hot, and you couldn't leave fish in the nets for long, it would spoil very quickly.

Iyko jumped to his feet and ran barefoot down the street. The fresh wind blew through the boy's hair. Iyko went to the wash basin, quickly washed his face, and went into the tent. His mother was already putting tea cups on the table. Iyko sat down and announced loudly:

“Dad, I want to go fishing with you, I'm bored in the camp.”

“No, son, we're going a long way today, you'll get in our way. We have to check a lot of nets, you'll get tired. Go into the tundra with your mother, she's going to collect sphagnum* moss. We need a big supply of moss in winter, there's a lot of us, we all need it for hygiene. Help your mother, you'll find new nests on the way.”

Iyko agreed with his father, finished his tea, and went outside with him. Dad put on a canvas raincoat, and put the parker in a bag. It's cold out on the water, you'll freeze without a parka in no time. The boy accompanied his father for a little while and returned to the tent. His sisters, Nukko and Syalo, were still asleep, and he did not wake them up. Mother put on her new parka of blue felt, and tied a red scarf with large roses on her head. Her beautiful clothes made everything around her also become beautiful and festive. She took a bad for the wet moss. It is usually used to rub the tables after gutting fish, and also for the dishes. The dogs came running after them with happy barks, only they left the little puppy at home, so that it wouldn't get lost among the bushes.

The sun was shining brightly, and it was warm. It was a true pleasure to walk in the tundra on a day like this. Mother tore

the moss as they walked, giving off a smell of the musty earth. Iyko threw it into the bushes for drying. Suddenly a male partridge flew out of the bushes nearby. It sang loudly for everyone to hear:

“Kabev, kabev, kabev!”

The partridge flew near them, perched on a branch and started singing loudly. These were warning sounds for the female sitting in her nest. The male kept the same snow-white feathers it had in winter. Only its neck had turned brown, and the area above its eyes had turned bright red. You could even see this color from a distance. Dogs started chasing the bird. The partridge, trying to draw the dogs away from its nest, flew in front of the nose of the old dog. Iyko and his mother approached the alder grove. The female partridge flew out of it without a sound. She was completely brown, the color of summer tundra. Under their feet, Iyko saw her nest. In a shallow hole, over 10 dark eggs lay in the nettles. The boy stretched out of his hand to take an egg, but mother stopped him.

“Don’t touch the eggs. We’ll take eight of the 12 eggs, each of us will get two. We’ll leave the rest in the nest. The female may lay some more eggs. If we take them all, we’ll be committing a sin. The female will cry when she sees her nest is empty. If something happened to you or your sisters, it would be an indescribable sorrow for father and me. The birds also feel sorrow for their young, and try to protect the brood from predators. There’ll be a lot of partridges in the tundra in winter then.”

Mother took a cloth bag out of her pocket, put the eggs and it and tied it to her belt.

The sun was high in the sky and it was getting hot. Mother decided it was time to return home. The dogs raced on ahead barking happily, and little Iyko ran after them.

The girls were still asleep. Mother started the fire, took out a small cast-iron pot, put eggs in it and placed it on the stove next to the kettle. Iyko happily ate his portion of eggs, drank

tea, and then took out his bow and arrows and began shooting at targets.

Mother lay down to rest and soon fell asleep. After playing outside for a while, Iyko went into the tent to find everyone asleep. He didn't know what to do next. But then he had an idea – to make breakfast for his sisters. He opened the box of groceries and took out a packet of noodles. He poured the entire packet into a small pot, filled it with water and salted it, and added fish oil. Then he started a small fire in the smoking pan, and hung the pot over the fire. Soon it was all boiling and bubbling. Waiting for the fire to go out, Iyko took the pot off the fire, and stirred the noodles again. He put the pot on a board, and tried the noodles. But it was terribly salty, and made his mouth burn.

He took the pot and went outside, and put some noodles in the dog's bowl. The oldest dog, pushing aside the others, ran up to the bowl, but immediately snorted and walked away. None of the dogs ate the noodles. The boy brought the pot into the tent and put it on the stove. He lay down next to his mother and fell asleep immediately.

He woke up from the loud laughter of his mother and sisters. Nukko and Syalo were eating the partridge eggs, and his mother was scraping out the pot in which Iyko had cooked the noodles. Mother thanked him for the food:

“Good boy, you care about us, you decided to cook delicious noodles for us. We tried them, they're quite fine.”

The girls gave a knowing smile, not talking about what the noodles tasted like. They praised him for his skill in finding birds' nests. From now on, they would go to the partridge nest together, wait for the young to hatch and watch them grow.

Iyko said that he also wanted to feed the dogs his noodles, but none of them wanted to eat them. Mother and the girls, knowing the reason for this, simply smiled at him.

After breakfast, Syalo and Nukko went to gather brushwood for fuel. Mother started to repair the winter nyuks*. Iyko took his bow and arrows and went to the river bank. The bank was very steep, and constantly crumbling. He saw a yellow-breasted wagtail and chased after it. He didn't notice how he found himself at the very edge of the cliff. The soil suddenly crumbled under his feet. He rolled down the slope, hurtling towards the river. He cried loudly and called for his mother, and tried to catch hold of something, but to no avail. Below the river was gushing fiercely, and if he fell into it, the child could not have got out. Fortunately, nearby their neighbor Nela was gathering osier. Without hesitating, she rushed to the boy's rescue. She caught him just as he was about to fall into the river. She wiped away his tears and calmed him down. Iyko had lost all his arrows. Nela took him back to his mother, and told her what had happened. His mother was very upset. She hugged her son tight and did not let him out of her sight for the rest of the day. Thus another day passed in the tundra for the little Nenets boy named Iyko.

sfagnum moss –a plant in the tundra which is used as a cleaning agent in the tent

nyuk –reindeer hides sewn into a large cloth, used for a tent covering; may be with fur and without

THE LITTLE SWIMMERS

It was a clear, sunny day. A team of fishermen were planning to check their nets that they had laid to catch sturgeon in the Yenisei River. While they were pouring petrol into canisters, suddenly the wind rose up, and it was so strong that in an instance the mirror surface of the water became completely

black. The Yenisei was a fearsome sight. Enormous waves the size of a human being crashed on to the banks, leaving a snow-white foam. The men dragged the boats on to the bank, and secured them with anchors on all sides.

Everyone got down to work. Some repaired the sleds, some wove the lassoes, others prepared the poles for the tents. The father of young Iyko worked on fixing the sleds. He had abandoned work on them ever since fishing season began. The mother and daughters in the tent sewed hides for winter clothing. All the members of the camp were busy with chores on this windy day.

Not far from the camp, a scythe-shaped lake was located – Yun. The boys decided to go to this lake. The day was very suitable for walks. The wind was blowing, the warm sun was shining, and there were no mosquitoes. The wind blew them away, although the mosquitoes flew out in swarms from the osier. The surface of the lake was smooth, like a mirror. Only the calls of birds broke the silence. The older boys threw off their clothes and plunged into the water.

But the younger boys were not even allowed to go barefoot into the water. The older kids splashed about in the cool water, running after each other. It was bliss. But the wind also reached this place, and large waves began to appear in the middle of the lake. But the boys were swimming in the sandy part of the lake, which was still and shallow.

Suddenly this silence was broken by a loud howl. The boys jumped out of the water and saw Iyko and his friend Khanyako up to their necks in water. They were being pulled to the middle of the lake by the current. And the waves there were very large indeed from the rising wind.

As the boys watched, their friends were being dragged into a whirlpool. Adults had already arrived there when they heard the noise. But the oldest of the boys, Pyadyo, got their first.

He reached the boys, grabbed Iyko by the hood of his parka, and with the other hand grabbed Khanyako by the collar of his shirt. The waves swept over the children, but Pyadyo stubbornly swam to the shore without letting the boys out of his grasp. The adults came to help.

The hem of Iyko's parka was dragging along the ground, and he was wailing. On the shore of the lake, his father took all his clothes off, then took his own shirt off and wrapped his son up in it. Khanyako was also wailing loudly. His relatives came crowding around him. If Pyadyo hadn't got to them in time, the boys would have choked on water and drowned.

Finally, everyone went back to the camp and then to their separate tents. Iyko could not stop shivering, although he drank hot tea. His sisters and mother kissed him, and gave him sweets. Since then, the children were not permitted to go to the lake. And Iyko and Khanyako were scared of water for the rest of their lives. Even when they were adults, they never got into the water, even at the hottest time of year.

ГОЛОС СЕВЕРА

*Сборник произведений участников
Третьего литературного конкурса
«Голос Севера»*

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Отрывки из произведений авторов-северян

Редактор: *М. А. Рачинская*

Обложка: *Е. Н. Морозов*

Технический редактор: *Г. А. Филичева*

Перевод на английский: *Саймон Паттерсон*

VOICE OF THE NORTH

*Anthology of works by participants
of the Third literary competition
“Voice of the North”*

APPENDIX.

EXCERPTS FROM WORKS BY NORTHERN WRITERS

Editor: *M. A. Rachinskaya*

Cover: *E. N. Morosov*

Technical editing: *G. A. Filicheva*

English translation: *Simon Patterson*

